

18+

Лев Усыскин

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПОХОЖДЕНИЯ С БЕЛЫМ КОТОМ

Лев УсЫскин

**Необычайные похождения
с белым котом**

«Издательские решения»

Усыскин Л.

Необычайные похождения с белым котом / Л. Усыскин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852853-8

Крестьянская девушка Гретхен скитается по дорогам Германии начала XVI века вместе с говорящим котом — в поисках колдуна, который один только может спасти старого алхимика, попавшего в беду. Священники и головорезы, нищие и аристократы, проходимцы и паломники, игроки в шахматы и моряки, мышинный король и дома с говорящими стенами — кого только не доведется повстречать героям книги, прежде чем судьба вознаградит благородство их помыслов.

ISBN 978-5-44-852853-8

© Усыскин Л.
© Издательские решения

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	6
Глава самая первая, в которой, собственно говоря, ничего особенного не происходит	7
1	7
2	9
3	10
4	12
5	16
6	19
7	20
Глава вторая, в которой Гретхен привыкает к городской жизни и, наблюдая некоторые таинственные занятия, узнает удивительные вещи	25
8	25
9	26
10	28
11	34
12	36
Глава третья, в которой все идет своим чередом, однако в городе появляется тот, кому лучше бы не появляться вовсе	38
13	38
14	39
15	41
16	42
17	44
18	45
Глава четвертая, в которой Тимофей имеет успех, вмешиваясь не в свое дело, а мы, наконец, узнаем, зачем Гурагон пожаловал в город	49
19	49
20	53
21	59
22	63
23	67
24	71
Глава пятая, в которой все приходит в движение, многие недоумевают, а Гретхен и Тимофей покидают город весьма странным способом	73
25	73
26	78
27	82
28	86
29	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Необычайные похождения с белым котом

Лев Усыскин

*Моей дочери Юлии, а также белому коту, жившему с нами
на Школьной улице*

© Лев Усыскин, 2022

ISBN 978-5-4485-2853-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КНИГА ПЕРВАЯ

Мастер Альбрехт

Глава самая первая, в которой, собственно говоря, ничего особенного не происходит

1

Давным-давно – уж и не помню, сколько лет назад – жил да был в одной деревне богатый старый мельник. Год за годом – каждое утро – выходил он на крыльцо своего дома, шурился на солнце, если светило солнце, или же подставлял морщинистую ладонь дождю – если с неба лил дождь. «Ну, вот, еще один день Бог послал мне, грешному!» – привычно произносил одними губами мельник и отправлялся на мельницу, смотреть, как его потные работники, похожие в облаках мучной пыли на чертей, с рассвета льют золотой поток пшеницы на неутомимые жернова.

Убедившись, что все идет своим путем – вода из канала по-прежнему вращает колесо мельницы, а рядом с ней ждут своей очереди груженные доверху зерном телеги окрестных крестьян, – старый мельник возвращался домой. Завтракать. Все было в порядке: все шло к тому, что этот день, как и предыдущий, добавит в сундук мельника еще один звонкий серебряный талер.

Так жил наш мельник, так он и состарился.

А кроме сундуков с талерами, нажил к старости мельник троих детей: двух взрослых сыновей и дочь – совсем еще девочку, однако вылитую покойницу-мать. Мельник и любил ее поэтому больше, чем сыновей, – хотя, говоря начистоту, и было за что любить такую: сыновья – те, по большому счету, выросли лодырями, только и знали, что пить пиво в деревенской таверне да ругаться. А девочка – ее звали Гретхен – характером была – чистое золото: работающая и добрая. Всегда все по дому успеет, обед сварит – братьев накормит, а придет с мельницы отец – сядет рядом и к плечу его прижмется: мельник и растает весь, словно бы не было позади дня работы и лет жизни.

Однажды в деревне поблизости случился шумный праздник – староста выдавал замуж свою засидевшуюся в девках дочь. Всю ночь пировал народ – стучал пивными кружками по расставленным прямо во дворе столам, тушил в закопченных котлах мясо, пел хмельные тягучие песни. Глядя на сидевшего через стол невестиного брата – дородного и плутоватого детину, – мельник, перебравший уже густого и мутного деревенского пива, вдруг почувствовал, как словно бы годы пошли вспять – и он снова такой же сильный и молодой и все ему нипочем:

«А ну-ка, детка, – произнес он нарочно громко, чтобы все вокруг услышали, – давай-ка потягаемся: кто из нас двоих поосновательнее будет. Сколько ты еще жаркого умолоть сможешь?»

«Да уж смогу, дядя мельник... видать, не меньше вашего!» – ответил детина, принимая вызов.

«Все слышали, али что?» – обвел тогда мельник взглядом прекративших свои разговоры гостей.

«Слышали, слышали, как не услышишь! Об заклад бьетесь – каждому ведомо! А что закладом-то станет?» – заверещали вокруг.

«А что закладом станет, в самом деле, а, дядя мельник?» – спросил сын старосты.

«А что будет? А вот что, – ответил мельник, – коли ты меня одолеешь – с меня две овцы».

«А если вдруг вы меня, неровен час? Тогда что?»

«Тогда... – мельник хитро прищурился, – тогда ты, сукин сын, женишься на моей Гретен, когда она подрастет. Идет, али нет?»

«Идет-то идет, дядя мельник... – задумался детина, – Да, вот скажи только прежде – ты за дочку-то приданым или хоть в наследство что тогда определишь? Мельницу даешь или двор? Или, может, серебра сколько-то?» – звездочки жадности зажглись в глазах старостенка.

Развеселился мельник, увидав эти звездочки: «Совсем как я в молодости – своего не упустит, – подумал он, – такого бы моей девчонке и надо – да, к тому же, и староста, известно, хозяин зажиточный, право, имеет, что единственному сыну *отказать*». Однако виду мельник не подал – лишь взглянул на старостенка хитро да головой мотнул:

«Экой ты быстрый! Чтобы дочь моя да с мельницей и пошла за твой проигрыш? В своем ли уме ты?»

«А как же тогда, дядя мельник? Ведь нельзя же совсем без приданого».

«Нельзя, нельзя, тут ты прав! Совсем без приданого – дурное вовсе дело, совсем без приданого не годится... Я и не пушу ее без приданого, не пушу – уж будь спокоен! – медленно мельник встал со скамьи; хмельной туман тянул его за язык, – Не пушу без приданого, слышишь, детка... оделю щедро... – он обвел глазами затаивших дыхание гостей, – оделю... пусть будет с ней то, что она носит, и вся одежда ее, и рукоделье ее оконченное и неоконченное... и еще... еще пусть будет с ней... ну хоть бы наш белый кот!.. вишь, разбойник: его и кормить-то не надо почти – сам себе мышей наловит и этим горазд!..»

Валом хохота встретили гости эти слова. «Ай да мельник!» – неслось со всех сторон, – «Эк он старостенка поддел!» Ударили об заклад, принесли жаркое. Стали есть его – сперва с охотой, хоть и не голодны были уже, затем с равнодушием, а после – через силу. Едят они, едят – красные оба, потные – уж и не рады, что ввязались, уже и сдаться каждый готов – даром, что проигрыш по уговору не больно горек – а задор свое берет. Подымет один голову, взглянет на другого, какое у того лицо перекошенное, – и ну опять кусок в рот пихать: авось соперник вот-вот сейчас сломается!

В начале второго часа мельника вдруг что-то словно ударило на миг – в глазах потемнело и руки как, все равно, от холода затряслись – мелко-мелко. Но старик этому как следует и удивиться-то не успел даже – только он рот раскрыл для вдоха, как все и прошло, бесследно как будто!

Принялись есть жаркое дальше. Еще час ели, полтора, два ели – наконец не выдержал старостенок: встал из-за стола медленно, шагнул в сторону, скамью уронив, и, едва только пробормотать успел: «Ваша взяла, дядя мельник – ей-же, далеко мне пока до вашего-то пуза...» Пробормотал – и тут же к ближайшей канаве метнулся: видать, съеденное жаркое прочь запросилось...

А мельник – он сперва за столом посидел: как говорится, для приличия да еще чтоб поздравления не стоя выслушивать: стоять-то уж и сил у него не осталось. Посидел, посидел – поулыбался. Пива из кружки глотнул – чтоб икоту унять – после встал и медленно, вразвалочку пошел восвояси.

Домой он пришел уже под утро, еле переставляя ноги. Съеденное жаркое камнем обложало его внутренности. Дышать – и то было трудно. Мельник уже и не рад был, что затеял давешний спор, – и даже жалел, что вообще угодил на ту свадьбу. Хотя, с другой стороны, и не пойти нельзя было тоже – староста бы обиделся смертельно. Мельника мутило, но он все же попробовал думать о чем-то приятном: «Вот же все-таки – девчонку, считай, пристроил! Теперь уж староста не отвертится: вся деревня слыхала слово сказанное... ничем уж не перешибить...» Мельник прислонился к стене: «Сколько ж я съел жаркого этого проклятого?» Он открыл рот – хотел позвать кого-нибудь, чтоб помогли раздеться и лечь, но тут в глазах его вновь потемнело, как тогда, во время спора, и уже не отпустило тотчас, а словно бы какая-то

невиданная прежде сила волной стала подыматься быстро внутри, обволакивая сердце, легкие, гортань. Вместо призыва о помощи, из открытого мельникового рта донесся теперь лишь еле слышный стон – старик медленно сполз по стене на землю и, прежде чем сбежались люди, умер.

2

Похоронили, стало быть, мельника и принялись нажитое им делить. Ох, уж и разговоров тут было! Не разговоров даже – криков. Криков и ссор. Все орут, бранятся, руками размахивают – пуще всех жены мельниковых сыновей, конечно, стараются: визжат, будто свиньи резанные, что одна, что другая... Того и гляди – и вовсе в волосы друг другу вцепятся! Впрочем, и мужья от них не больно-то отстать норовят: глядят друг на друга волком, кулаки сжимают – даром, что братья родные.

И лишь Гретхен во всем этом не участвовала никак. Сидела себе в уголочке за рукоделем – и только слезу нет-нет, да и смахивала, отца вспоминая.

Словом, спорили, спорили сыновья мельника, делили-рядили – и, наконец, совсем из сил выбились.

«Послушай, – говорит один другому, – мы ведь с тобой отцу нашему всегда подчинялись, не так ли?»

«Так, брат, всегда», – отвечает второй.

«И то, что он при жизни решил, ведь теперь не отменим?» – продолжает первый.

«Не отменим, – второй соглашается, – чего ради отменять-то... коли отец решил, так и сделаем...»

«Ну, а коли так у нас принято – то и с сестрицею, само собой, должны поступить мы по отцовому конечному слову, правда ведь?»

Почувствовал второй из братьев теперь, куда первый клонит, – и ну, довольный, поддакивать:

«Дело говоришь, братец, дело! По отцовскому, конечно же, слову поступим – как же еще!...»

«А помнишь ли ты, братец, как отец перед смертью сказал, что отдаст ей кота нашего только? Дескать, мельницу – нам, и сундуки – тоже нам, а девчонке бесполезной – кота да еще рукоделье ее неоконченное, – потому как всякому ясно: какой от девчонки толк. Только замуж ее выдать разве...»

Второй из братьев как услышал эти слова, так прямо просиял весь:

«А ведь и вправду так: вся деревня знает, что отец ей ничего оставлять не пожелал».

«Не пожелал, не пожелал – все нам отписал, нашим семьям. Тебе, к примеру, мельницу, а мне – сундуки. Или наоборот, если хочешь».

«И то – дело, брат. Давай же так и поделимся: девчонке – кота, одному из нас мельницу, а другому – сундуки отцовские. А кому что – кинем жребий».

Так и порешили братья. И даже жен своих смогли унять, не в меру воинственных. В одном только у них на поводу пойти пришлось: заладили вдруг обе, что под одной крышей с Гретхен жить не станут – ну что ты тут сделаешь! Уж и объясняли им битый час, что съест девчонка с наперсток, а заработает за двоих, – ни в какую. Уперлись и точка. Бабы – они и есть бабы. Пришлось подчиниться.

Словом, взяла Гретхен большую корзину из ивовых прутьев, положила туда немногие свои пожитки, хлеба краюху да сыра чуток, зашила в пояс десять талеров – подарок одного из братьев, того, которому сундуки достались, – видать, совесть-то мучила его, хоть и самую, понятно, малость! – зашила, значит, она монетки и собралась уже было уходить из отчего дома навсегда, как тут и про кота вспомнили – где-то он шляется, разбойник?

Принялись искать. Кричали по всему дому: «Тимофей! Тимофей!», на мельницу даже сходили – ну нет нигде кота. Хотели уж было Гретхен за порог и вовсе без кота спровадить – да не решились все же: вдруг что люди подумают – сказал же покойный мельник, что кота девчонке отказывает, все про то слышали, значит, так и быть тому – даром, что коту на мельнице самое место, вообще говоря: одним даже запахом своим скольких мышей отвадил – людям сколько зерна сохранил! Ну, да ладно, чего уж жалеть теперь – что решено, то решено. Вот только где он, куда задевался?

А кот – он и не думал никуда прятаться. Когда поиски затихли, сам вылез – из-под вороха одежды нестиранной: спал он там, как это пополуночи у приличных котов и заведено. Хозяйка же весь дом перерыли, а у себя под носом посмотреть не удосужились. Так, впрочем, почти всегда бывает – кто с котами дело имел, тому не в новость.

Стало быть, выспался Тимофей, глаза открыл, зевнул, спинку выгнул да две передних лапы вперед же вытянул. Потом сам вперед подался, на этот раз задние лапы подтянув – словно бы с трудом, волоком: таким способом, если не знает кто, приличные коты себя обычно со сна взбадривают. Чтобы тело ловчее было и упруге.

И вот, едва Тимофей эти свои упражнения закончил, как случилось доселе небывалое – обе невестки покойного хозяина вдруг набросились на него, схватили за все четыре лапы разом и сгребли в охапку. Бить, правда, не стали, но зато уж орали на него – будьте нате! Последний раз так орали, когда он котенком еще в бадье с молоком случайно выкупался, – с тех пор всякое бывало, конечно, но чтоб так орать на него в четыре глотки!? Оказывается, все они его уже битый час-де ищут и что-то такое от него давным-давно хотят – поди их всех пойми!

Он вообще-то ни о чем не ведал – и белым ухом, так сказать, не вел. Ну, суетятся все, кричат друг на друга – подумаешь: в первый что ли раз? Кот – он, по большому счету, жил у мельника независимо: что хотел, то и делал, куда хотел, туда и шел. Кормился тоже сам главным образом: благо, на мельнице мышей – пруд пруди. Никто его в мельниковом доме особо не привечал и не ласкал – живет и ладно – а обижать себя он и сам не позволял: острые когти всегда к услугам... В общем, жил себе Тимофей-кот обычной котовой жизнью и был этой жизнью вполне доволен. Жил – не тужил, и тут на тебе: набросились, схватили, посадили в корзину... Даже не знаешь, что и подумать, – то ли съедят сейчас, то ли еще что затеяли...

Вот посадили его в корзину, значит, – хорошо, хоть голову оставили снаружи: чтоб видел что и куда... Сидит Тимофей, глядит вокруг да про себя лишь ругается: а что еще делать – тут уж мяукай не мяукай, а видно, что дело серьезное. Только ждать и остается – сидеть и ждать.

Впрочем, ждать ему пришлось недолго. И четверти часа не прошло, как все сборы завершились, – просунув обе руки в кожаные лямки, Гретхен водрузила корзину с котом и своими пожитками за спину:

«Что ж... прощайте, братья мои... не поминайте лихом, коли в чем вас прогневала...»

«Прощай, прощай, дармоедица!.. Ступай себе с богом... – поспешили ей ответить, вперед своих мужей, братнины жены, – Иди, что ли, к старосте – может, хоть он примет тебя, непутевую... заради сына своего младшего...»

И с этими словами захлопнули перед Гретхен двери отчего дома.

Моросил редкий надоедливый дождик – Тимофей сердито поводил ушами всякий раз, когда капли падали на его белую шерсть: как всякий уважающий себя кот, он терпеть не мог воды.

3

Моросил затяжной надоедливый дождик, за день превративший дорогу в желто-коричневое глиняное месиво. Как ни старалась Гретхен ступать осторожнее, ее башмачки вскоре

стали одного с дорогой цвета – и, что гораздо хуже, нещадно прилипали теперь к дорожной грязи, затрудняя ход. Добираясь до дома старосты, она, хоть и была от природы выносливая и сильная, умаялась настолько, что с трудом нашла в себе силы постучать в дверь. Из-за двери ее окликнули. Гретхен в ответ смогла лишь только расплакаться – тогда дверь приоткрылась, и ее впустили вовнутрь.

«Ну, не плачь, не плачь, дочка... посиди, обсохни, – говорил староста, глядя исподлобья на всхлипывающую Гретхен, – сейчас жена тебе похлебку принесет горяченькую, отдохнешь, придешь в себя...»

Он взял у Гретхен корзину, поставил ее в угол.

«Это и есть твое приданое? Тот самый кот?»

Вместо «да» Гретхен лишь шмыгнула носом.

«Выпустить его пока, чтоб лапы размял? Не убежит?»

Гретхен кивнула.

«И то – дело...» – проворчал староста и освободил кота. Тимофей тут же выпрыгнул на дощатый пол, однако удаляться от корзины не решился: так, на всякий случай...

«По крайней мере, дождя здесь нет, – подумал кот, – и на том спасибо». Он сел у корзины и принялся старательно приводить в порядок вымокшую шерсть. «Есть не дадут, конечно, а жаль».

Однако на этот раз он, к счастью, ошибся: вскоре появилась жена старосты – толстая некрасивая женщина с большущей бородавкой у носа – и в самом деле поставила на стол миску с дымящейся похлебкой, а чуть погодя швырнула коту обрезок кровяной колбасы. Гретхен принялась есть, мешая похлебку со слезами.

«Ну... ешь, детка, ешь... а мы покамест тут с женой потолкуем, как с тобой дальше быть...»

Староста со старостихой вышли прочь. Когда они вернулись, Тимофей уже совсем справился с колбасой и теперь рассеянно оглядывал углы скучающими от сытости глазами: «Можно бы жить и здесь, пожалуй... да... можно вполне... и мышей, похоже, вдоволь – вон как в погребе шарят, и это днем-то...»

Гретхен тоже закончила есть и вопросительно подняла голову:

«Что мне теперь делать, дядя Клаус?»

Слезы уже высохли полностью, наступившая сытость исподволь вызывала какое-то странное равнодушие – казалось, Гретхен готова была с одинаковыми чувствами принять любую судьбу. Хотелось только узнать ее поскорее.

«Что же мне теперь делать, дядя Клаус?»

В ответ староста и его жена лишь потупили взоры:

«Ну... словом, дочка... – староста замялся, закашлялся, но жена тут же едва заметно пихнула его в спину, – словом, дочка, мы решили... того, значит... значит, не след тебе оставаться в нашем доме, вот...»

Тимофей оторвался от созерцания углов и наострил умные белые уши.

«Ну, сама посуди, дочка: был бы жив отец твой – мельник, – тогда, конечно же, дело другое!.. Совсем иначе все заварилось бы, да... Тогда мы приняли б тебя в доме нашем с великой честью и радостью. Ведь всем ведомо, что он бы тебя не оставил, случись что... И всегда бы помог – это уж как пить дать!.. Про то и слово было сказано, и Ганса моего на тех как раз условиях за тебя сулили... Ан видишь как вышло! Не возжелал Господь... Что толку нам теперь в том, что ты мельникова дочь? Хоть бы и не мельникова, а чья придется – братья твои тебе кружкой воды не подсобят в дождливый день... Это уж всем известно в нашей деревне... никак не скроешь...»

Староста перевел дух. Гретхен увидела, как мелькнули в глазах его жены жестокие огоньки самодовольства – словно бы какая-то трудная и рискованная работа теперь сделана и сделана хорошо. Очень хотелось не плакать больше, но слезы как-то сами собой наворачивались на глаза: девочка шмыгнула носом – один раз, другой – и вдруг заревела в голос.

«Ну, ты... полно, слышь, полно, дочка... Плачем хлеба не взрастишь... – староста вновь потерял с таким усилием добытое самообладание, – Ты, слышь, ладно уж, переночуй у нас, чего там, а уж завтра – да, завтра и пойдешь поутру... Богу помолясь... авось, погода и поправится чуток... да...»

При этих словах Гретхен зарыдала с новой силой:

«Куда ж... мне... идти... а?... одна я теперь одинешенька...»

Староста подпер кулаком подбородок и задумался. И вправду – куда ж ей теперь деваться, бедолажке?

«Ну... ты... эта... куда-куда... раскудахталась все равно... Известно, куда идти, – в город, куда ж еще кроме города-то!.. В городе таким, как ты, и место – без роду без племени, ни кола ни двора... Пойдешь в город, скажешь стражнику в воротах, что, мол, в услужение желаешь наняться. Да и в самом деле потом наймешься... Коли в хороший дом попадешь, – то все образуется...»

Староста постепенно воодушевился: собственные слова показались ему необычайно убедительными, он даже почти поверил, что и впрямь делает для Гретхен правильное и доброе дело.

«На вот тебе от нас – два талера на дорожку... чтобы не забывала наш дом... как мы добры к тебе были... и все такое...»

4

К утру погода и в самом деле улучшилась. Дождь прекратился, выглянуло солнышко и за несколько часов высушило все вокруг – дорогу, поля, деревья. Идти стало несравнимо легче, чем накануне, однако путь до города был неблизок, и Гретхен через какое-то время, само собой, изрядно умаялась. «Если б только не корзина эта тяжелая... наверное, уже далеко бы ушла от этих мест... а так – тащусь еле-еле...» Она горько-горько вздохнула – тотчас же вспомнилась разом жизнь на мельнице – как хороша и беззаботна она была при живом еще отце: и славно все было тогда, и весело, и даже тяжелая работа делалась едва ли не шутя... И ведь поди ж ты – даже мысли не могло возникнуть никакой о том, что все когда-нибудь так переменится!

Снова захотелось плакать, но на этот раз девочка пересилила слезы и лишь еще раз вздохнула: «Только и осталось от родного дома – что кот Тимофей... да и от того – какой, в сущности, прок: тащи вот его знай... наказание прямо...»

Она свернула с дороги в сторону и, приметив невдалеке невысокие кусты дикой жимолости, решила подкрепиться и передохнуть около них.

Весело пели птицы, радуясь наступившему жаркому дню. Гретхен поставила корзину на землю, достала из нее хлеб, сыр и глиняную флягу с водой – не забыв, разумеется, выпустить кота поразмяться: пусть пока побегает, белый разбойник, чего уж там!.. Белый разбойник, само собой, резво сиганул из корзины, нетерпеливо цепляясь когтями за ивовые прутья – оказавшись на свободе, он по-собачьи встряхнулся и, чуть припадая на полусогнутых лапах, осторожно двинулся к кустам, задумав, как видно, обследовать их по части мышей-полевок.

Гретхен опустила на траву, отломив кусок хлеба и с жадностью съела. Отломив другой, потом третий – дневной голод быстро прошел, волшебным образом забрав с собой и давешнюю печаль: насытившись, девочка улеглась на траву навзничь и, обхватив ладонями затылок, принялась мечтать, рассматривая редкие курчавые облака, плывущие по небу.

«Милое облачко, белое и легкое, быстрое и свободное, – беги, беги и меня возьми – дай сил мне дойти до города и дай мне счастье найти в городе людей добрых – тех, кто станут мне отцом, матерью и братьями моими новыми, и товарищами дорогими».

Незаметно Гретхен стало клонить в сон. Некоторое время она еще пыталась сопротивляться подступающей дреме, однако та, как нередко случается, оказалась сильнее, и девочка вскоре заснула, лишь успев напоследок вспомнить про Тимофея. «Где-то он сейчас шляется... ну да не уйдет далеко, в самом деле...»

Разбудил ее какой-то несусветный грохот и лай. Казалось, орава какого-то народу набежала вдруг и принялась ругаться во весь голос. Едва продрав глаза, Гретхен в испуге вскочила на ноги и отшатнулась: две огромные грязные собаки – серая с проплешинами и рыжая с порванным ухом – рыча выскочили из кустов и, как ей сперва показалось, бросились прямо на нее. Испугавшись, Гретхен попятилась прочь и уже хотела было закричать, как вдруг чьи-то цепкие когти пробежали по ее спине. В следующее мгновение она поняла, что это Тимофей, – не имея другого способа спастись от собак на открытой местности, кот вскарабкался по ней, словно по дереву, и теперь стоял всеми четырьмя лапами на ее правом плече, выгнувшись дугой и шипя.

Собаки надрывались у ног Гретхен, не решаясь все же напасть, – это были трусливые собаки, выгнанные из города своими собратьями за подлый характер. Они рычали и лаяли, страшно сверкали налитыми кровью глазами, но в душе боялись схватки сами и готовы были при первом же отпоре отступить. «Идите прочь, гадкие! – закричала на них Гретхен, – Не смейте на меня лаять!» Она слегка наклонилась, словно бы собираясь поднять с земли камень, – Тимофей при этом чуть не потерял равновесие: дрожа всем телом, он сперва сполз на спину Гретхен, затем, когда девочка снова выпрямилась, вернулся на свое прежнее место, изо всех сил цепляясь когтями за ее платье. Сказать по правде, было очень больно, но опасность помогла Гретхен пересилить боль. «Идите прочь, кому говорю!» – она шагнула навстречу собакам, те не выдержали и, огрызаясь, попятились – сперва рыжая, потом серая. Гретхен сделала еще один шаг вперед, затем еще – собаки попятились было вновь, но тут вдруг рыжая не выдержала, взвизгнула, и, развернувшись, побежала восвояси. А следом за ней, опустив голову и поджав хвост, поплелась и серая с проплешинами – видать, оставаться один на один с противником было не в ее правилах.

Убедившись, что собаки ушли уже далеко и возвращаться явно не собираются, Гретхен спустила кота на траву и сама села рядом – все-таки следовало унять волнение перед тем, как двигаться дальше. «Какие они страшные, эти собаки! Страшные и гадкие!» Она допила воду из фляги, медленно, одну за другой вытряхнула на траву зачем-то две последние капли, после чего поднялась на ноги. Все же надо было поторапливаться, чтобы добраться до города засветло, – вопреки полной неизвестности, окутавшей ее будущее, Гретхен почему-то была уверена, что в этом случае сразу же сможет обзавестись ночлегом и ужином.

После отдыха корзина, несмотря на изрядно уменьшившееся количество еды, неожиданно показалась девочке словно бы потяжелевшей – она приподняла ее руками и тут же поставила на землю вновь: «Как я только дотащу все это – а ведь еще и кота сюда придется прибавить!.. – произнесла она с отчаянием, – Так можно и не поспеть до вечера...» Гретхен вздохнула жалобно и в этот момент услышала, как кто-то произнес совсем рядом странным, растягивающим гласные звуки голосом:

«Ну, поло-ожим, кота-то можно и не держать в корзине, да-а... вполне спосо-обен своими четырьмя ла-апами топать, вполне, ей-ей... так-то ему лу-учше даже...»

Гретхен вздрогнула и оглянулась – но вокруг по-прежнему не было ни души. Лишь Тимофей сидел в двух шагах за ее спиной, обернув белый хвост полукругом вокруг лап и по-лошадиному поводя ушами.

«Кто здесь? – пробормотала девочка в изумлении, – Кто это говорил сейчас?..»

Никто не ответил. Тимофей внимательно смотрел на нее зелеными миндалинами своих глаз.

«Ты что ли, кот?»

Кот чуть вытянул вперед лапы, потянулся слегка, затем вернулся в прежнюю позу: «Ну, да-а, я... кто же еще, как не я... и чего ты так смотришь, что тут такого?.. первый раз встретила, что ли?.. давай-ка лучше – собирайся побыстрее... нам еще идти черт-те сколько...»

При всей необычности происходящего, ворчливые интонации кота показались Гретхен настолько естественными для его всегдашнего характера и знакомыми, что, забыв изумление, девочка нечаянно улыбнулась:

«Так ты умеешь говорить, оказывается!»

«Ну, да-а, умею... что в этом тако-о-ого... поди, не велика мудрость!»

Кот поднял правую лапу, чтобы почесать ухо, но на полдороге, по-видимому, передумал и так и остался сидеть с приподнятой лапой и разведенными в стороны коготками.

«И раньше умел, да?»

«Конечно. И раньше умел. – Тимофей самодовольно поднял голову, – Что ж я – с твоим семейством шумным да болтливым столько лет в одном, считай, доме – и по-вашему лепетать не выучусь? Вот ты посиди на мельнице хотя б один августовский день с утра до ночи – послушай, как крестьяне с твоими братьями рядятся! Тут уж и стропилам деревянным впору говорить научиться... тем более мне, отпрыску, как ни кинь, древнего и уважаемого во всей округе кошачьего рода!.. Мой дед, если хочешь знать, – это именно тот знаменитый кот, что избавил от крыс подвалы вашей церкви Святого Духа!.. А другой мой предок, весьма, впрочем, далекий, сопровождал сеньора нашей деревни в крестовом походе и даже побывал на Кипре... Говорят, с тех пор большинство кошек там рыжие с белыми пятнами на лапах – той же масти, что и этот мой предок... Да я... – кот наконец вернул свою правую лапу на место, – я, если хочешь знать... я и по-лошадиному даже... понимаю... немного... и по-коровьи вполне!..» («И по-собачьи» – сходу решил уже было соврать Тимофей, но все же вовремя остановился, вспомнив, должно быть, недавнюю неприятную встречу во всей ее красе).

«Но почему же ты... молчал до сих пор? Я ведь ни разу не...»

«... Не слышала от меня человеческой речи – это ты хочешь сказать, не так ли?»

«Да, но...»

«Вот тебе и но: чего говорить словами, суди сама, коли я всякий раз твой ответ наперед знаю...»

Гретхен вновь улыбнулась – ворчание кота показалось ей очень милым и, по большому счету, добродушным:

«Коли так, зачем же ты *сейчас* заговорил?»

«Зачем, зачем... затем!.. – Тимофей легонько пошевелил лапой лежавший рядом небольшой камушек, – Затем, что вижу: тебе без моей помощи – никак. Не дотащить корзину, и все».

Гретхен согласно кивнула:

«Не дотащить, верно. Но почему же ты не захотел помочь мне раньше? Видел же, что я с самого утра с этой корзиной мучаюсь...»

«Не захотел почему? Глупая девочка... А ты сама вот подумай-ка... а?.. пошевели мозгами, коли на то способна...»

Гретхен нахмурилась.

«Не знаю... нет, я, правда, не знаю, дорогой кот... но мне действительно ничего в голову не приходит...»

«Оно и не мудрено! – в голосе Тимофея явственно послышались нотки раздражения и застарелой обиды, – Когда такое было, чтобы кто-нибудь из вашего семейства вдруг да о коте задумался! Ну, что ж... раз уж у тебя не получается, я, так и быть, подскажу немножко...»

Тимофей выпрямился и обвернул хвостом свои лапы так же точно, как и в самом начале их беседы:

«...вспомни-ка, к примеру, когда *ты* – не кто-нибудь вообще, а именно ты, Гретхен, – совершила бы для меня, кота Тимофея, что-нибудь доброе, полезное что-нибудь?... а?»

Гретхен вновь нахмурила было лоб, однако уже миг спустя лицо ее озарилось радостной улыбкой:

«Да, да... конечно же, я вспомнила, дорогой Тимофей... я вспомнила, и это, право, было не так уж сложно – ведь не далее, как полчаса назад, я помогла тебе спастись от этих ужасных собак, готовых разорвать тебя на кусочки... и мне едва не пришлось с ними драться...»

Кот самодовольно кивнул:

«Конечно, конечно... впрочем, тебе все же не следует переоценивать значение твоей помощи – вне всякого сомнения, коли дело дошло бы до всамделишной драки, от этих плеши-вых ублюдков не осталось бы и мокрого места!.. Но, как бы то ни было, я рад, что не пришлось в этот раз поработать когтями, – и за это действительно тебе благодарен...»

Гретхен хотела ответить, но кот не дал ей, продолжив свою речь:

«...таким образом, ты оказала мне небольшую услугу, и я как благородный кот не заставлял тебя долго дожидаться взаимности. И, чтобы тебе окончательно все стало ясно, я задам теперь последний вопрос – вспомни-ка, бывало ли что-либо подобное прежде? Защищала ли ты меня, когда твои племянники на Пасху кидали в меня камнями? Или когда твой брат, вернувшись домой во хмелю, помнится, *ни за что* пихнул меня ногой так, что я отлетел к самой стенке и пребольно зашиб лапу? Помнишь, как я хромал потом неделю целую? Твоя младшая невестка еще смеялась над этим так, словно бы у нее щекотали под мышками... Не помнишь? Еще бы – ведь это не самые интересные вещи на свете, не так ли?»

Девочка почувствовала, что краснеет. По всему выходило, что Тимофей был прав и за годы жизни под одной крышей Гретхен действительно ни разу не сделала *специально для него* ничего доброго. Да и вообще не слишком интересовалась котом.

«Прости меня, милый кот... я, должно быть, была несправедлива к тебе!.. но я ведь и не обижала тебя никогда, правда?...»

«Никогда, правда», – кот вспомнил, что так и не почесал ухо, вновь поднял правую лапу, наклонил голову набок и с наслаждением принялся за дело. Закончив, он вернулся в свою прежнюю торжественную позу и, как ни в чем не бывало, продолжил:

«Никогда. Поэтому я и стал с тобой разговаривать. Говоря честно, я бы и раньше не преминул перекинуться парой фраз с тобой на твоём языке, – если бы ты спросила меня о чем-нибудь, я бы ответил. Но ты ведь не спрашивала никогда... А самому мне начинать разговор не пристало: я, как ты знаешь, благородный белый кот!..»

«Какая же я глупая! – подумала про себя Гретхен, – Могла бы уже давно подружиться с котом, а вместо этого лишь сокрушалась безо всякого толку... теперь, однако, когда все разъяснилось, стоит держать себя с ним по-другому...»

Но Тимофей так и не дал ей додумать эту мысль до конца – решив, что настало время продолжить путь, он поднялся на четыре лапы и, махнув несколько раз хвостом из стороны в сторону, шагнул к корзине.

«Ну как – дотащишь?»

Гретхен пожала плечами:

«Кабы знать, далеко ли еще до города...»

«Уже не очень. Если не будем останавливаться без причин, пререкаться, есть сыр или ловить мышей, то часа через три дойдем вполне – но это, повторяю, если не останавливаться и не отвлекаться на разные пустяки».

«Но откуда ты все это знаешь? Разве тебе случалось бывать в городе, Тимофей?» – кот не переставал удивлять Гретхен. На сей раз своей осведомленностью. Сама она до сих пор не была в городе ни разу – отец лишь обещал когда-нибудь взять ее с собой на ярмарку. Обещал, но всякий раз откладывал исполнение обещанного до следующего случая...

«Откуда, откуда, – ответил кот в своей обычной ворчливой манере, – Разумеется, знаю. Или ты думаешь, что я кроме мельницы да вашего дома ничего на свете не видывал?»

«Но ведь ты всю жизнь у нас, на наших глазах... когда же ты мог побывать в городе?»

Тимофей посмотрел на девочку через плечо:

«Милое дитя, до чего же ты наивно еще и не знаешь жизненных обстоятельств! Неужели же ты думаешь, что мне, бывалому и уважаемому коту, надо непременно везде побывать самому... словно бы не существует иных источников сведений... Знай же, что я, хоть и не бывал в городе прежде, имею весьма обстоятельные о нем сведения. Так, многое я почерпнул из длительных и неторопливых бесед с котом нашего священника. Этот старый черный кот исключительно умен, образован и достаточно повидал на своем веку. К тому же он является нашим свойственником, и потому нет причин сомневаться в его искренности. Кроме того, своими рассказами о путешествии в город делился со мною и кот деревенского кузнеца. Однажды он случайно заснул в телеге своего хозяина и благодаря этому обстоятельству оказался в городе, на ярмарке».

При этих словах Гретхен опять стало грустно – она, конечно же, была знакома и со священником, и с тем кузнецом, о котором говорил Тимофей. Вспомнив их, она тут же вспомнила и дом своего отца, от которого они удалились уже изрядно и в который, как видно, ей уже не суждено будет когда-нибудь вернуться.

5

До города и в самом деле оказалось не слишком далеко. Во все время пути – два или три часа с лишком – Тимофей бодро семенил возле ног своей хозяйки, забирая чуть в сторону или слегка ее опережая. И лишь однажды за всю дорогу, когда из-за поворота навстречу им вдруг вырвался какой-то крытый экипаж, запряженный парой пегих разгоряченных лошадей, кот благоразумно сиганул в придорожные кусты – от греха подальше...

Корзина действительно стала как будто легче – Гретхен не то чтобы совсем не замечала ее веса, но, по крайней мере, могла теперь не думать о ней постоянно. И все это – благодаря коту: мало того, что он шел по дороге своими собственными лапами, так еще и развлекал девочку умной и неторопливой беседой.

В итоге, прежде чем из-за нового поворота дороги впервые показались серые громады городских укреплений, Гретхен успела выслушать много любопытного про жизнь на мельнице и про повадки мельничных мышей – способных, как непременно выходило с котовых слов, в кратчайшее же время напрочь извести все запасы зерна. И лишь благодаря бдительности и самоотверженной неутомимости благородного Тимофея семье старого мельника, да и вообще всем крестьянам окрестных деревень удастся не умереть зимой с голоду... Разумеется, слушая кота, Гретхен все же не в полной мере верила его рассказам – она уже поняла, что кот, при всей его необычности и замечательности, придерживается исключительно высокого о себе мнения и, как правило, склонен преувеличивать собственную роль в тех или иных событиях. И все же девочка слушала кота внимательно, часто кивала согласно в ответ и ничем не подавала виду, что позволяет себе сколько-нибудь усомниться в слышанном.

И вот, как уже было сказано, дорога, обогнув поросший ореховым лесом холм, вновь вырвалась на равнину, расчерченную вкривь и вкось уходящими вдаль линиями выложенных подряд камней, – так городские жители отделяли друг от друга принадлежащие им клочки земли, – те, на которых выращивали овощи и даже порой умудрялись сеять хлеб.

Город стоял, окруженный такими полями и огородами, – благодаря этому окрестности хорошо просматривались с его башен и стен, и горожане в случае, если к городу подступал неприятель, успевали его загодя обнаружить, выбрать цепи подъемных мостов и запереть ворота.

В мирное же время подъемный мост был перекинут через опоясывающий городские стены глубокий ров, ворота оставались открытыми настежь, и лишь ленивый бородатый стражник с алебардой интересовался теми, кто желал оказаться по ту сторону укреплений.

Для Гретхен, никогда не видавшей города, все это – и стены с башнями, и глубокий ров с подъемным мостом на цепях – выглядело форменным чудом. Вторым уже чудом за этот богатый на чудеса день. Шагов двести не доходя моста, она невольно остановилась и принялась, задрав голову, рассматривать исполинские сооружения. Как много камня здесь! Сколько же народу трудилось, чтобы сложить все это!.. Казалось, что вовсе не горожанами созданы эти высоченные укрепления, а сами они, подобно траве или деревьям, выросли здесь из земли и затем расцвели во всей своей красе прежде невиданными каменными цветами...

«Э-э... послушай-ка, девочка... – Тимофей вдруг прервал ее мечтания, – я, знаешь ли, нахожу, что будет лучше теперь, если ты вновь возьмешь меня в свою дурацкую корзину... ей-богу, я сделал сегодня для тебя довольно – все лапы вон сбил, пока шел по этой мерзкой дороге... едва ли какой другой кот на такое сподобился бы... ну, да ладно...»

Кот приподнял правую переднюю лапу и попытался развернуть ее к себе подушечками пальцев, словно бы ища подтверждения сказанному.

«И, к тому же, для меня здесь становится небезопасно, – он вернул конечность в исходное положение, – рассказывали, что вокруг городских стен собаки рыщут во множестве... голодные и крайне, слышишь, крайне дурно воспитанные!...»

Гретхен посмотрела на кота и улыбнулась: какой же он милый и предусмотрительный зверь, хоть и ворчливый, само собой!

«Конечно, конечно, дорогой кот, – произнесла она вслух, – теперь уже мне совсем не трудно посадить тебя в корзину – ведь до города осталось совсем немного, и у меня наверняка хватит сил...»

Цепляясь когтями за ивовые прутья, Тимофей взгромоздился поверх корзины, затем нырнув в нее с головой, какое-то время шумно возился там, внутри, устраиваясь поудобнее, наконец, из корзины показались его белые уши и потом уже – голова полностью:

«Н-да... не бог весть как удобно, конечно... ну, да ладно, потерплю уж – пошли, что ли, а то времени теряем на разную ерунду – непозволительно!...»

Кот вновь нырнул в темные недра корзины, и лишь глаза его маленькими красными огоньками сверкали теперь сквозь щели в прутьях. Гретхен подняла корзину и взвалила ее себе на спину, поочередно просунув руки в холщовые лямки. Ноша показалась ей тяжелой, как никогда прежде.

У городских ворот и в самом деле никого не оказалось, кроме сонного бородатого стражника с алебардой – если не считать, конечно, двух молодых оборванцев, праздно сидящих перед въездом на подъемный мост. Гретхен вначале не обратила на них особого внимания, направившись прямо к стражнику. Впрочем, что касается последнего, то и он, в свою очередь, проявил к ней не более интереса, чем она сама к упомянутым оборванцам. И лишь когда девочка, освободившись от лямок корзины и поставив ее на землю, дважды, задрав голову, обратилась к нему, стражник нехотя обернулся и взглянул на пришлицу с каким-то слабым подобием

любопытства. Однако при этом по-прежнему не произнес ни звука, словно бы он был глухим.

«Господин стражник, будьте так добры, позвольте мне пройти в город!» – в третий раз проговорила Гретхен, уже не надеясь удостоиться ответа, и тут стражник разомкнул наконец свои спрятанные в густую бороду уста:

«Что ты там шепчешь, малявка?.. Никак, ты хочешь пройти в ворота?..»

«Да, господин стражник».

Бородатый, казалось, задумался – он молча окинул Гретхен взглядом с головы до ног и словно бы еле заметно покачал головой.

«Разве ты живешь у нас в городе, малявка?»

Настал черед Гретхен покачать головой:

«Нет, господин стражник, я живу в деревне, мой отец мельник, только он умер недавно».

«Зачем же тебе тогда надо в город, малявка? – Гретхен показалось, что бородатый едва сдерживает насмешку, – Кто у тебя там?» – он махнул свободной рукой в направлении ворот.

«Никого...»

«К кому же ты идешь в этом случае? – в голосе стражника послышались металлические нотки, словно бы в разговор вступила его алебарда, – Где, скажи, в городе ты собираешься остановиться, заночевать?»

«Не знаю... – Гретхен вдруг стало ужасно грустно, она почувствовала, как все ее мечты о новой счастливой жизни в городских стенах начинают рассыпаться в прах, – Не знаю, господин стражник, у меня действительно нет никого в вашем городе... совсем никого, ни единой души... но только наш деревенский староста говорил, что можно наняться в услужение, даже не имея знакомых...»

В ответ бородатый лишь рассмеялся:

«Верно, верно... именно так и обстояло дело... еще совсем недавно... да... – он закивал головой, – Именно так все и было, и я бы с радостью пропустил тебя в город еще каких-то три недели назад... пропустил бы, не сказав ни слова... но сейчас... сейчас я не могу сделать этого, малявка... не могу, и даже просить не стоит!...»

«Но что же случилось за эти три недели? – Гретхен едва не заплакала от бессилия, – Почему вдруг так безжалостно изменились законы?»

«Почему изменились законы, спрашиваешь? – стражник вдруг помрачнел и покачал головой, – Хорошо, я расскажу тебе, хоть и не обязан делать этого. Слыхала ли ты когда-нибудь про Магдебург?»

Гретхен мотнула головой из стороны в сторону: «Нет, не слыхала».

«Это большой город, довольно, впрочем, далеко от здешних мест. Большой богатый город, гораздо больше и богаче нашего городка, хотя и наш городок довольно богат и не слишком мал. Но три недели назад было получено известие о том, что в Магдебурге справляет свой страшный пир Черная Смерть. И нет от нее спасения ни старым, ни молодым, ни бедным, ни богатым, ни знатым, ни простородным».

«Но ведь вы же сами сказали, господин стражник, что Магдебург далеко...»

«Глупая малявка! Знай же, что для Черной Смерти не существует расстояний. Она движется со скоростью самого быстрого всадника, она почти всегда уже там, куда дошло о ней известие. Именно поэтому, узнав о Магдебурге, весь наш Городской Совет – главы купеческих гильдий и ремесленных цехов, каноник кафедрального собора и викарий епископа, другие знатные и уважаемые люди – собрались в ратуше и заседали там до утра без перерыва. Они спорили и кричали, и решили, в конце концов, что впредь, до тех пор, пока из Магдебурга, а также из иных пораженных Черной Смертью мест не придут по этой части сколько-нибудь обнадеживающие известия, не впускать в наш город никого чужого».

С этими словами бородатый стражник повернулся к девочке спиной и принялся сосредоточенно рассматривать свою тяжелую алебарду, дав тем самым понять, что разговор окончен, а решение его непреклонно – в город он никого не пропустит. Обескураженная Гретхен также обернулась и посмотрела вокруг: давешние оборванцы сидели на прежних своих местах и, казалось, с интересом наблюдали за беседой. Едва Гретхен остановила взгляд на одном из них, как тот махнул ей рукой, словно бы подзывая.

6

«Ну, что, бедолажка, не пустил он и тебя тоже?» – такими словами приветствовал Гретхен один из оборванцев, тот, что был более худым и повыше ростом. Второй, несколько более коренастый, с лицом, обезображенным множеством прыщей, в это время молча кивал головой и улыбался:

«Как зовут тебя, бедолажка?»

«Гретхен, – ответила девочка, – Я сирота, братья выгнали меня из дому, и теперь я иду в город, чтобы наняться к кому-нибудь в услужение».

«Понятное дело... – оба, как по команде, состроили очень серьезные выражения лиц, – Так очень часто случается, да... очень, очень часто...»

Они словно бы задумались.

«А вы, – в свою очередь поинтересовалась Гретхен, – вы тоже хотите попасть в город?»

Оборванцы переглянулись. Гретхен даже показалось, что один из них, Долговязый, едва заметно кивнул Коренастому.

«Да, да, нас тоже не пускает этот злой человек, – произнес Коренастый низким и скрипучим голосом, напоминающим звук дверных петель – Мы вот с товарищем тоже думали пройти – да куда там! А ведь нам с ним смерть как надо попасть в город – мы предполагали поступить подмастерьями в мастерскую сёдельщика. Кто ж мог подумать, что этот непреклонный стражник остановит нас в трех сотнях шагов от цели – и как раз тогда, когда в карманах наших остались одни дыры!»

От таких слов Гретхен стало жалко оборванцев, на мгновение она забыла даже, что ее собственное положение едва ли чем-то отличается в лучшую сторону.

«Выходит, что нет никакой надежды? Невозможно никак умиловить этого грубого стражника? Уговорить его, размягчить его сердце слезами?»

Услышав это, оборванцы вновь переглянулись – так, словно бы они давно ждали подобных слов:

«Умиловить его, говоришь? Умиловить-то его несложно, это точно... Как говорится, дело нехитрое!» – проскрипел Коренастый.

«Да, да... вот уж – точно: ублажить его – просто пара пустяков, да не для нас только, увы... – вторил ему Долговязый, – Даже обидно, что именно нам так не повезло!...»

Оборванцы, словно бы по команде, покачали головами из стороны в сторону, этим жестом еще более озадачив Гретхен.

«Но как же другим людям удастся разжалобить такого непреклонного стражника?»

«Как удастся? – оборванцы саркастически усмехнулись, – По всему видно, ты никогда не имела дела с охраняющими ворота и проезды!»

Теперь уже Гретхен покачала головой.

«Нет, не имела».

«Тогда знай же, что все эти люди, сторожащие въезды и выезды, мосты и дороги, ворота и двери, больше всего на свете любят деньги. И за деньги они всегда готовы нарушить любые, даже самые жесткие правила и законы!»

«И этот стражник – такой же, как все другие?»

«Нет никаких оснований считать, что он сделан из иного теста, – кивнул Долговязый, – Да он, можно сказать, впрямую намекал нам – чего уж теперь скрывать-то...»

«Но почему ж вы не дали ему денег тогда – коли все так просто, и он сам...»

Но тут оборванцы прервали ее столь громким и незатейливым гоготом, что Гретхен не решилась продолжить.

«Сколько же захотел от вас этот человек?» – спросила она тогда. Оборванцы тут же, как по команде, прекратили смеяться, лицо Коренастого мигом стало очень серьезным и очень жалостливым.

«Я думаю, бедная наша госпожа, одного талера было бы достаточно, чтобы он пропустил в город всех нас – и тебя, и меня, и его. Одного-единственного серебряного талера вполне хватило б...» – проскрипел он вкрадчиво.

«Но ведь это не беда вовсе! – воскликнула в ответ Гретхен, – У меня, конечно же, найдется один талер. Мои братья на прощанье дали мне целых десять талеров, еще два талера подарил мне наш деревенский староста. Конечно же, я могу заплатить из них один за всех нас – и тогда стражник пропустит нас в город!»

Все трое радостно засмеялись. Гретхен размотала пояс, и, с помощью позаимствованного у Долговязого ножа, выпорола то место, где были спрятаны монеты. Все это время оборванцы, не отрываясь, следили за ее действиями.

«Ну, вот он – серебряный талер, который пропустит нас в город! – Гретхен вытянула вперед ладошку с монеткой, – Как все-таки странно, что такая маленькая вещица может помочь стольким людям сразу!»

«Дай-ка его мне. Я пойду договорюсь со стражником». – Коренастый взял талер, зажал его в кулак и медленной, раскачивающейся походкой двинулся к городским воротам. Гретхен видела, как он остановился рядом со стражником, как последний какое-то время словно бы не замечал его, продолжая расхаживать взад-вперед, однако затем нехотя обернулся и, опершись на свою алебарду, посмотрел на Коренастого сверху вниз. Коренастый что-то говорил и говорил ему – со своего места Гретхен не слышала слов, однако было заметно, что первоначальная презрительная поза стражника мало-помалу сменяется иной, заинтересованной. Она увидела, как Коренастый передал стражнику монетку, после чего тот повертел ее пальцами, подкинул на ладони и даже попробовал на зуб. Видимо, он хотел убедиться, что талер не поддельный. Наконец, монетка удовлетворила стражника – он спрятал ее в карман своей рубахи, затем повернул голову к Коренастому и, вытянув руку, показал через мост, туда, где стояли Гретхен и Долговязый. Коренастый кивнул и тоже показал на них рукой. Какое-то время стражник размышлял, глядя на них и слегка покачивая головой из стороны в сторону, но вот он, кажется, решил на что-то: свободной рукой огладил свою бороду, после чего махнул ладонью по воздуху, словно бы говоря: «Ай, в самом деле: пропадать – так пропадать!...» И уже затем отошел в сторону от въезда в ворота, сел на траву и с большим интересом углубился в разглядывание подошвы собственного левого башмака.

7

Тем временем подступили вечерние сумерки. Пройдя мимо, казалось, безмятежно отдыхающего стражника, Гретхен и два оборванца сперва очутились в широком, достаточном для свободного проезда двух груженных телег, сводчатом проходе, ведущем от ворот через толщу крепостных стен. Попад в это место, девочка даже невольно замедлила шаг – до того ей оно показалось странным: всюду был камень – тесаные, а то и отполированные временем гранитные валуны – под ногами, по сторонам, сверху, и только впереди узким проемом виднелось серое вечернее небо. Каменный мешок словно бы сжимал со всех сторон, заставлял идти, выпрямившись и сдерживая язык, и, если все же, несмотря на это, доводилось раскрывать рот, то лишь

для того только, чтобы произнести несколько незначущих слов, причем шепотом. Пройдя этот коридор и оказавшись, наконец, на свободном пространстве – уже на городской земле, – все трое невольно вздохнули с облегчением.

«Вот мы и внутри – самое время отпраздновать удачу! – произнес Долговязый, – Да только вот нечем!.. Пусты наши котомки – последнюю краюху черствую еще утром поделили...»

«Хотите, я угощу вас – у меня есть еще немного сыра...» – тут же предложила своим попутчикам Гретхен и, не дожидаясь ответа, сняла со спины корзину.

«Ах, спасибо, спасибо тебе, маленькая наша госпожа, – немедленно проскрипел в ответ Коренастый, – Только давай-ка все же отойдем подальше от этих ворот и от этого гадкого стражника: мало ли что взбредет ему на ум!»

Гретхен согласилась, и все трое двинулись прочь. Пройдя с полсотни шагов или чуть больше, они свернули за угол какого-то высокого здания, поднялись по нескольким каменным ступенькам, зажатым между стеной этого здания и стеной соседнего, и оказались посреди маленькой пустынной площади, вымощенной булыжником. Высокое же здание, которое они только что обогнули, оказалось церковью, – впрочем, Гретхен смогла убедиться в этом, лишь задрав голову: на площадь оно выходило практически глухой стеной, и только на большой высоте имелось одно-единственное узкое окно стрельчатой формы. Да еще чуть пониже окна, в столь же узкой и стрельчатой нише стояла одинокая статуя Девы Марии – чуть склоненная вперед Богородица смотрела невидящими своими глазами куда-то мимо, поверх голов.

«Здесь ведь хорошо будет, правда? Никого нет...» – Гретхен поставила корзину на землю и отвязала крышку. Получивший свободу Тимофей тут же выпрыгнул из нее прочь и, как всегда в таких случаях, отойдя на несколько шагов, принялся потягиваться и вылизывать свою шерстку.

«Где-то здесь у меня сыр – оставался еще довольно большой кусок, – девочка склонилась над своей корзиной, – Куда-то он спрятался... сейчас найду...»

Забыв на мгновение про своих спутников, она принялась шарить на самом дне и в это время вдруг почувствовала, как кто-то крепко схватил ее за пояс. Гретхен выпрямилась, но чужие руки вцепились в нее еще крепче. Обернувшись, она поняла, что это был Коренастый, – он стоял к ней вплотную и, со злобою глядя прямо Гретхен в глаза, пытался развязать ее пояс с защитными талерами. Девочка рванулась в сторону, но тут Коренастому пришел на помощь Долговязый – он шагнул Гретхен наперерез и схватил ее за плечи.

«Отдавай свое серебро, малявка, да побыстрее!» – лицо его также было искажено злобой и азартом. Гретхен дернулась назад – но запуталась ногами в стоявшей за ее спиной корзине, споткнулась и потеряла равновесие. В следующий миг все трое оказались на земле, превратившись в бесформенное нагромождение рук, ног, спин. Несмотря на неожиданность нападения и очевидный перевес нападавших, Гретхен не сдавалась. Она вдруг почувствовала, как какая-то прежде неведомая ей сила самостоятельно, в обход разума, управляет ее телом, сопротивляясь нападавшим. Впрочем, и помощь со стороны к ней пришла тоже – почти сразу же, с началом драки: нависший над Гретхен Долговязый вдруг отпрянул с криком и ругательствами, схватив себя руками за шею. Позади его головы мелькнуло что-то белое, раздался громкий визг – и Гретхен поняла, что верный Тимофей не оставил ее в беде.

Сопротивляться одному Коренастому, пытавшемуся одновременно развязать пояс Гретхен и перехватить ее руки, было уже несколько легче – девочка отталкивала его, извивалась ужом, раз даже смогла укусить его за палец – в ответ на это он взвизгнул по-бабьи и отдернул руку прочь. Воспользовавшись замешательством, Гретхен попыталась отпихнуть Коренастого в сторону и подняться на ноги. И ей это почти удалось – однако в следующий миг Долговязый, отбившийся, как видно, от Тимофея, пришел своему товарищу на помощь. Вдвоем они вновь повалили Гретхен на землю, Коренастый своим тяжелым задом уселся ей на грудь,

а Долговязый взялся за пояс. Еще через миг материя пояса не выдержала, раздался треск, и несколько монеток вывалилось на землю. Увидев это, Коренастый словно бы забыл про пояс и про Гретхен – он приподнял зад, дав ей возможность сперва глотнуть вдоволь воздуха, а затем и выскользнуть из-под него на свободу, после чего перевалился на бок и обеими руками потянулся за откатывающимся в сторону серебряным кружочком. Он уже почти догнал этот выкатившийся талер, когда что-то неожиданное вдруг заставило его отдернуть руку и торопливо, на четвереньках отползти в сторону. В следующее мгновение Гретхен увидела, как какая-то толстая и длинная палка увесисто опустилась на спину Коренастого; раздался его почти собачий визг и одновременно запоздавший предостерегающий крик Долговязого. Все происходило так быстро, как бывает только во сне: вот Коренастый, с трудом поднявшись на ноги, хромая улепetyвает куда-то прочь, а вот Долговязый, держа в руках пояс Гретхен, пятится, пытаясь защититься от ударов палки. И, наконец, Гретхен смогла разглядеть того, кто так неожиданно пришел к ней на помощь и в чьих руках находилась спасительная для нее палка, – это был невысокий длинноротый человек почтенного уже возраста в странном, переломанном пополам колпаке. Потом, когда обоих оборванцев уже простыл след и Гретхен, чуть переведя дух, смогла окинуть взглядом недавнее поле боя, она разглядела на своем спасителе несколько длинноватую светлую куртку, всю испещренную какими-то странными дырами, словно бы изъеденную мышами. Держа в обеих руках давешнюю увесистую трость, он стоял теперь возле повалившейся на бок корзины, из которой высыпалось наружу почти все ее содержимое, и слегка шевелил её узкими длинным носком своего башмака.

«Что хотели от тебя эти грязные мальчишки? – он посмотрел на Гретхен прищурившись, – А, да ты совсем еще ребенок, как я погляжу... Что же им понадобилось от тебя, а?»

Гретхен хотела было ответить, но вдруг расплакалась навзрыд, совсем как накануне в доме деревенского старосты.

«Они... хотели... отнять мои деньги... зашитые в пояс...»

В ответ спаситель лишь покачал головой: «Что ж, можешь считать, что им это удалось вполне, – один из них улепetyвал от моей дубинки, держа в руках чей-то пояс... судя по всему, именно в нем находились твои деньги, не так ли, бедняжка?»

Гретхен сквозь слезы кивнула утвердительно.

«Впрочем, пара талеров, кажется, все же выскользнула из него – вон, гляди, один, а вон еще – может, куда-нибудь закатился и третий, да только уже темно, чтобы устраивать поиски...»

Гретхен продолжала всхлипывать.

«Но ты скажи-ка мне лучше – кто ты такая, как попала сюда и что собираешься дальше делать? – спаситель подошел к ней вплотную и присел на корточки, так, чтобы лица их оказались на одном уровне, глаза в глаза, – И прекрати-ка, ради всего святого, плакать – эти ублюдки больше сюда не вернутся!»

Гретхен собрала все силы и задавила в себе плач. Сидя на земле и утирая слезы тыльной стороной ладони, она даже попыталась улыбнуться, но из этого, впрочем, так ничего и не вышло.

«Я пришла в город, чтобы наняться в услужение... я дочь мельника, мои родители умерли, а мои братья выгнали меня из дому с десятью талерами только...»

Бородатый спаситель слушал внимательно, покачивая головой. С близкого расстояния девочка теперь смогла разглядеть его лицо: это был уже немолодой человек с узкими, глубоко посаженными глазами, длинным, свисающим книзу носом и неряшливой, всклокоченной бородой. Вообще, спаситель не показался Гретхен сколько-нибудь красивым, к тому же от его одежды или, быть может, от него самого даже распространялся вокруг не слишком сильный, но отчетливый неприятный запах. Гретхен, кстати сказать, не приходилось прежде встречать людей, которые бы так пахли, да и вообще подобный запах она слышала теперь впервые.

«Что ж – в услужение, так в услужение: в городе всегда есть нужда в работниках, это так. Но что же ты будешь делать прямо сейчас, когда ночь уж близко? Знаешь ли ты кого-нибудь в городе, кто пустил бы тебя на ночлег?»

Гретхен покачала головой и в очередной раз заплакала.

«Хм, вон оно как... выходит, тебе светит провести ночь на улице, так ведь?»

В ответ Гретхен особенно громко всхлипнула: «Да!...»

«Ну, что же... – спаситель теперь смотрел на нее изучающе, – Беда твоя мне понятна. А скажи-ка, к примеру, что ты умеешь делать, коли собралась в услужение?»

Гретхен сглотнула слезу:

«В доме моего отца я делала все, что только нужно было делать, – я могу следить за чистотой и поддерживать огонь, доить корову и готовить еду, чинить одежду и ухаживать за огородом. Отец всегда хвалил меня и говорил, что я самая работящая из всей нашей семьи...»

Она хотела добавить еще что-нибудь, но спасителю, по всему, хватило и этого:

«Довольно, довольно, бедняжка! Я, пожалуй, могу предложить тебе кое-что... Послушай, мне в самом деле нужен кто-то, кто помогал бы содержать дом... да, помогал, вел бы хозяйство, готовил еду... а также, по мере способностей, помогал бы мне в моих занятиях... Дом мой не слишком велик, и работы тебе в нем не будет через край – но мне, видит Бог, недосуг отвлекаться от важнейшего дела, порученного мне нашим графом...»

Прекратившая всхлипывать Гретхен слушала, затаив дыхание, не вполне, однако, понимая добрую треть сказанного.

«Сегодня я позволю тебе переночевать в моем доме... завтра с утра ты примешься за работу, и если все у тебя станет получаться так, как ты только что обещала, я готов оставить тебя насовсем... я буду кормить тебя и даже стану давать тебе иногда немного серебра – чтобы ты смогла накопить на приданое, когда настанет пора выходить замуж...»

Спаситель остановил свою речь. Сердечко Гретхен билось часто-часто, словно бы опьяненное нечаянной надеждой, – девочке даже казалось, что все это снится ей и только.

«Ну, что ж, бедняжка, готова ты принять мое предложение и поклясться памятью родителей, что выполнишь два связанных с этим условия?»

Гретхен стряхнула с себя наваждение и постаралась сосредоточиться:

«Условия?... но какие условия?»

«Одно из них я уже назвал – ты должна трудиться добросовестно и честно... Я живу один и, занимаясь хозяйством моего дома, недолго меня обмануть... Именно поэтому я хочу, чтобы ты перед Господом пообещала быть честной... Это есть первое мое условие...»

«А второе?»

«Второе условие – это условие неразглашения. Оно связано с тем Великим Делом, которое делаю я по поручению графа. Ты должна будешь хранить тайну – не рассказывать никому об увиденном и не передавать никому никаких предметов, относящихся к моим трудам и опытам. Честному человеку, конечно же, нетрудно выполнить и это условие – но я и здесь беззащитен перед злодеями, способными натворить много бед прежде даже, чем люди графа по моему слову найдут их и примерно накажут!»

Он перевел дух.

«Так что же: ты готова поклясться, что не обманешь меня и не украдешь у меня ничего?»

«Гото...» – начала говорить Гретхен, но вдруг взгляд ее упал на кота, который все это время чинно сидел в стороне и, должно быть, внимательно слушал их разговор, не считая, однако, нужным принять в нем участие. Поняв, что на него смотрят, Тимофей поднялся с места и прошел три-четыре шага, показывая, что прихрамывает на переднюю левую. Должно быть, он повредил ее в драке.

«Это твой кот, бедняжка?» – спросил спаситель, прежде, чем Гретхен решилась открыть рот.

«Да, это мой Тимофей – единственное приданое, оставленное мне отцом».

Спаситель усмехнулся: «Что ж – приданое и впрямь неплохое, дорогого стоит: ведь именно его вопли заставили меня изменить свой путь и свернуть в этот несчастный закоулок».

«Я не могу его бросить на улице, мой господин, – в глазах девочки вновь показались хрусталинки слез, – особенно сейчас, когда он защищал меня и получил рану!»

Спаситель задумался. Пристально посмотрел в глаза коту, отчего Тимофей зажмурился, затем поднял голову к небу, на котором уже показались первые звезды, и некоторое время смотрел на них, беззвучно шевеля губами:

«Что ж... сегодня Венера встречает дорогу Святого Иакова... Гермес Трисмегист в „Изумрудной скрижали“ говорит, что кошка благоприятствует Великому Деланию... Бернар Треви-занский ему в этом вторит, но с оговорками, касающимися характера, присущего Меркурию и Сере, идущим Сухим Путем после полудня...»

Но вот он кончил бормотать, вновь обернулся к Гретхен и произнес едва ли не торжественно:

«Что ж – я готов приютить тебя и вместе с котом. Надеюсь, ты станешь следить за ним и не позволишь ему сделать ничего дурного... Назови же мне теперь свое имя и, если ты согласна со всем сказанным, повторяй за мной слова клятвы».

Не прошло и четверти часа, как Гретхен оказалась в доме Мастера Альбрехта-старшего – таким оказалось имя ее спасителя. Хозяин дал ей свежего хлеба и кружку молока, Тимофею же, в свою очередь, перепали остатки сыра, так и не вынутые из корзины. После трапезы Мастер Альбрехт отвел их обоих в узкую с низким потолком каморку, в которую вела винтовая лестница, – в неярком свете свечного огарка Гретхен разглядела в дальнем от входа углу большой сундук, поверх которого было набросано всяческое тряпье. Не помня себя от усталости и пережитых волнений, Гретхен взобралась на этот сундук, накрылась чем-то и, когда еще четверть часа спустя кот, проверив и обнюхав все углы комнаты, занял свое место у нее в ногах, девочка уже вовсю спала.

Так завершился этот во всех отношениях необычный день.

Глава вторая, в которой Гретхен привыкает к городской жизни и, наблюдая некоторые таинственные занятия, узнает удивительные вещи

8

Первые недели жизни в городе Гретхен казалось, что все вокруг происходит как бы понарошку, причуды ради, – и не сегодня-завтра вдруг резко изменится, вновь станет обычным и нормальным и двинется, не спеша, своим путем – подобным тому, как было заведено у них в деревне. Рассеется в разные стороны это великое множество собранных зачем-то в одно место людей – подчас даже незнакомых друг другу, несмотря на то, что давно живут на соседних улицах! Исчезнет всепроникающий запах нечистот, повсеместно выливаемых на эти улицы прямо из окон. Впрочем, к подобным ароматам Гретхен быстро привыкла – как привыкли к ним, должно быть, и все прочие жители города. Гораздо сложнее было приучить себя к обилию камня повсюду: не только крепостные укрепления, но и все церкви без исключения, а также ратуша и некоторые богатые дома были полностью каменными. Больше того, отполированным подошвами да подковами булыжником вымощены были даже многие улицы и площади, – словно бы над ними было не небо, а выбеленный сводчатый потолок с коричневыми ребрами деревянных стропил, подобный тому, что венчал верхний этаж домика Мастера Альбрехта.

Именно этот потолок увидела, раскрыв глаза, Гретхен в то первое утро своей городской жизни. Яркий свет падал на него широким и ровным снопом через небольшое треугольное оконце, – пробудившись окончательно, девочка соскочила со своего сундука на пол, подбежала к этому окну, со скрипом распахнула две маленькие створки и замерла, пораженная открывшимся перед ее глазами зрелищем. Во все стороны, куда только хватало взора, уходил чешуйчатый лес рыжеватых черепичных крыш – и лишь в нескольких местах над ним возвышались одинокие пики церковных колоколен. Это был совершенно особый, исполненный покоя и красоты, мир верхних этажей – крыш, мансард и мансардных окон, печных труб с коваными чугунными навершиями, защищавшими их от прямого попадания дождя и снега, – да пестрых голубей, маленькими шумными стайками взлетающих с облюбованных ими чердаков. Здесь почти не было растений, – если не считать двух или трех деревьев, проступавших едва различимыми зелеными пятнышками где-то вдали. О людях же напоминала одна лишь оставленная трубочистами на какой-то из крыш лестница да возвещавшие безветрие и пахнущие хлебом дымки печных труб, поднимавшиеся строго кверху.

И за всем этим с невозмутимостью надзирал ажурный флюгер-петух со шпилья городской ратуши...

От чар созерцания девочку освободил Тимофей, все это время следивший за ней из глубины каморки. Благостно мяукнув, он вдруг спрыгнул с сундука на пол и затем, прежде чем Гретхен сумела что-либо понять или хотя бы посторониться, в три прыжка сиганул в окно – туда, где всего двумя локтями ниже начиналась черепичная крыша соседнего более низкого дома.

«Кот, кот, вернись!» – со смехом закричала Гретхен вдогонку, но Тимофей, казалось, не слышал. Очутившись на воле, он принялся чесаться и потягиваться, нежась в теплых лучах утреннего солнышка. За ночь передняя лапа кота (если только она и впрямь пострадала в драке), по-видимому, выздоровела совершенно – по крайней мере, он больше не прихрамывал, а наоборот – вышагивал по глиняным черепкам с какой-то чарующей грацией, словно бы имел обыкновение ходить по ним всю свою жизнь. «Иди же сюда, Тимофей!» – лишь осмотрев-

шись не спеша по сторонам, тщательно обнюхав черепицу у себя под ногами и даже поскребя ее чуток когтем, кот, наконец, подчинился и весьма нехотя вернулся в комнату.

«Что ж – городок ничего себе... жить здесь можно... – пробурчал он по возвращении, – Судя по запахам, жители здесь имеют обыкновение есть на завтрак мясо... Мышами, правда, пахнет тоже – и это хороший знак, как ни крути...»

В это самое время раздался стук в дверь – не сильный, но довольно настойчивый. Услышав его, Гретхен мгновенно вспомнила и про Мастера Альбрехта (а это явно был он), и про свой с ним давешний договор – а вспомнив, спохватилась, что так и не удосужилась спросить накануне, в котором же часу должна она приступить к исполнению новых своих обязанностей.

9

Домашней работы у Мастера Альбрехта и в самом деле оказалось не так чтобы слишком много. С привычным для Гретхен хозяйством деревенского мельника, где было множество людей, лошадей, коров и других животных, где все время что-нибудь случалось и где все кричали, размахивали руками и ругались, – даже сравнивать было смешно. Впрочем, там, в деревне, кроме Гретхен работали и другие члены семьи, тогда как здесь она была одна-одинешенька, все решала сама и за все отвечала тоже сама и только: Мастер Альбрехт, убедившись, что девочка понятливая и старательная, наскоро объяснил ей, что и как, и затем уже не считал нужным интересоваться подробностями. Пожалуй, его и впрямь несложно было бы обмануть, если бы кто-то действительно задался подобной целью, – надо ли говорить, что нашей Гретхен такое даже и в голову не приходило.

Она делала в доме уборку, ходила на рынок за снедью, всякий раз поражаясь дороговизне того, что в деревне росло у них на огороде безо всяких денег, и затем готовила из этой снеди еду – вот, в общем, и все: никакой домашней живности, требующей ухода, у Мастера Альбрехта не было, хотя очень и очень многие из городских жителей держали коров и кур. Можно даже сказать, что по-настоящему утро в городе объявлялось вовсе не колотушкой уличного стражника, а именно петушиной разноголосицей, небывало мощной и громкой даже для выросшей в деревне Гретхен. А чуть позже по уличным булыжникам начинали стучать коровьи копыта – животные самостоятельно собирались в стадо и брели к городским воротам, где их уже поджидал нанятый городским советом пастух.

Чем же тогда занимался сам Мастер Альбрехт целыми днями напролет? На что тратил он драгоценное время своей жизни? По правде говоря, понять это Гретхен удалось не сразу, да и позднее едва ли она поняла это в полной мере – до того необычным показалось ей дело Мастера Альбрехта даже в сравнении с прочими городскими странностями.

Как бы то ни было, день для Мастера начинался долгой молитвой в маленькой темной моленной. Затем был завтрак, затем Мастер Альбрехт уединялся в другой небольшой комнате на втором этаже своего дома и обычно выходил оттуда лишь к позднему обеду.

Комната эта стоила того, чтобы рассказать о ней поподробнее. Кажется, на второй день своей жизни у Мастера Альбрехта Гретхен, дождавшись, когда хозяин окончит там свои занятия, заглянула-таки вовнутрь. Девочка собиралась убрать там мусор – так же точно, как она это делала и в прочих помещениях дома. Однако прежде, чем ей удалось разглядеть что-либо в царящем там полумраке, строгий голос Мастера Альбрехта заставил Гретхен остановиться: «Не входи сюда, девочка! Праздный посетитель одним лишь взглядом своим способен убить шестинедельное Деланье!» Подчинившись, Гретхен вернулась назад. «Настанет день, и я сам тебя туда позову – но прежде того дня не смей даже заглядывать за эту дверь!»

Оставалось ждать, смирив любопытство. Впрочем, несколько дней спустя сквозь неплотно прикрытую дверь в эту странную комнату заглянул было Тимофей – однако тут же выскочил вон, прижавши уши.

«Н-да... отвратительное место!.. – поделился он потом с Гретхен, – Во-первых, ужасная жара, во-вторых – запах! Хуже этого запаха я, пожалуй, в жизни не слышал – даже выгребные ямы, и те не разят так ужасно».

«Но что же, что там, внутри, а?» – Гретхен сгорала от любопытства.

«Откуда ж мне знать! – обескуражил ее кот, – Право, я и разглядеть-то ничего не успел вовсе: стоило лишь сунуть голову, как Мастер Альбрехт плеснул в меня водой – в подобных ситуациях я обычно улепетываю тем же путем, каким и пришел, а не глазею по сторонам. В любом случае, мышей там нет ни единой – уж в этом я готов чем хочешь поклясться!»

Сказав это, кот принялся старательно вылизывать себе плечо, дав тем самым понять, что обмен впечатлениями окончен.

То, что за таинственной дверью царствуют весьма сильные запахи, Гретхен, в общем, знала и без подсказки Тимофея. Всякий раз, когда Мастер Альбрехт выходил оттуда, запахи эти, воспользовавшись случайной свободой, прорывались из своей темницы и какое-то время затем разгуливали по дому. Потом они улетучивались, застревая разве что лишь в одежде Мастера Альбрехта, которую он отнюдь не всегда имел обыкновение менять даже и перед вечерней трапезой.

За трапезой же, сидя прямо против Мастера Альбрехта, Гретхен обратила внимание на его руки. Воистину, это были чудные руки!.. Гретхен никогда не видела подобных рук: покрытых множеством коротких белесых полосок от старых шрамов, а также массой разноцветных пятен – желтых и фиолетово-синих, зеленых и ржаво-красных – которые, похоже, въелись на всю глубину кожи и не давали себя смыть. Кроме того, эти руки, как Гретхен смогла убедиться спустя какое-то время, обладали замечательной способностью спокойно прикасаться к очень горячим – почти что раскаленным – вещам. Девочке не раз доводилось видеть, как Мастер Альбрехт, схватив нечаянно только что снятую с огня сковороду или горшок, не отдергивает с криком руку, а лишь спокойно ставит посудину на положенное место. Или, допустим, нарочно вынув из горящего очага полуобуглившуюся, еще поигрывающую перебежками красных огней головешку, он с любопытством отковыривает ногтем белый нарост только что возникшего пепла... Что именно могло заинтересовать человека в обыкновенной головешке, Гретхен, разумеется, не представляла, однако и спросить об этом Мастера Альбрехта не находила в себе решимости. Она вообще стеснялась задавать досужие вопросы, предпочитая наблюдать и, складывая наблюдения в копилку памяти, терпеливо дожидаться, когда они, сцепившись там плотной цепочкой, как бы нехотя, сами собой принесут ответ.

Так, ни разу еще не побывав в той странной комнате, Гретхен, однако, догадалась, что в ней находится особая печь, отдельный дымоход из которой вел на крышу, к отдельной же, сложенной из кирпичей трубе. Странно было при этом то, что Мастер Альбрехт, судя по всему, топил эту печь не дровами и не древесным углем, как все, а светильным маслом, с десятков бочек которого всегда стояло в погребе. Масло, знала Гретхен, стоило дорого, однако Мастер Альбрехт, казалось, не жалел на него денег – едва запасы в погребе ополовинивались, как тотчас же в доме появлялись люди торговца маслом и восполняли недостаток.

Так или иначе, прошло не менее двух месяцев, прежде чем Гретхен попала в таинственную комнату, – причем не просто оказалась внутри, а в сопровождении Мастера Альбрехта не спеша ее осмотрела, получая при этом необходимые объяснения.

Произошло это так. В один из дней Мастер Альбрехт вышел к завтраку аккуратно причесанным, в синей бархатной, вышитой красными птицами куртке, темно-синих же широких штанах по щиколотку и новых кожаных башмаках. Девочка даже невольно залюбовалась стариком – так не похож был его новый облик на то, к чему она уже успела привыкнуть. Ел Мастер Альбрехт молча, однако Гретхен не могла не заметить на его лице следов какого-то радостного волнения, столь отличного от, казалось, навсегда сроднившейся с ним печати невозмутимости. Поев, Мастер Альбрехт, вопреки обыкновению, даже не заглянул в свою чудесную ком-

нату. Вместо этого он накинул на плечи лиловый плащ с красным исподом, который Гретхен не видела у него никогда прежде, вместо привычного своего колпака покрыл голову красивой маленькой шапочкой, а вместо всегдашней дубинки взял в руку небольшой холщовый мешочек.

«Я, верно, приду назад к обеду, – уходя, бросил он девочке, – Впрочем, если я и задержусь допоздна, то беспокоиться нечего. Давеча я получил известие, что граф прибыл в наш город и желает видеть меня. И, право, мне сегодня есть что ему рассказать!»

Закрыв за хозяином дверь, сгоравшая от любопытства Гретхен вернулась к своим домашним занятиям – приготовила обед, убрала в комнатах, затем поднялась в свою мансарду. Забравшись на сундук, служивший, как мы знаем, ей кроватью, она села, обхватив руками колени, и задумалась. Верный Тимофей, нежившийся до того на подоконнике, подошел к ней молча и лег, прижавшись к ногам, – сквозь густую шерсть зверька Гретхен почувствовала его размеренное дыхание...

«Что бы все это значило, а, кот?» – произнесла она тихо, не больно надеясь, однако, получить ответ.

«Трудно сказать... – Тимофей медленно поднял на нее зеленые звездочки умных своих глаз, – Должно быть, хозяину, наконец, надоело зловоние и он решил подышать свежим воздухом... а заодно произвести впечатление на дам – именно поэтому он и вырядился так ярко...»

Гретхен усмехнулась:

«Уж больно он немолод для прогулок с дамами... у нас в деревне про подобного сказали бы, что его, мол, бес подмывает с собственными внуками тягаться... но наш хозяин не таков, мне кажется...»

«Не знаю, не знаю, – кот покачал головой, – по мне, так подобное происходит сплошь и рядом: вот, скажем, Глазун – кот знакомого тебе деревенского старосты – уж и внуков имел, и правнуков, и праправнуков даже, а все туда ж: целыми днями с кошками окрестными крутит. А то – на крышу взлезет и ну песни петь: поет и поет, пока кто-нибудь чем тяжелым не запустит... Уж и мышей разучился ловить при такой-то жизни...»

Кот замолчал, погружившись, как видно, в ворох приятных воспоминаний. Гретхен тоже вспомнила родную деревню – и жемчужные ниточки слез, помимо воли, потянулись по ее щекам...

10

Вернулся Мастер Альбрехт и в самом деле к обеду – точнее говоря, обед, который Гретхен подавала по его возвращении, был лишь немногим позднее обычного. Старик был по-прежнему в великолепном настроении, он сам не поленился спуститься в погреб за вином и выпил за столом не меньше трети кувшина. Глаза его вдруг наполнились каким-то едва ли не молодым блеском – он лукаво покосился на сидящую справа от него Гретхен, затем приложил указательный палец к своим губам, помолчал несколько мгновений, после чего, не отнимая пальца, прошептал:

«Т-сс!»

Гретхен улыбнулась и тоже приложила палец к губам – все это напоминало ей какую-то игру:

«Т-сс!»

«Т-сс! Если мы будем благоразумны... благоразумны и упорны, да... если мы станем работать дальше, не падая духом от временных неудач... если каждая неудачная попытка станет для нас радостью – ибо приблизит еще на один шаг к великой цели...»

Гретхен слушала внимательно:

«Да, Мастер Альбрехт!...»

«...то не пройдет и года... – он вдруг замолчал и вопросительно взглянул на девочку, – ты слышишь: не пройдет и года, как я смогу выполнить поручение графа – и дать ему то, что он издавна жаждет получить... Ты слушаешь меня, девочка?»

Гретхен кивнула утвердительно.

«Нынче я предъявил графу сделанное в последние месяцы... и граф согласился со мной в том, что окончательный результат не за горами уже... он был весел и милостив и благоволил выдать серебро для продолжения моих опытов...»

Мастер Альбрехт налил в свой стакан еще вина:

«...ведь, как известно каждому, хорошее дело настоятельно требует серебра... серебро – это, воистину, масло дел человеческих: внесенное правильно и в должном количестве, оно уничтожает трение... внесенное же сверх меры – уничтожает движение... Но, похоже, ты едва меня понимаешь, не правда ли?»

Старик отхлебнул из стакана.

«Ах, да, ведь... – он кашлянул, слегка поперхнувшись, – я, кажется, забыл совсем, что до сих пор никоим образом не посвящал тебя в мои занятия... – не глядя на Гретхен, он покачал головой, – и потому тебе, конечно же, непросто... непросто уловить сейчас смысл моих слов...» – старик качнул головой вновь.

«Что ж! – он вдруг обернулся к Гретхен, – Тем лучше!»

Он осушил стакан до самого дна, налил его по новой, опять отпил, наверное, до половины, затем с шумом поставил на стол.

«Что ж – значит, настало время рассказать тебе все... – старик подался вперед, и, подперев с двух сторон голову, едва ли не лег грудью на стол, – И, видит Бог, я прямо сейчас сделаю это!»

Он допил вино, затем, полуприкрыв глаза, замер, блаженно прислушиваясь к внутреннему действию напитка. Все это время Гретхен смотрела на него, не отрываясь, боясь своим нескромным дыханием спугнуть его мысли и пропустить что-либо важное.

Однако Мастер Альбрехт сидел и сидел за столом, полуприкрыв глаза и чуть-чуть раскачиваясь. Он словно бы забыл о ее присутствии. Раз только губы его шевельнулись медленно, исторгнув, однако, лишь одинокое тихое «Сейчас...» Несмотря на это, девочка все продолжала ждать – и ждала так с четверть часа, не менее, прежде чем ожидание ее вознаградилось хоть в какой-то степени: голова старика вновь вздрогнула едва заметно, слипшиеся губы слегка причмокнули, и из-за них вдруг послышался легкий глуховатый свист. Мастер Альбрехт спал.

Наступившее затем утро как будто не предвещало ничего особенного. Проснувшийся в свой обычный час Мастер Альбрехт в обычный же час вышел к завтраку, во все время трапезы ничем не обнаружив последствий давешнего винного излишества. Словно бы ничего не случилось накануне, – встав из-за стола и переодевшись, он скрылся было за дверью своей таинственной комнаты. Гретхен уже принялась за что-то из вороха неотложных домашних дел, когда та же таинственная дверь распахнулась вновь и появившийся на пороге Мастер Альбрехт громким голосом позвал ее к себе наверх. Тут же все бросив, девочка побежала к нему – с ходу взлетела на два пролета лестницы и остановилась на площадке у входа: заветная дверь по-прежнему была открыта, однако старик, как видно, не дожидаясь Гретхен, вернулся в недра своего загадочного убежища. Мгновение еще девочка стояла в нерешительности, но тут голос Мастера Альбрехта окликнул ее повторно:

«Ну, где же ты? Входи, входи, не задерживайся там, у дверей!»

Гретхен шагнула вовнутрь.

«Проходи сюда осторожно, ничего не трогай только и ничего не толкни случайно, Бога ради! А то хлопот потом не оберешься... Ты слышишь меня?»

«Да, Мастер Альбрехт!»

...Комната, по первому впечатлению Гретхен, оказалась не такой уж и темной. Что же касается зловония, некогда столь поразившего Тимофея, то и оно, в общем-то, на поверку вышло не столь уж непереносимым. Станных запахов, конечно, было много, однако ни один из них не перебивал остальные и не отнимал у дыхания воздух. Видимо, Тимофей, как это ему свойственно, преувеличивал. Или, может быть, виной всему было удачное стечение обстоятельств: все-таки в этот день хозяин не успел еще приступить к своим непонятным занятиям, притом что вчера комната также отдыхала, понемногу проветриваясь себе через квадратное окошко, прорубленное почти под самым потолком...

Войдя вовнутрь, Гретхен сперва увидела странное сооружение, сложенное из кирпича прямо посреди комнаты. Она догадалась, что это печь – та самая печь, ради которой в погребе запасали растительное масло. Кроме печи в комнате имелся длинный узкий стол из обмазанных глиной досок. В углу возле дальней от двери стены стоял небольшой сундук с двумя массивными замками из латуни – потом уже Гретхен обратила внимание на украшавшую этот сундук довольно тонкую и дорогую отделку деревянной резьбой, столь не вязавшуюся с аскетичной простотой прочих вещей в доме Мастера Альбрехта.

Вдоль стен комнаты – едва ли не от пола и до самого потолка – были прибиты узкие полки из толстых почерневших досок. На этих полках во множестве располагались предметы, названия которым и, тем более, назначения Гретхен не знала. Это были какие-то металлические сосуды, отдаленно напоминавшие кастрюли и небольшие сковороды, а также сосуды из обожженной глины: кувшины и горшки каких-то странных, неудобных для домашнего обихода форм. Были кроме них и сосуды стеклянные – мутные шары с плоскими доньшками, застывшие стеклянные капли, прозрачная змейка, на конце которой имелось шарообразное расширение с отдельным горлышком. Там же, на полках, стояли весы, какие Гретхен видела в лавке городского менялы, а по соседству располагались щипцы, молотки и другие железные инструменты, сродни тем, что Гретхен доводилось видеть прежде у деревенского кузнеца.

Впрочем, рассмотреть все это в подробностях Гретхен смогла не сразу – она лишь окинула внимательным взглядом комнату со всем ее содержимым, после чего, повинувшись жесту Мастера Альбрехта, подняла с пола лежавшую почему-то на боку маленькую скамеечку и, воспользовавшись ей, присела.

«Здесь – самая важная часть моего дома, – начал Мастер Альбрехт свой рассказ, – без нее весь дом, воистину, теряет какой бы то ни было смысл».

Он слегка усмехнулся так, как усмеваются, когда говорят то, в чем давно и крепко уверены:

«Весь мой каменный дом не стоит и сотой доли того, что заключено в этой комнате, называемой *лабораториум*. Не стоит и тысячной доли этого!»

Сказав это, старик достал из кармана ключ, после чего довольно ловко и быстро открыл замки сундука. Затем осторожно откинул крышку и, опустив обе руки в его внутренности, извлек оттуда большой и, по всему, довольно тяжелый мешок. Мешок был завязан, однако по звукам, которые он издал, опустившись на пол, девочка догадалась, что в нем деньги.

«Здесь серебро. Пожалованное графом на мои изыскания. Довольно много серебра, что ж – но даже и без этих денег комната по-прежнему тысячекратно дороже всего моего дома».

Вернув деньги в сундук, старик вновь склонился над ним и через мгновение достал оттуда на свет божий большую книгу.

«Вот она!..» – все еще сидя возле сундука, он осторожно смахнул пыль с обложки, затем поднялся и, держа книгу так, как держат матери только что родившихся младенцев, шагнул к столу. Положил на него свою драгоценную ношу, медленно раскрыл наугад и, забыв, казалось, напрочь о присутствии Гретхен, принялся читать, беззвучно шевеля губами. Девочка, однако,

не решалась его потревожить – она, как и прежде, сидела на своей скамеечке, внимательно следя за происходящим.

Вдруг Мастер Альбрехт оторвал взгляд от книги, поднял голову и взглянул на Гретхен взглядом едва ли не радостным:

«Вот она – истинная драгоценность моего дома! Бесценное сокровище, способное обогатить несказанно и столь же способное разорить вчистую! След величайшего ума и корень непоправимого безумия! Источник сладчайшего наслаждения и в то же время мучений, подобных адским...»

Он осторожно закрыл книгу и, положив поверх обложки ладонь правой руки, вновь усмехнулся уже знакомой Гретхен усмешкой мудреца:

«Здесь, под обитым кожей деревом, трактат брата Педро из Сарагосы – францисканского монаха, умершего сто лет назад почтенным старцем. Всю свою долгую жизнь в далекой стране короля Арагона и Наварры он положил на этот труд, – исследуя свойства различных субстанций, сравнивая написанное Великими Адептами Прошлого и взыскую помощи Божией, он по крупницам обретал истину, и, обретая, доверял эту истину листам пергамента... И вот, хвала Господу, чья милость к нам не имеет меры, – его пергамент теперь здесь, передо мной!»

Мастер Альбрехт замолчал, переводя дух. Лицо его, казалось, излучало неяркий свет.

«Я не стану рассказывать тебе, какими путями и сколь долго шла ко мне эта книга. Сколько чужих недостойных и грубых рук касалось уязвимых страниц прежде, чем они обрели покой и защиту в моем доме – в доме одного из тех, кому они в действительности предназначались... Это длинная и неинтересная история – тебе ее знать, право, ни к чему. Гораздо важнее то, что я сказал тебе сейчас: эта книга бесценна, ибо содержит ответ на вопрос вопросов... Она глубока, как колодец, и в то же время высока, как гора. Она – лекарство, залечивающее раны, и она же – оружие, разрушающее замки врага. Оружие победоносное и неотразимое. И теперь, вооружившись сим оружием, я несомненно совершу то, для чего предназначен Господом, – выполню заказ нашего графа, а через это верну людям истину, утерянную древними...»

Старик взглянул на девочку, как ей показалось, вопросительно. «Он наверное ждет, чтобы я что-то ответила», – подумала Гретхен и вслух произнесла первое, что пришло ей в голову:

«...я поняла... мне кажется, я поняла все сказанное вами, Мастер Альбрехт... кроме одной вещи, пожалуй... мне непонятно, что же именно должно быть сделано для нашего графа? Ни прежде, ни сейчас вы мне не раскрывали этого... если только я внимательно слушала вас, Мастер Альбрехт...»

Старик рассмеялся сухим коротким смехом.

«Нет, нет, – глаза его заговорщически сверкнули, – все-то ты слушала внимательно, чистое дитя, это так. Ты вообще – внимательная девочка, именно по этой причине я и решил тебе открыться, дабы сделать тебя не только прислужницей в доме моем, но и старательной помощницей в моих трудах... Я действительно не говорил тебе об этом никогда, ибо считал подобное преждевременным. Однако сегодня подходящий момент настал – и я намерен рассказать тебе... посвятить тебя в сущность моих занятий – в той мере, в которой возможно подобное, учитывая твое деревенское невежество...»

Он сделал паузу, сжав губы на миг и задумавшись:

«Так слушай же... Но нет, не станем спешить и сейчас. А ну-ка, прежде ответь мне вот на какой вопрос: видела ли ты герб нашего графа?»

Гретхен утвердительно закивала:

«Да, да, конечно же, видела, и видела неоднократно – всякий раз, когда граф со свитой приезжал в город или когда направлял своего посланца городскому совету... Я видела щит, вышитый на украшавших лошадей пополах... такой же точно щит был на флагах и еще –

на плащах некоторых графских прислужников, сопровождавших его повозку... на этом щите, разделенном на три части, нарисо...»

«Довольно, довольно, девочка... – старик, опять усмехнувшись, остановил ее взмахом руки, – Я готов повторить и повторить вновь: у тебя весьма цепкий глаз... Однако нам сейчас нет никакой необходимости тратить время на описание графского герба – он весьма сложен и в целом не имеет прямого отношения к цели нашего разговора. Скажи-ка вместо этого вот что: какого цвета на этом щите нижнее поле? То, что отделяется золотой полосой от двух верхних – черного с золотым львом и красного с лилиями?»

Гретхен задумалась, припоминая:

«Мне кажется... – она наморщила лоб, – Да, мне кажется, это синий... синий цвет, да, густо-синий...»

Сказав это, она, однако, в тот же самый миг засомневалась:

«...хотя, нет, не вполне – по-моему, это все же фиолетовый цвет... определенно – фиолетовый!...»

В подтверждение своих слов она даже кивнула, но полной уверенности все равно не достигла:

«...или все-таки синий... не знаю... Всякий раз, – принялась она оправдываться, – Всякий раз, когда я видела его, солнце светило так искоса... так ненадежно... что было трудно...»

«Довольно, довольно, – Мастер Альбрехт вновь прервал ее со смехом, – Довольно, девочка, не утруждай себя вспоминать то, что вспомнить невозможно вовсе: едва ли хоть кто-нибудь в этом городе, равно как и за его стенами, сможет ответить на мой вопрос».

Он остановился, задумавшись. Лицо его в момент стало серьезным:

«Твои затруднения естественны, и дело тут, конечно же, не в солнечном свете. Так же, как и не в свете факелов, освещающих Зал Собраний городской ратуши, в котором послания графа зачитываются отцам города. Любой из почтеннейших отцов города – членов городского совета – ответил бы на мой вопрос твоими словами: «синий», «нет, фиолетовый», «нет, все-таки синий». Дело не в освещении, а дело в самом цвете.

Он и синий, и голубой, и фиолетовый разом – или, иначе, выпачканный фиолетовым синий – что равносильно выпачканному синим фиолетовому. Это грязный, ржавый цвет, лишенный природного благородства, – и не место ему на гербе столь знатного господина, как наш граф».

«Почему же тогда граф не заменит этот цвет, коли он постыден и неправилен?»

«Подожди, девочка! Терпение – величайшее из достоинств. Обрети терпение – и ты обрешь власть. Власть над собою, власть над людьми и власть над обстоятельствами. Кроха терпения – и я отвечу тебе. Отвечу на вопрос, заданный тобой, и еще на дюжину незаданных впридачу – но наберись же терпения. Итак...»

Он перевел дух, вытерев пот со лба:

«Итак, ты хочешь знать, деревенская девочка, почему граф не заменит на своем гербе ненадлежащее поле? Почему не прикажет окрасить его цветом, достойным славы своего рода? Что ж, ответ будет прост и сложен одновременно – граф не меняет цвета нижнего поля своего герба потому только, что не имеет цвета подходящего. Того особого, не синего и не фиолетового цвета, похожего, однако, как на синий, так и на фиолетовый, но при этом такового, что лишь имеющие бельма на глазах способны спутать его с синим. Притом, что лишь не отличающие дня от вечерних сумерек спутают его с фиолетовым.

Граф не имеет цвета этого, но всякий в его владениях и окрест – по крайней мере, всякий из тех, кто способен отличить одну букву от другой... так вот, всякий сведуший человек здесь знает, что истинный, беспримесный и чистый цвет в незапамятные времена действительно украшал герб благородных предков нашего графа. Знает так же верно, как то, что Солнце всякий день заходит на Западе!»

Сказав это, Мастер Альбрехт вновь остановился ненадолго. Снова вытер пот со лба, затем заглянул пристально в глаза Гретхен и, удовлетворившись, видимо, впечатлением, произведенным собственными словами, продолжил:

«Давно-предавно, когда ни тебя, ни меня, ни даже наших с тобой отцов и дедов на свете еще не было, предок нашего графа отличился в священном походе Креста на службе у Готфрида Бульонского – короля Святого Иерусалима. Он доблестно сражался с сарацинами, проявляя бесстрашие и благородство, помогая рыцарям Креста как мечом, так и советом. И вот, желая воздать почести герою, король пожаловал ему привилегию, о которой не слыхали люди прежде. После одной из битв он даровал ему право использовать в своем гербе особую краску неповторимо-чистого цвета, имеющую, вдобавок, свойство светиться в темноте. «Пусть даже и темной ночью флаг твой указывает нам путь в бою!» – сказал он перед собранием самых доблестных иерусалимских рыцарей. Саму же эту краску – четыре доверху заполненные бочки – королевские слуги торжественно выкатили перед всеми, дабы каждый мог убедиться: великодушнейший из королей отдает своему вассалу всю краску, что имеет.

Это был воистину королевский дар – ибо всего лишь месяцем ранее эти же бочки достались самому благочестивому королю Готфриду от одного из мелких сарацинских правителей, перешедших под его руку от султана Дамаска. Эта удивительная краска – плод работы мастеров-красильщиков, живших некогда в маленьком горном селе Персидской Азии. На всю Азию и за ее пределами славилась она, доставляемая караванами барышливых купцов: от гор Индии и до владений Гранадских мавров. Поколениями наследовали красильщики секрет ее приготовления от своих отцов и передавали затем своим детям, так делалось из века в век, – и, однако, ныне некому стало ее приготовить. Некому во всем Свете! Пути Господа неисповедимы: Черная Смерть в какой-то месяц унесла с собой этих красильщиков, всех до единого. И четыре бочки Готфрида Бульонского – последнее, что успели они изготовить».

Замолчав, Мастер Альбрехт обвел взором свой лабораториум – он словно бы хотел убедиться, что не только Гретхен, но также и инструменты на полках внимают ему, затаив дыхание.

«Все ли понятно тебе, девочка?»

«Да, Мастер Альбрехт... Но что же стало с этими бочками? И надолго ли хватило их содержимого?»

Вместо ответа старик лишь с усмешкой покачал головой:

«Надолго, что ж... Должно было хватить надолго, это правда. Четыре бочки столь густой и плотной краски – объем изрядный, как ни крути. Что же до нашей знати – то их родовые деревья не столь уж и ветвисты, как, может, им бы самим хотелось. Все это вместе не оставляло бы никаких сомнений в том, что и нынешним потомкам героя Святой Земли достанет краски из тех бочек...»

«Так что же...»

«А вот что. Три из четырех погибли во время крушения генуэзского корабля, на котором рыцари Креста возвращались из Святой Земли. Верно, они и сейчас покоятся на дне Лигурийского моря. Четвертая же, последняя бочка благополучно прибыла в замок графа, однако и ее вскоре постигло несчастье – во время недолгой и, к счастью для графа, неудачной осады замка Фридрихом Барбароссой в нем случился пожар, сгорели козлы, на которых стояла бочка, она упала с большой высоты на каменный пол и раскололась. В общем, остались одни обломки, со стен которых удалось соскрести немного драгоценной субстанции – ей пользовался тогдашний граф и отчасти его сын. Дальнейшим же их отпрыскам выпало нести известную тебе печать позора, заменяя правильный цвет на приблизительный, лишенный, само собой, способности светиться во тьме».

Он опять замолчал.

«Но какое все сказанное...»

«...имеет ко мне отношение? Ведь именно это ты хотела бы сейчас спросить, не так ли, девочка? – Старик засмеялся в очередной раз своим сухим, коротким смехом, – Самое непосредственное, уверяю тебя! И я поведаю тебе об этом в свой черед, будь спокойна. Сейчас же настало время перекусить, как мне кажется, – приготовь-ка на стол молока, хлеба и кусок ветчины пожирнее. Что-то я сегодня не наелся за завтраком».

11

Подкрепившись, они вернулись на второй этаж, где Мастер Альбрехт продолжил свой долгий рассказ. На этот, однако, раз он словно бы напрочь забыл и про таинственный сундук с серебром, и про мудрую книгу Педро Сарагосского, – покинутая вниманием, она так и осталась лежать на столе. Вместо этого Мастер Альбрехт встал возле той самой странной, похожей на маленькую крепостную башню печи и, с довольным видом похлопав ладонью ее кирпичное тело (подобным жестом обычно хозяева похлопывают верного коня или добрую корову – кормилицу многочисленного семейства), сказал, не глядя на девочку:

«Сие *атанор*, что значит бессмертный... Очаг бесконечного огня, способный сохранять теплоту, покуда только в него подливают масло. Видишь фитили, – разжигая любую их часть попеременно или, напротив, все сразу, я могу повелевать теплу так же, как другие повелевают людям: я могу сделать, чтоб в печи лишь закипала вода, но не плавился воск, я могу сделать так, чтобы воск становился жидким, однако свинец сохранял свою твердую тяжесть. Могу сохранять тепло конского навоза, упомянутое во многих достойных книгах, или тепло слюны во рту. Когда же я решаю задействовать все фитили до единого, – пламя становится сродни пламени адских кузниц. Именно такое пламя обычно необходимо для Влажного Пути – его я и поддерживаю, нагревая земли в этом вот *алюделе* или, иначе, *философском яйце* – сосуде Великого Преображения, по окончании коего первым из прочих удостоенного содержать в себе *чистую субстанцию*, столь же беспримесную и благородную, как и во дни начала Мира».

Он повернулся к Гретхен, заглянул ей в глаза, желая знать впечатление от своих слов, затем продолжил:

«Здесь лежит мой труд: преодолевая природу грубых, обыденных субстанций, стараясь с помощью Божией избежать обманчивых чар сходства и нетерпения отчаяния, всегдашними бесами сопровождающих любое Делание, я шаг за шагом приближаю себя к Истине, к той самой Истине, что обрел некогда Педро Сарагосский!»

Он опять сделал паузу, взглянул зачем-то на свою ладонь:

«Многие истинномудрые мужи преуспели в этом Великом Деле, но ни один из них не приблизился к тому, чего достиг брат Педро, благословенна память его: лишь в написанном им трактате, милостью Господа дарованном сегодня моим глазам и рукам, имеются слова, смысл которых несомненен и велик, ибо брат Педро, единственный из адептов со времен Гермеса Триждымогучего, познал еще одно убежище Мирового Духа, отличное от известных прежде, или, вернее сказать, забытое прежде иных. И это убежище есть убежище цвета – говоря иначе, оно и есть Царский Цвет или Царь Цветов, подобно тому, как Царь Металлов есть Золото, а Царь Семи Планет – Солнце. Клянусь, написанное братом Педро нельзя понять иным образом, как нельзя и усомниться в его правдивости: ибо он честно прошел весь надлежащий адепту путь, очищая первичную материю, взятую от улиц и рудников. Как нет у меня сомнений в том, что добытое братом Педро и есть Универсальный Меркурий, о котором писал Бернارد Тревизский и который бесплодно тщились добыть многие, ибо искали его в неверном месте – там, где Овен и Телец попеременно терзают красную соль!...»

Старик засмеялся довольным продолжительным смехом:

«Понятно ли тебе теперь, о деревенская душа, что за сокровище нынче в моих руках? Ведь субстанция, несущая в себе Царский Цвет, и есть краска Готфрида Бульонского! Великий

Дар, за грехи и невежество отнятый у жителей Азии. И – подумать только! – лишь считанные месяцы, а то и недели отделяют меня от обретения сего сокровища, во славу Господа нашего, в утешение графского рода и к несказанной радости городского цеха красильщиков, чьи ткани благодаря этому станут продаваться лучше, чем ткани из Брабанта и Фрисландии!»

Он заглянул пылливо в глаза Гретхен:

«Все ли понятно теперь тебе, повторяю? Спрашивай без стеснения – преимущество твоего невежества в свободе задавать любые вопросы без боязни прослыть невеждой!...»

Старик засмеялся, довольный собственной шуткой. Гретхен же задумалась, нахмурив лобик:

«Мне кажется, Мастер Альбрехт... По меньшей мере, одну вещь не осилить моей голове никак – это уж точно...»

«Какую же? – старик в свою очередь сделал удивленную мину – Говори, и я попробую разъяснить тебе это... чего бы оно ни стоило и сколько бы времени ни потребовало...»

«Возможно, я глупа совсем, Мастер Альбрехт, – начала Гретхен, запинаясь слегка от волнения, – Но я никак не возьму в толк: ведь коли все уже написано в вашей книге... вернее, в книге этого монаха из дальних краев... тогда зачем что-то пробовать и испытывать долгие годы... не лучше ли сделать все, как написано – одно за другим... подобно тому, как священник читает по книге псалмы или сборщик податей смотрит в своей книге положенную недоимку?..»

В ответ старик опять засмеялся – вот уж веселый выдался у него день – он смеялся довольно долго, не переставая при этом кивать головой. Наконец его смех прекратился, а взгляд стал вновь серьезным и внимательным:

«Твой вопрос очень умен и очень глуп одновременно, девочка. Умен для деревенского невежды и глуп для всякого, имеющего отношение к Великому Деланию или *Аль Кимии*, как называли сие искусство египетские мудрецы древности. Всякого насмешил бы твой вопрос, как насмешил он меня, – но я отвечу тебе, как обещал. Гляди же сюда и слушай. Что стало бы, скажи-ка мне, если бы великий брат Педро написал в своей книге рецепт приготовления Царского Цвета так, как пересказывают кухарки друг дружке рецепт приготовления тушеных рябчиков? Смог ли кто-нибудь повторить его путь? Воодушевило ли кого-нибудь это? Конечно же да – и тысячи *суфлеров* ринулись бы тут же по ясному, на их взгляд, пути. Но чего бы достигли они? Лишь траты изрядных средств – и только. Ибо никто посторонний никогда не сможет сам добыть *философский эликсир* – хотя бы и копируя одно в одно движения рук настоящего герметического философа. Почему же так – да потому только, что результат моего искусства есть Откровение, а Откровение, как каждому известно, дается Господом, а вовсе не сборщиком податей.

Знай же, что настоящего результата достигнет лишь достойный – познавший необходимое и проделавший надлежащее. Как отец не позволяет сыну-младенцу управлять лошадью, так и истинный адепт не позволит случайному человеку повторить его Деланье. Ибо опасностей тут не счесть, тогда как пользы не будет вовсе...»

«И никто-никто тогда, – поспешила вставить Гретхен, – во всем мире не сможет повторить то, что сотворите вы, Мастер Альбрехт, не так ли?»

«Почти, – Мастер Альбрехт на этот раз кивнул согласно, – Почти никто, это так – ты правильно все поняла, деревенская девочка. Чтобы найти то, что вот-вот найду я, надо идти тем путем, которым иду я, или научиться тому, чему лишь я могу научить. Либо... – тут лицо его на миг, помимо воли, омрачилось, – либо похитить книгу брата Педро с моими пометками на ее полях, а затем, путем колдовства и магии, расшифровать тайный смысл ее букв. Что ж, это займет немного времени – гораздо меньше тех лет, что потратил я на опыты, – но лишь находящемуся в сговоре с бесами посильно подобное».

Сказав это, Мастер Альбрехт опустил голову. Какое-то время он стоял так, молча, затем словно бы встряхнулся и вновь взглянул на девочку.

«В общем, на сегодня – довольно. Ей-богу, я сказал столько, что твоя крестьянская голова должна была б непременно лопнуть, запомни ты хотя бы половину услышанного. Ступай же, готовь нам ужин и помни, что я позволяю тебе отныне присутствовать здесь, но лишь в часы моих занятий и со мною вместе. Если Господу станет угодно, я научу тебя помогать мне в делах, допускающих помощника невежественного, хоть и старательного. В любом случае, тебе не будет так скучно коротать долгое время между завтраком и обедом».

12

Вечером, оказавшись, наконец, в своей мансардной каморке, Гретхен вдруг почувствовала довольно сильную усталость, хотя работы руками в тот день выдалось едва ли не меньше обычного. Забравшись на свой сундук, она обняла Тимофея и, как могла, пересказала ему услышанное. Ей хотелось знать мнение кота обо всех этих удивительных обстоятельствах. Тимофей слушал ее молча, полуприкрыв глаза, – лишь иногда из его теплого чрева доносилось ровное тихое урчание, словно бы кто-то невдалеке работал кухонной ручной мельницей. Девочка даже решила, что кот пропускает все ее слова мимо ушей, однако не тут-то было: стоило ей закончить, как Тимофей стремительно поднялся на ноги, потянулся, затем сделал шаг в сторону и, спрыгнув на пол, уселся, обернув, как обычно, себя хвостом.

«Я, кажется, слышал что-то подобное... среди семейных преданий моего кошачьего рода... какие-то истории, несомненно, имеющие отношение к тому, что ты мне сейчас рассказала... про бочки с краской и про генуэзский корабль, потерпевший крушение у самого берега... да... именно про генуэзский корабль, если не ошибаюсь, рассказывала мне моя любимая бабушка... я был еще котенком тогда и потому могу забыть, конечно же, какие-нибудь незначительные обстоятельства, однако в целом дело обстояло вот как...»

Взяв паузу, он несколько раз облизнулся, затем приподнял от пола кончик своего белого хвоста и, качнув им медленно из стороны в сторону, проводил взглядом:

«Стало быть, дела обстояли вот так. Предок здешнего графа в компании других рыцарей, а также их слуг возвращался из похода в Святую Землю. Путь был долгим, море почти на всем его протяжении показывало, как водится, свой всегдашний несносный характер, и все, само собой, порядочно вымотались. Тем безудержнее была радость путешественников, когда из утреннего тумана, наконец, показались очертания берега и моряки восторженными криками принялись приветствовать родную Геную.

Однако радость оказалась преждевременной, по большей части. Жадные отцы города, прослышав, что возвращающиеся из Палестины везут с собой несметные сокровища, требовали от графа и его рыцарей огромную плату – пятьсот ливров – за право сойти на берег и выгрузить то, что привезено на их корабле.

Подчиниться этим требованиям граф считал ниже своего достоинства. Созвав своих людей, он устроил совет, участники которого, однако, все никак не могли прийти к единому мнению: одни предлагали прорываться на берег с оружием в руках, другие призывали вступить в переговоры и торговаться. Так прошел день – с наступлением вечера решили подкрепить себя едой и вином. Стали ужинать, и прекрасное кипрское вино постепенно сделало свое дело: рыцари вскоре забыли и про жадных генуэзцев, и даже про то, что не могут сойти на берег. Они начали веселиться так, как у них было заведено, словно бы ничего особенного с ними и не происходило. В разгар веселья граф стал хвастаться какой-то краской, подаренной, дескать, ему Иерусалимским Королем. Что будто бы краска эта имеет ни на что не похожий цвет и даже светится ночью подобно кошачьему глазу. Кто-то из знатных ему не поверил. Завязался спор, изрядно сдобренный кипрским вином, и Бог его знает – могло бы дойти до поединка даже, когда б не один из самых неприметных рыцарей, бывших тут же. Улучив мгновение, когда оба спорщика замолчали, дабы вдохнуть новую порцию воздуха, он встрял в их разговор, предло-

жив решить дело простым опытом. Дескать, уже стемнело и если вынести немного той краски на палубу корабля, то всякий сможет без труда убедиться в том, чья сторона права.

Решили так и сделать и даже удивились, что подобное не пришло никому в голову раньше. Слуги выкатили бочку с краской, раскупорили ее не без труда и зачерпнули содержимое. Оставалась мелочь – найти то, что должно быть покрашено. Преисполненный веселья граф обвел взором все вокруг и вдруг увидел кота – моего дальнего предка – жившего на корабле и оберегавшего съестные припасы от трюмных крыс. Увидел, значит, его граф и расхохотался: «А вот мы что сделаем, – закричал, – давайте-ка покрасим этому коту... хвост!» Вот уж действительно – хоть и благородной крови человек, а умней ничего не придумал. Хотел было предок мой с верхней палубы прочь сигануть – да не успел, по всему. Схватили, зажали так, что не шевельнешься, да вымазали весь хвост краской этой. Исцарапать даже никого не удалось...

И после видят: хвост, в самом деле, светится в темноте, словно бы огни Святого Эльма, – аж им страшно стало слегка. Притихли все, смеху – как не бывало, и только граф наш сквозь зубы пробурчал что-то и уже после громко приказал сниматься с якоря – плыть в Марсель.

Ну, приказать-то он приказал, дело недолгое – приказать-то приказал, а исполнять-то как? Матросы-то все на берег сошли уже – к семьям своим вернулись. Пришлось графским слугам самим на весла садиться да паруса крепить... Даром что вином перед тем взбодрились...

В общем, зря они, конечно, тогда пожадничали: не стоит никогда чужим ремеслом промышлять. Случилось с ними то, что и должно было случиться, – наказал их Господь за самонадеянность да за хвастовство. И за то, что кота обидели, – уж это наверняка.

Едва снялись они с якоря да ветер в паруса поймали, – понесло корабль их на скалы. Понесло, а они и не поняли этого даже – благо, ночь стояла малозвездная да безлунная.

Короче, разбился корабль о скалы со всем своим грузом – и с кипрским вином, и с пряностями, и с шелком, и с драгоценностями золотыми да серебряными, и с удивительной краской Иерусалимского Короля тоже – одна только бочка потом вынырнула, наутро ее рыбаки из воды достали.

Впрочем, люди спаслись, выплыли. И предок мой – кот корабельный – тоже спасся. Он, кстати, впереди всех плыл, хвостом своим светящимся путь к берегу указывая. Граф его потом с собой на родину взял – из благодарности, не иначе!»

Закончив свой рассказ, Тимофей поднялся на все лапы и затем в три прыжка занял излюбленное свое место – на подоконнике:

«Вот и сегодня ночь безлунная, малозвездная да ветреная – и слава Богу, что мы не в море сейчас! Давай-ка спать лучше...»

Глава третья, в которой все идет своим чередом, однако в городе появляется тот, кому лучше бы не появляться вовсе

13

Дни шли за днями, свиваясь в недели обычным своим порядком, – и лишь воскресный перезвон церковных колоколов возвещал всем об окончании одной и начале следующей. Недели, как им и положено, покорно складывались в месяцы – ноябрь, декабрь, январь, – по погоде наделяя горожан новыми житейскими заботами и делая ненужными заботы старые...

Однажды ночью Гретхен проснулась вдруг, и, раскрыв глаза, заметила с удивлением, что вся ее каморка наполнена каким-то странным, чуть голубоватым светом, падавшим ровным снопом из не закрытого ставней окошка. Казалось, вокруг стало светло совсем – Мастер Альбрехт, наверное, смог бы читать здесь свою книгу. Гретхен без труда различала каждый предмет, находящийся в комнате: вот её старое платье, висящее на вбитом в стену гвозде, деревянные башмачки, кот Тимофей, по обыкновению устроившийся на ночь у нее в ногах. Видно было, как ходят взад-вперед, в такт дыханию, белые его бока...

Стараясь не разбудить кота, девочка соскользнула осторожно на пол, накинула на плечи кусок овчины и, медленно открыв оконные створки, высунулась наружу. В лицо ей ударило легким ночным морозцем, тут же заставившим изнеженные сном глаза прослезиться. Гретхен вытерла глаза рукой, после чего застыла в радостном изумлении, как в то первое утро своей жизни у Мастера Альбрехта: настолько неожиданным оказался вид из ее окна!

Давешнее бескрайнее море курчавых черепичных крыш теперь бесследно исчезло, словно бы и не было его никогда. Вместо него повсюду лежал снег – ровный и мягкий снежный пух, еще не слежавшийся и не подтаявший. Гретхен даже начало казаться, что под снегом – земля, а сама она глядит на все не из мансардного оконца вовсе, а из своего деревенского дома, где топится печь, где в углу дрыхнет, свернувшись калачиком, бездельник Тимофей, и отец вот-вот не спеша подойдет к ней и положит молча свою добрую ладонь ей на голову.

Бездельник Тимофей, однако, проснулся тоже – с глухим стуком (выдававшим хорошо раскормленную к зиме кошачью душу) соскочил он с сундука, после чего пересек каморку привычным маршрутом и торопливо занял свой облюбованный подоконник.

«Не спится чего-то, да? – Голос кота звучал в ночной тишине непривычно низко и сухо, – В полнолуние всегда не спится...»

Тут только Гретхен поняла, откуда именно идет этот разбудивший ее голубоватый свет. Над уходящими во все стороны снежными гребнями и горками неправдоподобно низко стояла огромная круглая Луна. Ее лимонно-голубые лучи, падая на поверхность снега, становились еще голубей и, рассеиваясь во все стороны, заполняли собой, как показалось девочке, весь мир.

«Красивая Луна, – поделилась с котом Гретхен, – Но почему-то плакать хочется от этой ее красоты...»

Тимофей нехотя поднял голову, какое-то время молчал, наблюдая небесное светило, затем посмотрел в лицо девочке и с весомостью произнес нараспев:

«Поду-умаешь, красавица нашлась!.. Луна как луна – монета из поддельного серебра, которую раз в месяц кто-то подвешивает на небо за ненадобностью... Только глупые жадные собаки принимают ее за настоящую – да и то не всегда. Кстати, у этой, на которую ты сейчас

засмотрелась, вполне мышинное лицо, приглядишься... Чего во всем этом красивого – хоть убей, не возьму в толк!»

Гретхен еле слышно рассмеялась:

«Какой же ты серьезный всегда, Тимофей! Знала б я раньше, что ты такой, – непременно упростила бы отца доверить тебе управление мельницей: разговоры с крестьянами, подсчет зерна и муки... у тебя вполне получилось бы, правда!..»

«Благодарствую, благодарствую... Вот уж оценка моих талантов – беспристрастная и великодушная!.. – кот сделал вид, что слегка обиделся, – Будто вашей мельницей и впрямь управлял не я, а кто-то другой...»

«Ты!? – Девочка развеселилась еще больше, – Ты управлял нашей мельницей? – от удивления она забыла про Луну и про вызванные ей грустные воспоминания, – Ты хочешь сказать, что именно ты, а не...»

«Ну, да... а что здесь такого?.. – кот не дал ей закончить фразу, – Знай же, что один мой запах, отпугивающий мышей, сберегает больше зерна, чем замена трех нерадивых работников самыми что ни на есть старательными!»

Провозгласив это, Тимофей соскочил вниз и уселся посреди каморки, распустив хвост по полу. Выглядел он в этот момент очень торжественно: ни дать ни взять – лев с графского герба!

«И вообще: хотел бы я узнать, как ты себя поведешь, столкнувшись лицом к лицу хотя бы с десятой частью мышей, живущих на мельнице, – всех этих серых воришек без стыда и совести. Сотнями и тысячами прячущихся во всех углах, во всех щелях и за каждой прислоненной к стене вещью! А ведь есть на свете еще и крысы!»

14

Помогать Мастеру Альбрехту в его изысканиях Гретхен начала еще с осени, однако делала это все же не слишком часто: иногда старик сам звал ее в свой лабораториум и просил выполнить какую-нибудь простую работу, иногда – хотя и не часто – она заходила туда по собственной воле. В общем, наблюдать за занятиями Мастера Альбрехта было, конечно же, интересно, однако от домашних забот ее тоже никто не освобождал. К тому же, долгое нахождение в лабораториуме само по себе требовало изрядной выносливости и в полной мере, наверное, было под силу лишь таким увлеченным своей работой людям, как Мастер Альбрехт.

Действительно, в лабораториуме почти всегда стояли сильные – чаще всего неприятные, а иногда даже исключительно неприятные – запахи. Нередко в ходе опытов воздух в помещении становился едва ли не раскаленным, а однажды, когда Мастер Альбрехт в присутствии Гретхен переливал из странного сооружения, называемого *пеликан*, в разогретый докрасна тигель какую-то желто-коричневую жидкость, произошло и вовсе что-то ужасное: девочка увидела лишь короткую огненную вспышку, на смену которой явился ворох разноцветных искр, летевших во все стороны. Все это сопровождалось оглушительнейшим звуком, из-за которого потом, когда все кончилось, еще долго звенело в ушах. Слава Богу, никто всерьез не пострадал – лишь осколки тигля оцарапали Мастеру Альбрехту руку, заставив его на три дня прекратить занятия и добавив потом к имеющимся еще один небольшой шрам.

Получившего против воли дополнительный отдых старика это приключение, однако, совсем не расстроило. Напротив, он стал еще более весел и энергичен, чем прежде, и все время бормотал что-то про «истинную изменчивость соотношения Меркурия и Серы, подверженную в фазе Весов прежде фазы Скорпиона».

Впрочем, Гретхен хорошо запомнила и некоторые другие, не столь пугающие и опасные, хотя по этой же причине, наверное, и не столь эффектные опыты Мастера Альбрехта. Так, однажды ей выпало наблюдать следующее, весьма любопытное действо: в стеклянный сосуд

с довольно узким горлышком была налита вода на треть его объема. Затем туда же была добавлена весьма плотная прозрачная жидкость, которую старик держал в тщательно закупоренном глиняном кувшине. Вслед за этим Мастер Альбрехт бросил в тот же сосуд несколько гвоздиков, какими крепят подковы, поставил сосуд на стол и, усевшись рядом, принялся со вниманием наблюдать происходящее, не забыв пригласить и Гретхен к тому же занятию.

Сперва, как ей показалось, в сосуде не происходило ничего ровным счетом. Утонувшие гвоздики, скрючившись, лежали на дне, украшенные серебристыми капельками захваченных с поверхности воздушных пузырьков. Вскоре, однако, эти самые пузырьки как будто начали расти – сперва еле заметно, потом все более и более отчетливо. Наконец, один из них, самый крупный, оторвался и, неспешно кружась, поднялся на поверхность. Тут же его примеру последовал другой, за ним – третий. Не прошло и четверти часа, как этих поднимающихся кверху пузырьков повалило так много, как бывает, если кто-то утопит, скажем, в болоте небольшой кувшин.

«Сие – поглощение ртутной сущности металла купоросным маслом, каковое, как известно, бывает жадным и нежадным. Здесь ты видишь масло нежадное, ибо прежде я насытил его водой. Поглощая сущность металла, такое масло дает в обмен легкий воздух, в то время, как жадное купоросное масло возвращает воздух тяжелый, богатый серой, а иногда и серу вовсе, – подтверждая в полной мере сказанное Раймондом Луллием, Арнольдом из Виллановы и прочими древними адептами... – старик говорил, почти не открывая рта, поминутно сбиваясь на бормотание и вынуждая девочку напрягать слух, – Попробуй-ка теперь и ты приложить сюда ладонь».

Он осторожно дотронулся до стеклянной стенки сосуда, Гретхен последовала его примеру, убедившись, что сосуд сам собою нагрелся так, словно бы стоял какое-то время назад на небольшом огне.

«Оставаясь внутри купоросного масла, сера все же делится с нами своим теплом... – Мастер Альбрехт поднялся со своего места, пересек комнату, взял там что-то с одной из полок, после чего вернулся, – Это рыбий пузырь, протравленный квасцами, а также другими субстанциями, придающими ему упругость и вместе с тем прочность. Сейчас я сделаю из него пробку».

Он смял пузырь в гармошку двумя пальцами, затем насадил его на стеклянное горлышко и тщательно примотал шелковой ниткой. Полюбовавшись на результаты своего труда, повернулся к Гретхен и вдруг впервые за последние часы улыбнулся:

«Теперь можешь идти по своим делам, девочка. Едва ли мне понадобится твоя помощь, да и ничего интересного в ближайший час не случится, Господь свидетель. Какое-то время пузырю потребуется, чтобы собрать отдаваемый маслом воздух. Я же попытаюсь поймать его в свои руки так, как охотник ловит куропатку или иную лесную дичь...»

Повинуясь, Гретхен отправилась готовить еду. Когда же час спустя она вновь заглянула в лабораторию, смятый в гармошку рыбий пузырь отчасти расправился. Еще какое-то время спустя – часа через три или четыре – он поднялся над горлышком сосуда наподобие большого гриба или странной шапки.

«Вот видишь: легкий воздух, отдаваемый купоросным маслом, весь без остатка теперь угодил в мою ловушку и вынужден полагаться на мою волю... Смотри же, как я поступлю с ним!»

Сказав это, Мастер Альбрехт осторожно снял пузырь с горлышка стеклянного сосуда, жидкость в котором, кстати сказать, к этому времени из бесцветной стала зеленовато-желтой, и еще более тщательно и осторожно завязал его снизу, многократно обмотав ниткой.

«Смотри же!» – он вдруг выпустил пузырь из рук, и следившая внимательно за действиями старика Гретхен поневоле ахнула: предоставленная самой себе эта странная воздушная колбаса вместо того, чтобы осесть на пол комнаты, вдруг взвилась к потолку и, похоже, к нему прилипла, оставив в руке Мастера Альбрехта лишь конец шелковой нити.

«Он хочет уйти, но я не дам ему сделать это!» – старик потянул за нить пальцами, и колбаса послушно опустилась в его руки. Ослабил нить – и она опять взвилась к потолку.

«Этот воздух подобен лошади: кто сумеет объездить ее, сможет пользоваться ею для своих нужд».

Он поискал взглядом вокруг себя, затем схватил первое, за что зацепился глазами, – легкую деревянную спицу длиной в четверть локтя – и, привязав ее к волшебной колбасе, легким щелчком отправил на противоположный конец комнаты.

«Так можно перемещать и весьма тяжелые вещи, причем в отсутствие проезжих дорог – важно только не упустить отданный купоросным маслом воздух, – в противном случае он взлетит до небес, унеся груз с собою. Впрочем, также важно, чтобы этого воздуха было собрано достаточно, дабы поднять груз нужной тяжести, – ведь нелепо же запрягать жеребенка в карету знатного сеньора, предназначенную для шестерки лошадей, поставленных цугом!»

Сказав это, старик вдруг вынул иголку и, притянув к себе спеленатый рыбьим пузырем волшебный воздух, быстрым уколом предоставил ему свободу. Гретхен слышала, как с легким шипением покинул он свою темницу, после чего пузырь, обессиленный и сморщившийся, плавно осел на пол.

«Этим способом заводят в конюшню воздушную лошадь, – голос Мастера Альбрехта преисполнился насмешливой назидательности, – Впрочем, необходимость спешить в достижении главной цели вынуждает меня оставить до лучших времен эту во всех отношениях интересную и плодотворную деятельность. Я мог бы подарить жителям города переправы без моста и сообщение без курьеров – но я готов оставить эту честь другим, сосредоточившись на главном, ибо здесь заменить меня не в силах никто, – по меньшей мере, с того давнего дня, когда брат Педро Сарагосский покинул нас ради лучшего из миров...»

15

В другой раз, войдя в лабораторию, Гретхен тут же отпрянула в замешательстве: везде стоял мерзкий и сильный запах, какой бывает только в отхожем месте, да и то – в отхожем месте, что называется, не из опрятных! Смущаясь задать вопрос, девочка уж было хотела под каким-нибудь предлогом улизнуть прочь, однако Мастер Альбрехт, словно бы почувствовав это, жестом руки приказал ей подойти ближе:

«Ну, не стой же на пороге, дитя деревенского невежества... что ты там задумалась, а?.. – Он не удержался от смеха, – Да, да, ты не ошиблась, конечно же – этот запах исходит именно та субстанция, о которой ты, должно быть, думаешь сейчас и которая, собственно, обязана его источать... Мы называем ее *уриной*, и ее производит человек так же, как виноград производит вино. И так же, как в вине мы можем почувствовать качество винограда – его добрые и скверные стороны, – человеческая урина содержит доброе и скверное от человека, ибо человек по природе своей имеет в себе доброе и скверное. Моя же цель, конечно же, извлечь доброе – и, право, я в этом уже до некоторой степени преуспел!..»

Сказав это, он подвел Гретхен к своему столу, на котором стоял каплеобразный стеклянный сосуд с длинным, сужающимся к концу носиком.

«Смотри же – здесь, за этим стеклом, то, что я извлек из урины, чередуя фазы Козерога, Рака, Скорпиона и, в конечном счете, Весов».

Он прислонил ладонь к боковой стенке сосуда, и девочка, успевшая перед тем лишь заметить на его дне небольшое количество темной, похожей на масло жидкости, увидела теперь неяркие, бело-голубые светящиеся точки, словно бы плавающие на ее поверхности.

«Видишь этот свет? Сие – несомненный признак философского эликсира, его присутствия в человеческой урине. Что ж – брат Педро указывал и на это в своей книге. Однако он же и предостерегал от увлечения этой дорогой, ибо, идя по ней, достигнешь немногого: не хватит

и урины, взятой от всех жителей этого города за неделю, чтобы добыть весомое количество того, что нам нужно».

Подняв сияющий сосуд и полюбовавшись его содержимым, Мастер Альбрехт отставил его в сторону:

«Что ж: оно и понятно! Урина покидает человека насовсем, и потому не может содержать весомую часть его доброго начала. Что-то ведь должно и остаться, не правда ли?» – и сказав это, он хрипло, по-старчески засмеялся.

16

Или вот еще один опыт Мастера Альбрехта – девочку поначалу даже напугавший немного. А было так: в один из дней подручные мясника, сгибаясь под тяжестью ноши, приволокли в дом три больших бурдюка и, получив от хозяина условленные, как видно, заранее деньги, удалились восвояси, не произнеся ни слова. Бурдюки занесли прямо в лабораторию, выпачкав своими грязными башмаками полы и лестницу. Убрав за бесцеремонными пришельцами, Гретхен поднялась затем к хозяину – и, увидав его, едва не закричала от ужаса: одежда, руки, даже лицо Мастера Альбрехта – все было выпачкано в самой настоящей крови!

«Ну, что же ты испугалась, бедная детка? Это всего лишь кровь – кровь разделанных мясниками туш, предназначенная, как водится, для изготовления кровяной колбасы, однако уступленная мне по сходной цене... – старик поспешил ее успокоить, – Теперь я буду работать с нею, как работал прежде с иными субстанциями: кипрским купоросом, армянской солью, уриной или белой ртутью. Тебе, право, не о чем беспокоиться – в этом нет ничего такого, ровным счетом, что способно было бы снискать осуждения...»

В следующие несколько дней Мастер Альбрехт практически не покидал своего лабораториума, – наспех и молча проглатывая приготовленную Гретхен пищу, он всякий раз спешил возвратиться к прерванным занятиям. Спал же он, как девочке показалось, за сутки не более трех-четырех часов.

Наконец, по прошествии двух недель с момента появления в доме тех кровавых бурдюков Мастер Альбрехт вновь позвал Гретхен в лабораторию. Девочка, само собой, не замедлила явиться, однако, подымаясь по лестнице, все время ощущала определенную робость, некоторый отчетливый трепет, виной которому, по всему, были не слишком приятные воспоминания о предыдущем посещении данного места. Однако на этот раз обошлось, – ступив на порог лабораториума, девочка не заметила внутри ничего пугающего: ужасные бурдюки, опустевшие и смятые, валялись в углу, словно выброшенная за ветхостью одежда. Само собой, не было заметно нигде и следов крови – лишь в воздухе, среди сонмища других запахов, улавливался едва слышимый томительный и сладкий аромат, сродни тому, какой бывает, если готовить на сковороде печенку.

Мастер Альбрехт стоял неподвижно, обеими руками опершись о край своего рабочего стола. Выглядел он при этом изрядно усталым – лицо его осунулось, пропорции тела словно бы удлинились, делая его похожим на мраморную статую святого, одну из тех, что Гретхен видела у входа в кафедральный собор. Казалось, уберет он руки, – и тут же рухнет грудью на стол!

Увидав вошедшую девочку, Мастер Альбрехт повернул к ней голову, затем с видимой силой оттолкнулся от стола и, шагнув к ней навстречу, встал, широко расставив ноги и убрав руки за спину:

«Я велел прийти тебе сюда, дитя простоты, не для того вовсе, чтоб задать какую-либо новую работу, нет... – сквозь маску усталости он попытался улыбнуться, – Сейчас мне не нужна твоя помощь, и я, конечно же, вполне бы мог не беспокоить тебя, предоставив твоим всегдашним занятиям, но...»

Старик вдруг замолчал, вынул из-за спины руки и сложил их перед собой, переплетая замком пальцы:

«Но все-таки я решил позвать тебя, дабы... дабы я смог... вернее, ты смогла... бы убедиться... и поздравить меня с новым сделанным шагом... каковой неопровержимо указывает на то, что я... что я теперь... на волосок всего лишь отдален от цели...»

Конец этой фразы Гретхен разобрала с трудом – казалось, Мастер Альбрехт уже напрочь забыл о том, что его кто-то слушает: глядя на собственные руки, он тихо бормотал себе под нос отрывочные слова, достигавшие теперь ушей девочки словно бы частицами каких-то загадочных молитв или заклинаний:

«...непрестанно подчеркивая... избыточность свойств квасцов... имел в виду, конечно же, не те квасцы, что полезны дубильщикам кож... поскольку ложный след, хоть и весьма удобен для запутывания жалких суфлеров... однако же не в силах сбить с дороги настоящего адепта, знакомого с истинными свойствами этих субстанций... что ж: подобное прочитывается и между строк, достойное повторения в великой фазе Овна... к тому же, заменив божескую соль на поташ...»

Старик вдруг остановился, вновь взглянул на Гретхен, затем, поманив ее взмахом ладони, шагнул вглубь лабораториума.

«Гляди же сюда!..» – Он снял с полок два плоскодонных стеклянных сосуда, один пустой, другой с прозрачной желтоватой жидкостью, перенес их на стол, после чего положил рядом с ними квадратную медную пластину, на которую горкой был насыпан какой-то порошок.

«Здесь то самое купоросное масло, – Мастер Альбрехт указал на сосуд с жидкостью, – что на твоих глазах, отдавая попутно легкий воздух, поглотило, как ты помнишь, железные гвозди. Я лишь умиротворил его поташом, и только».

Гретхен принялась послушно вглядываться, однако ничего любопытного ни в самом сосуде, ни в наполнявшей его жидкости не обнаружила.

«А здесь, – старик бережно взял в руки медную пластину, – по сути – весь результат моей двухнедельной работы!»

Он вернул пластину на стол.

«Воистину, чудесная субстанция, полученная мною из сгущенной животной крови, тщательно высушенной, после чего прогретой до третьей степени огня совместно с долей поташа и мелкими железными стружками. Взяв то, что получилось после этого, я был вынужден пройти с данной субстанцией путь Козерога, растворяя горячей водой то, что способно в ней раствориться. Сгущая потом вторично раствор, я и получил вот это... смотри!»

Мастер Альбрехт взял пустой сосуд, зачерпнул им воды и, убедившись в ее чистоте, добавил щепотку порошка с медной пластины. Гретхен увидела, как частички порошка медленно оседают на дно, попутно растворяясь и окрашивая воду вокруг себя в желто-лимонный цвет. Вскоре вся вода во втором сосуде стала такой – желто-лимонной. Мастер Альбрехт довольно кивнул, после чего взял этот сосуд в руку и осторожно отлил из него чуть-чуть жидкости в другой. Тотчас же в этом втором сосуде жидкость окрасилась в густую лазурь – Мастер Альбрехт поднял его и посмотрел через его толщу на свет.

«Вот он – естественный синий... омраченная лишь малой долей примесей божественная сущность синего... я вынесу его на солнечный свет, и ты увидишь, сколь прекрасен он и многообещающ!..»

Старик, казалось, вновь забыл про свою слушательницу, однако теперь он произносил слова громким и энергичным голосом, словно бы вся прежняя двухнедельная усталость исчезла вдруг без следа:

«Что ж – этот результат сам по себе, конечно же, не есть еще ответ на вопрос вопросов... пусть так... пусть так, и всякий, умеющий видеть и понимать, согласится со мной в этом... да... но согласится также и в том, что отделяет теперь нас от цели лишь сущая ерунда, прене-

брежимая малость дней – ты слышишь? – сушая безделица, капля времени в сравнении с океаном, оставшимся за моею спиной. Путь ясен, дорога освещена – и сбиться с нее невозможно! И я пройду ее до конца, если только будет на то воля Господа, – пройду, и не далее, как через месяц или, в худшем случае, два, без сомненья, найду то, что искал!»

Лицо Мастера Альбрехта словно бы светилось теперь изнутри – Гретхен слушала его заворуженно и радостно: ей бы и в голову не пришло хотя бы на волос усомниться в произнесенном с подобной убежденностью...

17

В тот же вечер, закончив домашние дела и оказавшись вновь в своей мансардной каморке, Гретхен рассказала о виденном Тимофею, надеясь, что кот, в силу свойственного ему житейского благоразумия, поможет расставить все по своим местам.

Он и в самом деле выслушал ее довольно внимательно, после чего, соскочив на пол и презрительно усевшись спиной к девочке, изрек коротко и едва ли не равнодушно:

«Скучная вещь!»

«Что ты имеешь в виду, Тимофей?» – Гретхен его не поняла.

«Скучная вещь, говорю. Всегдашняя скучная вещь. Когда кто-либо, обладая массой сведений, все же не понимает того, что делает».

«О ком ты, кот? Уж не о хозяине ли нашем? Это он, по-твоему, не понимает того, что делает? – девочка готова была рассердиться: так не вязалось нынешнее котовье высокомерное равнодушие с давешней уверенностью Мастера Альбрехта, – Это он, посвятивший годы изучению мудрых книг и другие годы тщательным опытам... он, по-твоему, не знает, что...»

«Да! – кот неучтиво прервал ее на полуслове, – Да, именно он, он самый. Именно его я имею в виду, ты правильно догадалась, хотя и не слишком догадлива от природы».

«Но почему же...»

«Потому, потому. Потому, что он – на охоте, однако сам не понимает этого».

Гретхен совсем запуталась:

«На какой охоте? Объясни же мне, наконец!...»

«На обычной охоте, какая только и бывает на свете».

Тимофей зевнул, затем обернулся, взглянул на обескураженную Гретхен и сжалился над ней:

«Ну, хорошо, хорошо – коли уж ты ничего в охоте не смыслишь, я растолкую тебе поподробнее...»

Он лег на правый бок и еще раз зевнул:

«Видишь ли, охота может быть разной. Одни охотятся на мышей, другие, скажем, – на кроликов. Кто-то даже охотится на котов – и мы приложим все наши силы, разумеется, чтобы ни разу не встретиться с таким охотником на узкой дорожке... Так вот, что касается твоего Мастера Альбрехта, то он, в свою очередь, охотится на краску, думая сменять ее потом на мышей... то есть, на серебро, на серебро, конечно же, – я оговорился, прости, прости...»

Гретхен усмехнулась, подивившись бойкости котовых сравнений, однако ей по-прежнему хотелось защитить своего хозяина от этого презрительного ворчания:

«Хоть бы и так, Тимофей... хоть бы и охота на краску... но что же, по-твоему, ему невдомек?»

«Как что? – кот лениво потянулся, выпростав передние лапы и растопырив когти, – Многое. Хотя бы и то, например, что удача на охоте *никогда* не приходит в рассчитанный заранее момент. Понятно это тебе, а?»

Девочка лишь промолчала в ответ.

«По правде сказать, я не ведаю, почему так происходит, но это, клянусь вселенскими запасами сыра и ветчины впридачу, – *железное правило охоты*, хоть ты тресни! Мой отец, мой дед, вся наша родня и вообще все наше кошачье общество готово было бы тебе подтвердить мою правоту...»

Сказав это, Тимофей на мгновение задумался о чем-то, однако тут же продолжил:

«Пожалуй, стоит пояснить мои слова примером – и сделать это мне будет легче легкого. Смотри же: дней десять назад, обходя дом, я почуял запах, знакомый мне с детства – с тех благословенных дней, когда я еще котенком играл на вашем дворе. Это был один из тех запахов, что сопровождают изготовление кровяной колбасы. Причем как раз тот из них, который возникает всякий раз в последний момент, – когда колбаса практически готова и довольная своей работой хозяйка весьма расположена одарить ее результатами тех, кто случится рядом. Стало быть, чувствую я этот запах – и запах, как пить дать, доносится со второго этажа, из этого вашего лабораториума. Подбегаю. Дверь приоткрыта – вхожу вовнутрь. Осматриваюсь: никого. Повел носом – запах кровяной колбасы источает какой-то горшок странной формы. Заглянул я в него с надеждой – а никакой колбасы там нет и в помине. Вместо нее – какая-то гуща слегка подогретая, я даже лизнул ее опрометчиво – и тут же молнией вылетел прочь: ничего более горького отродясь не попадало в мой рот! Вот тебе и колбаса, что называется, а кто бы мог подумать, скажи пожалуйста? А ведь годов мне уже немало, и знал я до этого твердо, что *кровяной колбасой пахнет только кровяная колбаса!*...»

Тимофей перевернулся на другой бок и печально вздохнул. Гретхен не стала его больше ни о чем спрашивать.

18

В один из дней ранней весны, когда распаханная земля, лишенные листвы деревья и раскисшая от дождей дорога являют собой, по сути, единое неприглядное зрелище, к городским воротам, как обычно, – раскрытым настежь и охраняемым уже знакомым нам бородатым стражником, подъехал одинокий путник довольно странного вида. Это был невысокий худой мужчина, по лицу которого, сколь ни старайся, никак нельзя было определить возраст. Видно было только, что мужчина этот отнюдь не молод, хотя и не так чтобы очень уж стар. Возможно, виной тому были сами черты его лица – резкие и контрастные, выдававшие жителя не из наших краев. Одет он был также довольно неопределенно – в какую-то невзрачную, под стать окружающему пейзажу, вытертую и покрытую многочисленными заплатками накидку, столь же новые штаны и стоптанные башмаки из самой грубой кожи. Весь багаж чужестранца состоял из полупустой холщовой сумки, перекинутой за спину, и привязанного к поясу небольшого кожаного мешочка, в котором, судя по всему, странник хранил свои деньги. Ехал он на осле, которого всякий из сострадания пожелал бы отправить на скотобойню, таким измученным казалось это грязное, тощее и привычное к тумакам животное.

Тем не менее, этот жалкий осел, как видно, проделал под своим хозяином длинный и долгий путь. Подгоняемый немилосердными пинками, он появился из-за ближайшего холма и предельно медленным шагом направился ко въезду на подъемный мост – томящийся от безделья стражник сперва следил за ним внимательно, затем, разочаровавшись, как видно, в подобном развлечении, принялся выколачивать песок из башмаков задумчиво и неторопливо. И лишь когда убогое животное, неся своего столь же убогого седока, оказалось внутри въездной арки, стражник лениво преградил ему путь алебардой.

«А ну-ка, – лицо его тотчас же приняло вид насмешливый и высокомерный, – Останови-ка свой путь покудова...»

Путник повиновался: он спешился и, встав спиной к своему животному, с почтением поклонился алебардщику.

«Здоров будь, охраняющий ворота города! Да благословит Господь твой важный и нелегкий труд!»

«Здравствуй и ты... как бишь тебя там... зачем пожаловал? – стражнику, что ни говори, польстило столь уважительное обращение, однако виду он не подал, – Куда направляешься и чего ищешь?»

Путник поклонился вновь:

«Мое имя – Пьетро Нума, я странствующий игрок в шахматы, а также рассказчик историй необычайных и вместе с тем абсолютно правдивых. Еду в ваш город, дабы показать мое искусство его самым почтенным жителям, а также благородному графу, который, как мне говорили, сейчас пребывает внутри этих стен...»

Сказав это, путник отвесил стражнику третий поклон, еще более церемонный, чем два предшествовавших. Однако тот в ответ лишь сменил свое высокомерно-насмешливое выражение лица на столь же высокомерно-презрительное:

«Чем же зарабатываешь ты себе на хлеб, бродяга?»

«Этим и зарабатываю, благородный воин. С тех самых пор, как я покинул свою родную Лукку, что в благословенной Тоскане, богатые и знатные сеньоры никогда не отказывали мне в вознаграждении за мое искусство! Случалось мне даже пить самые изысканные вина и есть самую лучшую пищу от их трапез – так благодарны были...»

Стражник поморщился – жалкий вид путника заставил его усомниться в том, что говорил последний:

«Довольно, довольно, несчастный. Я вижу, ты готов рассказывать мне свои враки до захода солнца. Да только уши мои – не бездонный колодец: знай же, что в город я тебя пропустить никак не могу!»

Он замолчал, самодовольно выжидая, когда его слова произведут впечатление на собеседника. Больше всего на свете он любил наслаждаться властью.

«Но почему же? – путник казался обескураженным, он отступил на шаг и облокотился на спину своего осла, – Или ты не веришь сказанному мной?»

Стражник в ответ лишь пожал плечами:

«Бог тебя знает – говоришь ли ты правду или лжешь. Да только делать тебе у нас нечего – это всякому ясно. Граф действительно в городе – но что тебе до этого: такого оборванца, как ты, и близко к нему не подпустят. Да и другие богатые господа не имеют у нас обычая играть в шахматы с побирушками. Так что – разворачивай-ка своего осла и езжай назад с Богом: авось кто и сподобится из милости накормить тебя ужином!»

В подтверждение своих слов стражник даже слегка потряс алебардой – однако этого, судя по всему, уже и не требовалось: не имея намерения спорить, путник вновь взгромоздился на своего осла, двумя пинками развернул его и тронулся прочь тем же путем, каким приехал. Перебравшись через подъемный мост, Пьетро Нума запрокинул голову, вдохнул побольше воздуха и запел. Пел он очень громко и очень фальшиво – какую-то веселую и грубую песню на чужом, итальянском, наверное, языке. Долго еще до ушей стражника докатывались эти странные звуки, заставляя, помимо воли, вглядываться в удаляющуюся жалкую фигуру, – но вот, наконец, звуки стихли, тогда как осел со своим седоком скрылся за тем же самым холмом, из-за которого не так давно появился. Стражник достал из своей сумки кусок хлеба с салом и принялся его уплетать, громко чавкая и поминутно вытирая губы рукавом рубахи. Про незадачливого игрока в шахматы из тосканского города Лукки бородатый алебардщик забыл даже раньше, чем последний кусок сала проскользнул в его ненасытный желудок...

Он был бы очень удивлен, этот безжалостный и самовлюбленный стражник, если бы смог увидеть то, что скрыл от его глаз невысокий холм, за который сворачивала ведущая в город дорога. О, он бы удивился так, как никогда не удосуживался удивляться в своей однообраз-

ной жизни, – он выронил бы алебарду от удивления и даже, наверное, не смог бы сам устоять на ногах! Но увы: судьба хранила его от этого сильного чувства, заслонив неказистым, лишенным растительности холмом поистине чудесное во всех отношениях зрелище!..

Происходило же там вот что. Едва лишь Пьетро Нума убедился, что со стороны городских ворот его не видать, как тут же немилосердным пинком остановил своего покорного ослика. После чего он спешился и, сняв со спины сумку, достал из нее восемь камушков самого обыкновенного толка, какие всегда в изобилии валяются в придорожной грязи. Ровно половина этих камушков была размером с гусиное яйцо, тогда как оставшиеся четыре оказались поменьше несколько – где-то с яйцо куриное. Вынув из сумки, Пьетро Нума аккуратно расставил их парами – один большой с одним маленьким – вдоль дороги позади ослика. Затем тосканец вновь подошел к своему животному, взял его под уздцы и, слегка присев так, чтобы длинные уши осла оказались на уровне губ человека, принялся бормотать что-то. Казалось – ослик внимательно слушает своего хозяина и даже понимает что-то из сказанного: во всяком случае, все то время, что Пьетро Нума шептал ему на ухо, он стоял, не шелохнувшись, и лишь когда тот закончил, в первый раз позволил себе переступить с ноги на ногу.

Впрочем, тосканец оставил животное в покое совсем ненадолго. Развязав прикрепленный к поясу мешочек, он достал оттуда золотой дукат, ловко, двумя пальцами подкинул его кверху и тут же поймал вновь. Затем Пьетро Нума сделал уж и вовсе странную вещь – положил этот дукат ослу в ухо. Тот инстинктивно мотнул головой, попытавшись освободиться от чужеродной ноши, однако человек не позволил ему этого, крепко обхватив руками морду животного и не переставая при этом бубнить какие-то странные слова на странном своем языке.

Осел дернулся раз, другой – и вдруг замер, как изваяние. Казалось, он даже перестал дышать – и только из уголков его всегда печальных глаз в одночасье скатились одна за одной две крупные слезинки. Пьетро Нума осторожно отнял руки от его головы и медленно, едва ли не крадучись, отошел на несколько шагов прочь.

И тут случилось уж и вовсе невероятное. В какое-то мгновение – быстрее, чем человеческие веки могли бы сомкнуться и разомкнуться вновь, – жалкий осел исчез куда-то, словно бы и не было его вовсе. Взамен на том же самом месте вдруг возник конь – да не просто конь, а вороной красавец под роскошным седлом, пританцовывающий и пофыркивающий нетерпеливо. Там же, где только что покоились в дорожной пыли уложенные таинственным тосканцем камушки, теперь стояли друг за другом в ряд четыре огромных верблюда, навьюченных обитыми медью походными сундуками и сопровождаемых четырьмя дюжими молодцами-погонщиками. И те, и другие убраны были чудно и богато – и даже длинный путь, который, без сомнения, пришлось проделать им от мест своей родины, не испачкал и не повредил их убранства.

И лишь сам Пьетро Нума остался таким, как был прежде, – но вот и он, окинув довольным взглядом свой маленький караван, вновь принялся нашептывать что-то губами. При этом тосканец не стоял неподвижно – вытянув руки и растопырив пальцы, он принялся кружиться медленно, как если бы вообразил себя стрелками башенных часов на здании ратуши. Один оборот, второй, все быстрее и быстрее – и вот уже не различить, где что: лишь мелькающие в воздухе полы накидки да отрывистые громкие выкрики, похожие на завывания ветра.

И вдруг эта бешеная пляска прекратилась на раз – однако никакого Пьетро Нумы теперь не было и в помине: вместо него рядом с роскошным конем стоял столь же роскошный купец из стран далекого Леванта – в богатом дорожном плаще и высоких сапогах с посеребренными шпорами. Лицом этот купец ничуть не походил на несчастного Пьетро Нуму – да и кому бы могла прийти в голову подобная блажь: спутать с робким полунищим странником такого представительного и уверенного в себе мужчину средних лет, обладавшего окладистой черной бородою, тонким с горбинкой носом и густыми бровями, почти сходящимися между глаз!

А через полчаса маленький караван уже входил в город размеренным величавым шагом, как и подобает богатым гостям из далеких краев. Сидящий у ворот стражник с алебардой не посмел задержать их надолго – он лишь спросил заискивающим голосом, каково будет имя хозяина каравана и с какой целью тот прибыл.

«Гурагон», – не слезая с коня ответил купец на его первый вопрос. Ответом же на второй послужил золотой дукат, невзначай упавший в руку стражнику и принятый им с поклоном. Уже потом, когда звуки шаркающих верблюжьих шагов затихли в лабиринте городских улиц, стражник попробовал монету на зубок. После чего, будучи крайне довольным, сунул её в карман. Что ни говори – а день для него сегодня выдался удачным: почувствовав даже некоторое утомление от своих немалых трудов, стражник присел на деревянную колоду, облокотившись спиной на каменную кладку стены и отставив алебарду в сторону. Каким-то непостижимо странным, незаметным для него самого образом, сон вдруг взял над ним власть – веки его сомкнулись, губы слегка разошлись, и из-за них потянулся в такт дыханию едва слышный глуховатый присвист. Стражник позорно спал на своем посту – спал и не видел, как из его кармана, куда только что нырнул гурагонов дукат, вдруг выползла большая зеленая ящерица с толстым хвостом и маленькой головкой. Выползла, замерла на миг, устроившись на колене спящего, затем повела хвостом из стороны в сторону и тут же соскочила на землю прочь. Только ее и видели...

Надо ли объяснять, что маленькой золотой монетки в кармане стражника к этому моменту уже не было...

Глава четвертая, в которой Тимофей имеет успех, вмешиваясь не в свое дело, а мы, наконец, узнаем, зачем Гурагон пожаловал в город

19

Не прошло и недели, как о появлении Гурагона узнал весь город. Говорили, как всегда в таких случаях, разное, но в целом сходились на том, что ничего из ряда вон выдающегося не случилось. Видывали уже и не таких – нечасто, но видывали. Приезжали купцы из восточных стран и их, если только те сказывались христианами, пускали в город, разрешая оставаться в нем, пока не закончат дела. Продавать же свой товар они могли лишь членам купеческой гильдии, и кроме них никому. А стало быть, прибытие подобных гостей было городским торговым людям более чем на руку, ибо сулило дополнительный барыш. И потому приезд Гурагона не остался без внимания старейшин городской гильдии – их лишь немного смущала малочисленность прибывших: что ни говори, а четыре верблюда и четыре прислужника – слишком уж немного для столь важного и богатого купца! Впрочем, подозрительность старейшин развеял сам Гурагон, сообщив, что прибыл в город лишь с малой частью своего товара, опередив основной караван. И сделал это он потому только, что чаял-де засвидетельствовать свое почтение благородному графу – ибо наслышан был о том, что граф в это время живет в своих городских владениях. Ответ этот в полной мере удовлетворил купеческих старейшин – они приняли от него дары учтивости, после чего позволили Гурагону и его людям расположиться недалеко от рынка, в специально предусмотренном для таких случаев амбаре.

Обустроившись на новом месте, Гурагон, однако, не поспешил открыть любопытствующим взорам горожан привезенные издалека товары. Несколько дней он расхаживал по городским улицам, заводил разговоры с людьми на рынке и на Ратушной площади – словом, вел себя так, как ведет себя человек, которому некуда торопиться. На четвертый день утром один из молодых погонщиков верблюдов появился у входа в графский дворец. Поклонившись привратнику, он сообщил, что его хозяин, продавец пряностей и драгоценных камней, находясь в разных землях и владениях, от многих людей слышал о благородстве и великом уме графа, и по этой причине, прибыв в город, тотчас же покорно просит позволить ему засвидетельствовать графу свое почтение. Привратник окинул погонщика медленным оценивающим взглядом, после чего, не произнеся ни слова, захлопнул дверь прямо перед его носом. Погонщик, однако, остался на месте – и ожидание его вознаградилось: не прошло и часа, как дверь приоткрылась вновь и тот же привратник поманил юношу пальцем.

«Эй, ты... как тебя там... подойди-ка сюда!..»

Погонщик послушно приблизился.

«Запомни хорошенько и передай своему хозяину: наш господин соблаговолит принять его завтра, за час до полудня – если только не возникнет других, более важных дел и если будет у него с утра подходящее настроение».

Сказав это, привратник тут же захлопнул дверь вторично, не поинтересовавшись даже, разобрал ли его слова тот, кому они были адресованы.

На следующее утро, часа за два до полудня, Гурагон появился на площади перед графским дворцом. Он был верхом – на своем великолепном скакуне. Следом двое молодых погонщиков вели верблюда, к спине которого было приторочено что-то громоздкое и длинное.

Маленькая процессия остановилась возле дворцовых ворот, после чего один из погонщиков забежал вперед и несколько раз ударил об их створку специальным чугунным молоточком, прикрепленным к замковой дужке.

Ждать не пришлось. Почти сразу же ворота вздрогнули и, чуть скрипнув, раздались, образовав проем, вполне достаточный для проезда всадника. Гурагон, нагнув голову, двинулся вперед, погонщики с верблюдом поспешили следом, и вскоре процессия оказалась во внутреннем дворе, окруженном со всех четырех сторон краснокирпичными стенами с частыми узкими пилястрами, стрельчатыми окнами и нависающей на уровне второго этажа деревянной галереей. Здесь Гурагон спешил. Тотчас же вслед за этим верблюд, повинаясь знаку, поданному одним из погонщиков, церемонно опустился на землю, подогнув сперва передние, а затем задние ноги.

Несколько позже слуги графа принесли воды в узком деревянном корыте – напоив животных, погонщики уселись на корточки лицом друг к другу и принялись играть в кости. Чуть в стороне от них Гурагон опустился на заботливо расстеленный младшим из юношей войлочный коврик, вытянул ноги и, подперев свое тело локтями, полуприкрыл глаза. Теперь можно было и отдохнуть немного, а кроме того – собраться с мыслями: он знал, что высокое положение графа не позволит тому принять менее знатных гостей в точно назначенный час. Тем более – прежде условленного времени. Следовало запастись терпением – но терпением Гурагон на этот раз располагал в полной мере...

Граф принял заморских гостей в два часа пополудни. Следуя за сутулым немолодым дворецким, Гурагон перешел в довольно просторный прямоугольный зал, длинные стены которого были украшены красочными гербами на деревянных щитах и портретами предков графа, с молитвенной кротостью обращающихся к святым покровителям. Солнечный свет падал из узкого двойного окна, прорезанного почти под самым потолком в стене, противоположной входу, однако этого света все равно не хватало, и в зале даже днем горели масляные светильники. Граф восседал на старинном резном кресле с ручками в виде львиных лап и высокой спинкой, также украшенной гербами. Слуги и приближенные располагались тут же полукругом, по правую и левую руку от своего господина – некоторые из них сидели на коротких невысоких скамьях, другие же просто стояли позади.

Приблизившись, Гурагон стянул со своей головы подбитую лисьим мехом шляпу, после чего отвесил графу исключительно глубокий и медленный поклон:

«Покорнейше прошу великодушного позволения приветствовать благородного графа!»

Граф милостиво кивнул в ответ, и Гурагон продолжил:

«В далеких краях прослышал я о необычайной мудрости и неисчерпаемом благородстве графа! О справедливости его суда и безграничности его веры! О заботливом покровительстве, оказываемом им людям ученым и знающим, – покровительстве, превзошедшем всякое доселе виданное, подобное тому, что оказывали лишь величайшие властители прошлого: такие, как Фридрих Великий, вернувший священный Иерусалим под власть Креста, или завоевавший полмира Александр, король Македонский, что благоволил Аристотелю и другим мудрецам земли греческой!»

Гурагон замолчал, граф благожелательно кивнул вновь, затем обвел взглядом своих молчаливых приближенных, словно бы ища у них поддержки:

«Приветствую и тебя, чужестранец! Слова твои приятны для слуха, хотя и преувеличивают, видит Бог, мои скромные достоинства. Я всего только рыцарь моего императора – и не имею иных намерений, помимо того, чтобы не уронить славу моего заслуженного рода. Что же до почтения к наукам – то это, Бог свидетель, удел монахов и горожан. Мне же роднее меч, нежели книга!»

Слабый смешок мимолетной тенью окутал людей графа.

«Однако скажи-ка нам, чужестранец, кто ты таков и зачем пожаловал в края наши? Ведь не ради того лишь, чтобы засвидетельствовать мне свое почтение, отправился ты в столь долгий и опасный путь?»

В ответ на это Гурагон отвесил новый поклон – еще более ловкий и подобострастный:

«О, благородный граф! Я всего лишь торговец пряностями, драгоценными камнями и другими вещами, услаждающими тех, кто достоин услаждаться. Имя мое – Гурагон. Я везу свой товар от границ христианских земель, где его нам продают иноверцы...»

«Хорош ли товар твой? – перебил Гурагона кто-то из сидящих справа от графа, – Не таков ли он, как тот, что привозят сюда иной раз венецианцы, пользуясь нашей удаленностью от морского берега?»

«О, нет! – глаза Гурагона засверкали, – Товар мой самого лучшего качества – и вы сейчас легко убедитесь в этом!»

Он щелкнул своими длинными костлявыми пальцами, и тут же молодые погонщики, до того стоявшие безмолвно у входа в зал, вынесли вперед тот самый продолговатый предмет, что прежде был водружен на верблюжью спину. Приблизившись к графу, они развернули свою ношу почти у самых его ног – и сразу же кто-то из приближенных графа вскрикнул невольно от завладевшего им восхищения: до того прекрасен оказался испещренный прихотливым орнаментом ковер!

«Да, это чудесная вещь, ты не лжешь! – чуть погода разорвал всеобщее молчание граф, – Мне доводилось видывать достаточно ковров, и этот, пожалуй, выполнен много искуснее тех, что делают в мастерских Фландрии. При этом он же, несомненно, роскошнее и богаче ковров французских!»

Легким поклоном Гурагон выразил свое согласие с услышанным:

«О да, это редкостный персидский ковер – многие хотели бы купить его у меня, однако я неизменно отказывал каждому, помня о том, кому вознамерился передать эту прекрасную вещь в дар!»

«Благодарю, благодарю тебя, Гурагон! – лицо графа прямо светилось удовольствием, ибо он имел слабость к красивым вещам, – Что ж – и я тоже не хочу прослыть принимающим безответные дары. Отныне твой товар освобождается от платы за провоз по длинной улице Святого Томаса, идущей напрямик от городских ворот к рынку. Эта плата издавна предназначалась для моей казны, что бы ни говорили тебе бездельники из городского совета: им почему-то кажется, что еще мой дед отказался от нее в их пользу... Впрочем, настанет день... – голос графа исполнился запальчивости, он словно бы забыл про Гурагона и его ковер, как всегда бывает, если затронуть в разговоре действительно болезненную тему, – ...настанет день, когда я предъявлю этим людям огромный, огромный счет!»

Он, впрочем, тут же почувствовал, что увлекся:

«Ладно же, Бог с ними!.. Однако скажи мне, чужеземец, что за дело тебе до покровительства ученым людям? Я видел немало купцов – многие из них просили у меня покровительства, но все они пеклись лишь о своем ремесле и только. Ты первый в моей жизни из людей подобного сорта, кто сподобился заговорить про иное...»

Гурагон в который раз поклонился:

«О, господин! Проницательность твоя не уступает твоему благородству! Ты многократно прав: помимо ремесла купца, мне посчастливилось владеть еще одним, способным дать прокорм человеку. С ранних лет, переезжая из страны в страну, я находил везде людей, сведущих в искусстве врачевания телесных недугов. Найдя же таковых, я оставался при них столь долго, сколько требовалось для постижения их искусства, пренебрегая порой необходимостью дел торговли и неся убытки. Долгие годы учился я у знаменитых врачей Салерно, не меньше лет провел я и в Каире. И лишь богатство моего отца, да покоится он в мире среди усопших, позволяло мне столь долго не вспоминать про торговлю!»

«Что ж – ты в самом деле удивительный человек: в этом городе имеется пара врачей, но оба они держатся за свое ремесло, как утопающие за соломинку. Едва ли они способны к чему другому – да, впрочем, и врачевание их тоже не вызывает у меня особого доверия: стоит одному из них сказать что-нибудь, как другой обязательно скажет обратное!..»

С этими словами граф засмеялся, одновременно махнув рукой слугам. Те проворно выбежали вперед и с муравьиной суетливостью принялись скатывать подаренный Гурагоном ковер, давая тем самым понять, что аудиенция окончена.

Вернувшись домой и оставшись наедине с собой, Гурагон какое-то время молча сидел в сосредоточении. Затем достал из походного сундука средних размеров серебряное блюдо с золотой инкрустацией. Протер блюдо полою одежды и отложил в сторону. Вновь сунул руку в тот же сундук, пошарил там, не глядя, и извлек, наконец, на свет божий обыкновенный каштан – коричневый и гладкий. Зажал его меж ладоней и, продержав там какое-то время, словно бы согревая, осторожно опустил в отложенное блюдо:

«Ну, Печальный Дух Одиночества, поглядим, как ты послужишь мне сегодня...»

Двумя руками он взял блюдо за края и, вглядываясь в собственное отражение на его доньшке, принялся катать каштан по кругу:

«Появляйся, заклинаю тебя Всемогущими Силами Зла... появляйся немедленно, Ленивый Дух... появляйся скорее, ибо вызываю тебя я, хозяин твой и повелитель!.. слышишь ты меня или нет?..»

Губы Гурагона пересохли, словно в бреду, на висках же и на лбу выступили капельки пота – видно было, что произносимые слова даются ему с необычайным трудом:

«Заклинаю, заклинаю тебя... появиись и встань передо мной... появиись и встань... послушный и быстрый...»

Он все гонял и гонял свой каштан по серебряной дорожке, раскачиваясь всем телом и не переставая пристально вглядываться в блестящий круг. От напряжения глаза его начали уже слезиться, однако Гурагон не ослаблял внимания даже на самую малую долю:

«Приди же... приди же сюда, Строптивый Дух Одиночества!.. явись ко мне, ибо иначе я преумножу стократно твои мучения в холодном мире призраков!..»

Но вот, наконец, что-то изменилось, как видно, в серебряном зеркале – Гурагон слегка отпрянул и, прекратив раскачиваться, впопыхах забормотал:

«О-оо, Печальный Дух... о, каков ты, долгожданный!.. о, несравненный слуга и раб – всегдашний исполнитель желаний и разрешитель неизвестности!.. о, покорный во всем, – встань же и слушай меня!»

Гурагон перевел дыхание. Казалось, он тащит на своих плечах тяжелый куль либо поднимается по длинной-предлинной лестнице с крутыми ступенями – так напряжены были все его мышцы:

«Стой же и слушай, – он вновь вперился взглядом в свое блюдо, – Покинь свою холодную темницу сейчас же – и обрети себя в этом несчастном городе: просочись бесплотным дуновением во все дома и хижины, во все дворцы и тюрьмы, амбары и хлева... Найди же того, кто делает то, что я ищу, и, найдя его, узнай, успел ли закончить он свою работу... найди же его, не откладывая, но не спугни... останься невидим и неосязаем... ты слышишь меня, о Покорный Дух?..»

Гурагон вновь отпрянул назад – теперь глаза его были закрыты, хотя губы все еще продолжали нашептывать какие-то неведомые слова. Так прошло с четверть часа, не меньше, но вот, наконец, веки колдуна раздвинулись, он опять вонзил свой взгляд в серебряное донце и, однако, тут же отвел его прочь:

«Ты видел его?.. Да... ты видел его! О, несравненный слуга, превосходящий самых верных слуг! Ты видел его!»

Гурагон засмеялся от радости:

«Ты видел! Ты видел его! О, я благодарен тебе, Печальный Дух!.. – Гурагон едва не захлебывался собственным смехом, – Где же он? Сумел ли закончить уже свое дело?»

Колдун было склонился над вещим своим блюдом, однако тут же выпрямил спину и закинул назад голову, словно бы получив удар:

«Не закончил... ай-да!.. не закончил еще... надо ждать... – ненужное теперь блюдо со стуком упало на пол, – Что ж... пусть так... подожду... – руки колдуна тряслись, – Подожду, он от меня не уйдет!.. подожду... ждать осталось немного...»

Последние слова вырывались из уст пополам с хрипом – повалившись навзничь, Гурагон изогнулся несколько раз в конвульсиях, ломая руки, словно одержимый припадками, но вскоре тело его распрямилось, веки сомкнулись, дыхание успокоилось. И уже мгновение спустя колдун спал на полу обычным сном мертвецки уставшего человека...

20

А между тем в доме Мастера Альбрехта все шло обычным своим чередом. Пришла настоящая весна, и немногочисленные городские деревья покрылись трогательным кружевом молодой листвы. Впрочем, сам хозяин дома возможно и не заметил, что время года сменилось, – большую часть дня он, как и прежде, проводил в своем лабораториуме, выходя оттуда на свет божий лишь к позднему обеду. Судя по всему, дело у него продвигалось, – заходя время от времени в лабораториум, Гретхен всякий раз находила его в хорошем настроении и преисполненным энергией. Ей даже подумалось, что пробуждающее действие весны тоже внесло здесь свою тихую лепту.

К началу мая, однако, это его лучезарное настроение все же несколько подпортилось:

«Неблагоприятная расстановка звезд повергает мои труды во власть Сириуса... препятствуя поискам и затрудняя путь...» – временами жаловался он девочке, продолжая, несмотря на это, свои опыты с прежним, если даже не с удвоенным рвением. Выросшая в деревне, среди тяжелого крестьянского труда, Гретхен, тем не менее, и вообразить не могла прежде, что бывают такие невозмутимые и упорные люди!

В один подобный день, не предвещавший, казалось, никаких неожиданностей, Мастер Альбрехт вышел утром к завтраку, съел, не проронив ни слова, то, что подала на стол Гретхен, затем поднялся и, пребывая по-прежнему в молчаливой задумчивости, ушел к своим тиглям и пеликанам. Когда час или два спустя Гретхен заглянула в лабораториум, старик был полностью погружен в работу. Длинными щипцами достал он из внутренностей атанора какой-то сосуд с кипящей тяжелой жидкостью, затем перелил ее в другой, на дне которого покоилась пригоршня синих прозрачных кристаллов. Встретившись, обе субстанции отчаянно возмутились друг дружкой – старик едва успел отдернуть голову, дабы уберечь глаза от полетевших во все стороны раскаленных брызг.

«Не надо ли чем помочь, Мастер Альбрехт?» – поинтересовалась Гретхен, как обычно, однако тот лишь в ответ, не глядя, мотнул головой из стороны в сторону. Видно было, что говорить ему теперь некогда.

Зная, что хозяин ее не прогонит, девочка присела в углу на маленькую скамеечку – ей хотелось посмотреть, что будет дальше. Однако просидела она так совсем недолго – уже четверть часа спустя Гретхен послышалось вдруг, что кто-то стучит внизу у входа. Вспомнив, что в это как раз время должен был прийти трубочист, она рванула туда впопыхах – забыв, вопреки всегдашним просьбам Мастера Альбрехта, тщательно прикрыть за собой дверь в лабораториум. Эта во всех отношениях случайная оплошность, похоже, и привела к тому, что... но, впрочем, обо всем по порядку!

...Разговор с трубочистом затянулся дольше, чем Гретхен предполагала: сперва никак не могли выбрать день, в который он явится со своими помощниками и инструментами освидетельствовать давно не чищенный дымоход, затем довольно долго ряздились о цене этой работы. В общем, когда за трубочистом, наконец, захлопнулась дверь, девочка вздохнула с явным облегчением: теперь можно было вернуться в лабораторию, продолжить наблюдения за таинствами Мастера Альбрехта...

Она поднялась на второй этаж и уже потянулась было к дверной ручке (укорив себя попутно за оставленную щель), как вдруг эта дверь распахнулась сама собой и на пороге лаборатории появилась фигура его хозяина. Не ожидавшая этого Гретхен поневоле отшатнулась – и в следующий момент застыла в изумлении: руки Мастера Альбрехта крепко держали... кота Тимофея, перехваченного поперек туловища самым немилосердным образом. Но даже не это поразило девочку сильнее прочего – ее внимание мгновенно приковала к себе задняя часть котовьего тела: *примерно от середины спины и дальше, захватывая не менее трети длины хвоста, шерсть животного светилась холодным голубым светом красивейшего, ни с чем не сравнимого оттенка!* Гретхен показалось, что она спит, – она зажмурила глаза, затем вновь их открыла, однако все оставалось по-прежнему: наполовину выкрашенный Тимофеем величественно светился в полумраке лестничного проема.

Наконец Мастер Альбрехт опустил животное на пол – Тимофей поднялся на несколько ступеней вверх по лестнице, сел, подобрав хвост, и тотчас принялся вылизывать свою шерстку:

«Фу-ты, гадость какая... беда просто с вашими затеями, ой, беда – стоит раз заезжаться, и обязательно вымажешься тут же какой-нибудь дрянью... еще, небось, ядовитой, как водится!...»

Мастер Альбрехт, однако, пропустил это ворчание мимо ушей, – спрятав руки за спину и прислонившись к стене, он молча смотрел теперь девочке прямо в глаза, и на его лице при этом запечатлелось не виденное до того никогда ею сочетание усталости и счастья.

«Понимаешь ли ты, – он, наконец, прервал молчание, – Понимаешь ли ты, бесхитростное дитя, что этот волшебный цвет... эта голубая жемчужина – и есть то самое, сокровенное и великое, что завещано мне было найти мудрым братом Педро из Сарагосы! Цветок лет труда моего, утро бессонных ночей и последний порог дороги моей!»

Глаза старика сверкали юношеским каким-то огнем:

«Две тяжкие недели Господь испытывал меня, посылая неудачу за неудачей, – ибо не должно прийти к концу пути с чувством гордости и упоения, а только лишь исполненным веры и упования...»

Он вытер со лба пот:

«Но были услышаны молитвы мои! И руки мои направил Господь в щедрости даров своих – и, дабы запомнил я, чьим именем обретаю другими утерянное, послал вот это бессмысленное животное, одним неловким движением сделавшее то, на что мне, того и гляди, пришлось бы потратить битый месяц!»

Он засмеялся коротким сухим смешком. Оказавшись в плену возбуждения, наводимого его словами, Гретхен засмеялась тоже:

«О, как я рада, Мастер Альбрехт! Это и вправду – чудеснейший цвет на свете, я никогда не видела такого прежде! – она и в самом деле обрадовалась за старика, – Значит вы завтра же сможете пойти к графу и...»

«О! Нет! – перебил ее Мастер Альбрехт, – Теперь-то как раз, – он ухмыльнулся довольно, – Теперь, когда истина уже коснулась моих ладоней, – нет вовсе никакого смысла спешить! Что пользы в спешке? Она лишь увеличивает число ошибок, награждая взамен ненужным утомлением. Ты просто плохо знаешь жизнь, наивное дитя деревни, плохо знаешь жизнь!»

Он замолчал и, опустив голову, усталился в деревянную половицу.

«Спешить мы и не станем, само собой. Сперва ведь следует убедиться, что результат сегодняшнего случая в любой момент достоин быть повторенным, – лично я, конечно же, нисколько в этом не сомневаюсь, однако правила философских занятий требуют этого с непреклонностью... Лишь после этого только буду я спокоен в полной мере!»

Старик опять сделал паузу, затем продолжил:

«И вот тогда уже – ты слышишь меня, девочка? – тогда настанет для нас время несколько иной работы. Ибо, ей-богу, не лишне совсем накопить хотя бы несколько фунтов чудесной краски Готфрида Бульонского! Накопить, прежде чем рассказывать о ней людям. Ведь люди склонны верить большому и пропускать мимо глаз малое...»

Сказав это, Мастер Альбрехт встряхнулся, поднял голову и, вновь взглянув в глаза девочке, добавил самым обычным своим голосом:

«Итак, сейчас я удалюсь записать на полях книги великого Педро то, что довелось мне увидеть... Иной работы на сегодня не будет уже, однако и этого достаточно, – обед будет поздним... Ну, а к обеду... к обеду достань-ка из погреба хороший кувшин вина – и да восславим мы Господа за его милость к нам, грешным!»

Гретхен кивнула радостно – и тут, однако, взгляд ее упал на Тимофея, во все продолжение хозяйской речи молча сидевшего на своей ступеньке и лишь принимавшегося время от времени с ленивой презрительностью вылизывать свою шубку. Он явно не разделял всеобщей радости!

«Но что же будет с моим котом, Мастер Альбрехт? Как мне вернуть ему белоснежность меха? Негоже ведь ему...»

«Негоже! – Мастер Альбрехт прервал ее, расхохотавшись вновь, – Негоже, да... но ведь негоже и входить, куда не звали, отрывать достойных людей от важных занятий, ронять вещи на пол, разбивая их... все это, конечно же, заслуживает извинения, но лишь в том случае, если... если ты выступаешь орудием Провидения... однако при таком ходе дел грешно пенять... на неучтивость Провидения... также и к твоей незадачливой персоне!...»

Он буквально захлебнулся хохотом:

«Не беспокойся за кота, добрая девочка! Весь дом наполнен клочьями его шерсти – сейчас весна, время линьки – не пройдет и месяца, как спина его избавится от последнего голубого пятнышка...» – Старик самодовольно хмыкнул, – «А вот отмыться у него не получится: это уж как пить дать! Не получится, не получится – или я ничего вообще не понимаю в красках!»

Кувшин вина к обеду Мастер Альбрехт принес из погреба сам.

«Это *Фалангина* – чудесное вино, еще римские императоры имели обычай начинать с него трапезу. Проклятый виноторговец содрал с меня втридорога за единственный и, к тому же, не слишком большой кувшин – но, верно, он и сам его недешево добыл, ибо сей божественный напиток привозят к нам из далекой страны Неаполитанского короля... Да и не часто привозят, а так – от случая к случаю...»

Разливая вино, старик словно бы и вовсе забыл об утреннем происшествии, – он весь был теперь поглощен созерцанием золотистой струи, наполнявшей стаканы, закрыв глаза, вдыхал исходивший от вина аромат, и лишь насладившись цветом и запахом, позволил себе пригубить слегка, запрокинув голову и втянув щеки:

«Такое вино, конечно же, более подобает пить знатым господам... Впрочем, даже и у них едва ли найдется для этого повод бесспорнее, чем у нас сегодня, – я верил, что такой день непременно настанет, покупая этот кувшин... И вот он, наконец, настал!...»

Добавив вина в свой стакан, Мастер Альбрехт налил и Гретхен:

«Попробуй и ты этого вина, добрая девочка, запомни его вкус, если сможешь, – кто знает, когда вновь приведется тебе встретить его...»

Подчиняясь, Гретхен отпила из своего стакана – напиток, в первый момент показавшийся чересчур бесцеремонным, уже несколько мгновений спустя успокоил ее гортань нежной своей, и в то же время – властной лапой. Вместе с хозяином девочка отпила еще, чуть после, когда оба слегка насытились едой – стаканы наполнились вновь... Это было похоже на море, погружаясь в воды которого, чувствуешь в самом начале один лишь холод только, – однако холод быстро проходит, сменяясь ощущением силы и радости, готовности к встрече с чудом, которое не сегодня, так завтра, но неминуемо случится в нашем добром мире добрых людей!..

Впрочем, Гретхен тогда еще ни разу не видела моря...

Последние капли Фалангины Мастер Альбрехт выцедил в свой стакан, уже когда Гретхен принялась сметать со стола крошки. Вставать ему явно не хотелось, – забыв про девочку, он сидел на своем месте, вытянув вдоль столешницы руки и, казалось, с великим интересом разглядывал собственные ладони. Закончив прибираться, Гретхен спросила разрешения уйти к себе и, получив в ответ утвердительный кивок головы, удалилась. Ей не терпелось поговорить с котом – выяснить, что же все-таки произошло в то время, когда она торговалась с трубочистом.

...Подняться по лестнице было трудновато – девочка впервые ощутила на себе, как вино, казавшееся легким и безобидным, давая волю радости, в то же самое время утяжеляет ноги, делая их почти что чужими. Переступая со ступеньки на ступеньку, Гретхен вынуждена была то и дело хвататься руками за перила да стены, чтобы сохранить равновесие и не грохнуться вниз, – ее, однако, это ничуть не обескураживало. Было забавно, и только, – ужасно хотелось рассказать Тимофею про Фалангину и ее волшебное действие.

Добравшись до своей мансарды, девочка поняла вдруг, что этот долгий подъем по лестнице едва ли не начисто лишил ее сил. Она плюхнулась на свой сундук, закрыла глаза, но вскоре открыла их вновь, подняла голову и поискала вокруг себя Тимофея. Можно было предположить, что кот разляжется на своем любимом подоконнике либо спит в углу, свернувшись калачиком. Однако она ошиблась – Тимофей, вопреки обыкновению, сидел прямо посреди каморки, наострив уши и выпростав по полу свой голубой хвост. Девочке он почему-то тоже показался смешным – она слегка хихикнула, затем вытянула в направлении кота ладонь:

«Милый, милый Тимофей!.. как жаль, что ты не можешь оценить сладости вина!.. поверь же мне, оно было... было очень... очень изумительным... и солнечным... да...»

Однако кот в ответ лишь презрительно фыркнул.

«Тебе что-то не нравится, кот?»

Он фыркнул снова, мотнув из стороны в сторону белой своей головой:

«Ну, что ты... что ты... как можно!.. конечно же, мне нравится все на этом свете... абсолютно, все!.. и более всего иного, ясное дело – мой синий хвост!.. Тебе, я думаю, тоже понравилось бы такое, если бы тебя кто выкрасил в синий цвет, да еще заставил бы светиться! – он переступил с лапы на лапу, – Вот, как, по-твоему, отныне я охотиться буду? Скажи мне, пожалуйста, как?»

Голос кота теперь раздавался едва ли не сквозь плач:

«Или ты думаешь, что осторожная ночная крыса, издавек завидев эдакое нескромное сияние, станет дожидаться моего появления из одного только любопытства?.. Ты и вправду так думаешь? Что ж, в этом случае я готов выразить мое почтение безграничной твоей проницательности...»

Веселое настроение сняло как рукой – Гретхен вновь стало стыдно перед котом, как тогда, по пути в город. Она рывком села и, обхватив руками колени, заглянула Тимофею в глаза:

«Прости меня, кот... ты прав, конечно же... я не должна была забывать о тебе...»

Она даже поперхнулась слегка от волнения:

«Я должна была вспомнить о тебе за обедом... когда было весело... вспомнить о тебе и позвать тебя!..»

Слезки предательски обозначились в уголках ее глаз:

«Но только чем я могла бы помочь тебе, кот? Царицу Красок невозможно отмыть. Ведь Мастер Альбрехт сказал же, что...»

Однако Тимофей не дал ей закончить фразу:

«Мастер Альбрехт, Мастер Альбрехт... сказал то, сказал сё... твой Мастер Альбрехт, если уж хочешь знать, так же беспомощен, как и ты... как и вообще почти все ходящие на двух ногах – не важно, с крыльями или без...»

«Беспомощен?..»

«Ну, да, беспомощен... Ты помнишь ведь – он сам же и сказал, что если бы не я... то он... еще многие месяцы, если не годы... провел бы в бесплодных поисках... этой своей гадкой краски, годной лишь на то, чтобы пачкать хвосты...»

От этих слов Гретхен улыбнулась помимо собственной воли:

«Конечно, Тимофей, конечно... ведь ты всегда считаешь себя самым главным, не так ли?... но расскажи мне, наконец, что же случилось тогда в мое отсутствие – и как ты сам попал в лабораторию? Ведь сколько раз, я помню, говорил ты мне о том, что не выносишь...»

«...этих дурацких запахов? – Кот перебил ее вновь, – О, да! Я в самом деле их ненавижу!»

«Но зачем же тогда... ты... – Гретхен вдруг вспомнила про злополучную дверь, оставленную открытой, – Зачем ты вошел туда, воспользовавшись моею оплошностью? Ведь не станешь же ты... утверждать... что Мастер Альбрехт нарочно позвал тебя... Или что у тебя возникли вдруг дела в лаборатории?»

«Стану!»

Гретхен от удивления наморщила лоб:

«Ты? – она покачала головой, – Какие же дела могли быть у тебя среди тиглей и реторт? Там, право, не было ничего съедобного – ничего, хоть сколько-нибудь пахнущего кровяной колбасой!..»

Кот лишь презрительно фыркнул по своему обыкновению:

«Вечно ты говоришь невпопад!.. Слушай же, как было дело, – слушай и смекай, а не то опять обидишь меня, как следует не подумав!..»

Он прилег на передние лапы и облизнулся:

«Вот, значит, проснулся я нынче утром, отдохнув превосходно, аппетит належав великолепный... в чудесном, можно сказать, настроении проснулся, да... кто б мог подумать, что потом... случится такое... ну, да, ладно, чего уж!.. Так вот, проснулся я, стало быть, поглядел в окно, как водится, ничегошеньки там, кстати, нового не обнаружил – понюхал воздух и решил вниз спуститься: вдруг, думаю, ты догадалась уже миску мою наполнить!..»

Кот качнул головой, словно бы усмехнувшись:

«Выхожу, значит... только начал по лестнице спускаться – вижу: кто-то от перил сиганул поспешно через ступеньку поперек... сиганул и ну затем вдоль стенки вниз... Я, понятно, следом – ведь не иначе, как крыса, а крыс я в этом доме, почитай, еще и не встречал даже... А тут вижу: и в правду – она. Самая, что ни на есть... серая, гладкая, хвост толстый, бока раздобревшие – откуда только взялась такая! Короче, славный завтрак сам, почитай, в гости ко мне пожаловал!.. Вот... Бросился я, значит, за ней, на второй этаж – ну, думаю, здесь-то я эту крысу и уделаю: деваться-то ей от меня на втором этаже, все равно, некуда!.. Ан, вышло иначе: соскользнула вострохвостая со ступенек – и шмыг в лабораторию этот... Кто ж мог предвидеть, что ты дверь туда за собой закрыть забудешь!»

Ну, вот – а я, грешным делом, замешкался чуток: вспомнил, как старик меня водою окатил... думал: остановиться?.. или все-таки продолжить погоню?.. В общем, решил продолжить,

была – не была. Все же, как ни крути, дело доброе – крысе в лабораториуме еще более быть не пристало...

Вхожу, короче. И что же я вижу? Чудо удивительное, право, – ей-богу, чудо. Вижу, что охоте моей, по всему, – конец. Потому как ускользнула добыча. Даже не ускользнула, нет, – а просто опередил меня, что называется, другой охотник. Более быстрый и ловкий. Или более везучий, что правдоподобнее. Кто ж это был, догадайся? Правильно, твой Мастер Альбрехт, кто ж еще! Стоит себе посреди комнаты, в руке – щипцы каминные, а в щипцах – крысиный хвост. Сама же серая висит в воздухе и беспомощно лапками розовыми перебирает...

Тут старик и меня увидал: «А, – говорит, – Вот и ты, лентяй! Явился, значит, не запылелся... Гляди, как мне приходится вместо тебя работать!» И ну меня дразнить крысой этой: опустит чуть-чуть перед моим носом, дескать – на, бери. Я только на задние лапы встану – он тут же ее вверх подымает. Я опускаюсь на пол – и он руку свою следом...

А только не любитель я подобных игрищ! Поглядел по сторонам, улучил момент, рванул – и вот уже крыса у меня в зубах: старик – тот даже и понять ничего не успел! А я всего только – вместо того, чтобы на задних лапках танцевать без толку – вскочил, значит, на стол, где всяческие горшки и сосуды стояли в нагромождении, а уж оттуда за крысой, вытянув лапы и распластавшись, сверху вниз, словно птица – так, на лету прямо, и вырвал добычу из его рук.

Ну, Мастер Альбрехт твой, понятно, рассвирепел – аж жарко стало вокруг! Да и кому понравится, если такая сладкая добыча вдруг из рук уходит! Щипцы куда-то в угол швырнул, ногой топнул да на меня как двинется не в шутку: аж страшно стало! Во, думаю, пропади она пропадом, эта крыса, – лучше лишиться завтрака, чем хвоста...

Выпустил я ее, стало быть, и задом, задом, мимо стола того самого, с которого я прыгал только что... отступаю, значит, в сторону двери – и тут вдруг ба-бах! рядом падает что-то, затем что-то еще, разлетается стайей осколков, брызги летят во все стороны, едва глаза успеваю зажмурить!...

К счастью, в глаза не попало – и на том спасибо, как говорится, а то не знаю уж, что бы и делал сейчас! Однако чувствую – обдало шкуру чем-то теплым и вместе с тем липким. Но разбираться-то уже некогда – делаю ноги немедленно и за дверью только принимаюсь себя осматривать – что-де да как. В это время, само собой, и Мастер Альбрехт появляется – я было собрался бежать дальше, ан вижу – нет в том вроде нужды никакой. Потому как с хозяином и впрямь что-то неладное происходит: стоит, руки трясутся, глаза же – широкие стали, как у коня, все равно! Глядит на меня, как будто я – не я, а чудо какое заморское, впервые в жизни увиденное! Стоит себе и глядит...

Ну, я, понятно, тоже замер – пошевелиться боюсь. Думаю – что это будет, а? Съест он меня, что ли – упущенной крысы взамен?

Короче – думал я, думал, прикидывал – прикидывал, а главного-то, поди, и не заметил! Хозяин – он хоть и в изумлении, а все ж постепенно ко мне подступал шаг за шагом. Медленно-медленно, так, словно бы за птицей крадучись. И как только удалось ему мое внимание заворожить при этом – хоть убей, не пойму!...

В общем, схватил он меня в самый неожиданный момент – схватил, в охапку сгреб, лапу заднюю правую, кстати, прищемил – до сих пор больно... Ну, а потом к себе, в лабораториум вернулся – к столу подошел и ну его разглядывать: то на хвост мой глаза скосит, то на лужицы и черепки, опять на хвост – потом снова на посуду свою разбитую... Видать, оттенки цвета сравнивал, не иначе! Сравнивал и прямо охал от удовольствия – я уж опасаться стал, грешным делом, что он совсем головой повредился на радостях-то. Наконец умаялся все-таки башкой своей крутить и, как видно, прочь направился – вот здесь вы с ним в дверях и столкнулись...»

Закончив свой рассказ, кот поднялся на лапы и внимательно посмотрел на девочку:

«Ты слышишь меня или нет?»

Он подошел к ней поближе, наострив уши, постоял несколько мгновений рядом с ее сундуком, затем беззвучно покачал головой, и, повернувшись кругом, затрусил в свой любимый угол. Добрая Фалангина сделала свое дело – Гретхен сладко спала, не удосужившись даже дослушать рассказанную котом историю до конца.

21

День, а может – и месяц спустя после описанных выше событий, ближе к вечеру, когда подступившие сумерки делают людей на улице почти неузнаваемыми, в ворота амбара, занимаемого Гурагоном и его слугами, постучался кто-то, чье лицо нарочно было полуприкрыто тенью от надвинутой на лоб шляпы. Пришелец спрашивал «господина Гурагона, благородного купца и лекаря». Его впустили вовнутрь и тотчас же проводили к колдуну, в одиночестве коровавшему время возле доски с шахматными фигурами.

Оказавшись наедине с Гурагоном, гость шумно вздохнул, после чего поклонился, освободившись, наконец, от своей шляпы. Это был довольно молодой еще человек, склонный, однако, к ранней плешивости. В остальном он мог бы даже считаться красивым, если бы не странная его манера двигаться: голова, руки, все части тела юноши казались словно бы плохо скрепленными друг с другом – они как бы двигались сами собой, что делало их хозяина похожим на деревянную марионетку из ярмарочного балагана.

«Помните ли меня, господин? Я Ломаный Фриц – племянник графского дворецкого. Когда граф принимал вас, я стоял шестым слева – позади знатных рыцарей...»

Гурагон поклонился без слов, пригласив сесть. Ободренный этим приглашением гость поспешно опустился на скамью и, не зная, куда девать свои длинные руки, сложил их в замок на коленях:

«Я, право, не посмел бы беспокоить вас, господин... если бы не ужасные обстоятельства... да... одни только ужасные обстоятельства заставили меня нарушить ваш отдых в этот благословенный вечер...»

Ломаный Фриц заикался от волнения:

«Позвольте ли вы мне, господин, рассказать здесь о них... и попросить вашей помощи... ведь никто другой уже не в силах помочь мне, как я полагаю!...»

Сказав это, он тут же опустил голову и устался в собственные кулаки. Поняв, что гость не произнесет теперь ни слова, Гурагон улыбнулся ободряюще:

«Оставьте вашу робость, молодой человек... Я признателен графу, всем его людям, а также жителям этого города и не хочу, чтобы меня называли неблагодарным!.. – колдун подкрепил свои слова легким поклоном, – Ведь именно неблагодарным я рискую прослыть, если откажусь выслушать вас и, выслушав, помочь, коли достанет силы!...»

Он улыбнулся еще более широкой и ласковой улыбкой:

«Говорите же, юноша, не смущайтесь!»

Поощренный этими словами, Ломаный Фриц наклонился вперед, к своему собеседнику, при этом руки его описали в воздухе несуразные изломанные линии:

«О, господин мой, никогда не забуду я вашего роскошного великодушия! Послушайте же, что приключилось со мной, послушайте... Четыре дня назад, в такой же примерно час пришло мне в голову отужинать. В этом не было ничего необычного: всем хорошо известно, что я часто ем на ночь, если только имею возможность ночевать дома. Так вот, повинувшись моему приказу, служанка накрыла на стол, приготовив перед тем самую обыкновенную мою пищу. Я сел и принялся за трапезу безотлагательно. И тут случилось это... это ужасное происшествие, о котором я, собственно, и пришел вам поведать!»

Он замолчал на миг, гулко сглотнув слюну, затем продолжил:

«Едва только первый кусок пищи упал в мой желудок... я почувствовал... я словно бы почувствовал, что мясо, приготовленное служанкой, оказалось не слишком свежим, да... Какой-то неприятный привкус, со сладковатой гнильцой... Подумав об этом, я уже открыл было рот, чтоб отчитать нерадивую женщину – но, увы, не успел произнести ни слова!.. Только что съеденный мною кусок, а вместе с ним и остальное содержимое моего желудка принялось вдруг ходить ходуном и уже миг спустя вырвалось из меня наружу, заставив согнуться в три погибели. Право, со мною прежде никогда не бывало ничего подобного – только лишь через полчаса рвоту удалось унять. Однако с этих самых пор, Господь свидетель, в моем рту не побывало ни крошки!»

«Хотите ли вы есть, несмотря на это? – спросил Гурагон участливо, – Или же сама мысль о еде с неизбежностью вызывает у вас отвращение?»

«О, нет! – Фриц немедленно замотал головой, – Нет, нет, я голоден сейчас, как брошенная собака! Голод сжигает своим огнем все мои члены! Но стоит мне поднести ко рту что-либо помимо воды... точнее – взять в рот и ощутить вкус какой-либо пищи... как сразу же... сразу повторяется то же, что было тогда...»

Молодой человек опустил голову и закрыл лицо ладонями:

«Помогите же мне! Помогите, о благородный чужестранец! Оба городских лекаря отказали мне, сказав, что прежде не встречали такого недуга... Никто во всем городе не может, как видно, меня спасти!»

Он, кажется, заплакал даже – во всяком случае, слова его теперь напоминали всхлипы:

«Я молод... богат... я хочу жить!.. я не хочу умирать от голода!..»

Слезы, наконец, потекли сквозь его пальцы неудержимо. Гурагон положил свою ладонь на плечо гостя и, подавив в себе короткую снисходительную улыбку, посмотрел на него сверху вниз:

«Ваша болезнь серьезна, это сушая правда! – колдун сделал паузу, чтобы придать весомости своим словам, – Лекари неспроста отказались вам помогать...»

Он замолчал вновь, но тут же продолжил:

«Она впивается в человека подобно пиявке и подобно пиявке же вытягивает из него все соки – обрекая на мучительную смерть во цвете лет!..»

Молодой человек, услышав это, вздрогнул помимо воли.

«Я, однако, могу избавить вас от этой напасти – не вешайте же голову, эй: не пройдет и часа, как вы съедите первую за эти дни ржаную лепешку!»

Ломаный Фриц отнял ладони от своего лица – глаза его теперь несли в себе огонечки изумления и надежды:

«О, добрый господин!.. – юноша опустил на колени, – Добрый мой господин... позвольте...»

«Не стоит, право! – Гурагон по-отечески поднял его и усадил вновь, – Не стоит беспокоиться, юноша! Вам повезло несказанно – и вы теперь в добрых руках! Знания мои велики, я вылечу вас, если Господь позволит! Сидите же здесь и ждите меня терпеливо».

Он вдруг исчез из комнаты – быстрее, чем Ломаный Фриц опомнился. Когда же час спустя Гурагон появился вновь, его незванный гость спал, привалившись спиной к стене, спал, держа во сне и прерывисто похрапывая, как это, впрочем, и водится обычно среди тех, кто изо дня в день засыпает голодным.

Отодвинув в сторону шахматную доску, колдун поставил на стол принесенный с собой стакан с какой-то горячей жидкостью, положил рядом кусок хлеба. Внимательно и сурово посмотрел на спящего Фрица, затем шагнул к нему и решительно взял его за руку.

«Просыпайтесь, просыпайтесь, юноша!.. Будем лечиться...»

Гость открыл глаза в испуге, однако уже мгновение спустя вполне успокоился:

«Я вовсе не сплю, господин... я готов...»

«Выпейте вот это...» – Гурагон протянул ему принесенное пойло. Больной протянул руку, взял стакан, бросил на его содержимое короткий настороженный взгляд, после чего зажмурился и залпом выпил все до дна.

«Не страшно? – Гурагон усмехнулся, – Вовсе не страшно: целебная жидкость почти что начисто лишена вкуса... а потому не вызовет у вас то, о чем вы только что рассказывали...»

Он медленно огладил свою густую бороду, затем, не отрывая от лица рук, на миг задумался о чем-то, но тут же поднял голову вновь:

«Отлично же! Произнесите теперь четырежды „Отче наш...“ – и к концу четвертого раза, я думаю, лекарство примется за свое благословенное дело».

Губы Ломаного Фрица послушно зашевелились, повторяя молитву.

«Теперь возьмите вот это, не бойтесь!.. – произнес Гурагон, едва только губы несчастного юноши сомкнулись опять, – Не бойтесь последствий, пересильте себя – покажите-ка мне теперь свою болезнь лицом!..»

Он протянул больному хлеб. Тот взял его с опаской, медленно, словно бы отраву или камень, поднес ко рту... Затем стремительно откусил немного и тут же проглотил не разжевывая.

Несколько мгновений оба сидели молча. Затем Фриц словно бы опомнился от чего-то, сбросил с себя какое-то странное оцепенение. Обеими руками схватил он остатки хлеба и мгновенно отправил их в свое изголодавшееся чрево.

«Боже мой!.. Боже!.. я опять могу есть!..»

Глаза его сверкали сумасшедшим огнем:

«Я опять... опять... о, вы великий лекарь из величайших!.. я... я заплачу вам, сколько скажете...»

Он прямо трясся от возбуждения:

«Я отблагодарю вас всем, что только имею!.. Но сейчас... сейчас, я прошу... я заклинаю вас, найдите для меня еще один кусочек хлеба... только один-единственный кусок – и все... ведь я не ел четыре дня!..»

Он сложил ладони умоляюще – однако Гурагон в ответ лишь мотнул головой:

«Не стоит так спешить, молодой человек... Тому, кто голодал, никогда не следует набрасываться на пищу – это опасно... Желудок, к тому же, все равно не примет ее разом... – колдун, сказав это, положил руку на плечо юноши, – Пожалуй, следует подождать немного... останьтесь-ка здесь, у меня – в противном случае, запахи домашней кухни переселят, того и гляди, вашу волю!..»

Час спустя Гурагон дал Ломаному Фрицу еще хлеба. Кусок на этот раз был заметно больше, к тому же колдун приказал принести вина, и, выпив, молодой человек почувствовал вдруг прилив блаженной истомы. Двигаться не хотелось вовсе, вместо этого хотелось вновь рассыпаться словами благодарности – да только язык не вполне повиновался ему теперь:

«Ведь это чудесно! Чудесно, право!.. Ведь в этом городе живет немало сведуших и ученых людей – лекарей, проповедников, философов... и ни один из них не смог... не нашел возможным избавить меня... исцелить меня от этой жуткой болезни!..»

Речь Ломаного Фрица была по-прежнему преисполнена возбуждения. Что же касается Гурагона, то последний сперва внимал своему пациенту с легкой улыбкой снисхождения, пропуская услышанное большей частью мимо своих ушей. Однако что-то вдруг заинтересовало и его: печать равнодушия моментально исчезла с лица колдуна, он даже чуть вскинул от удивления правую бровь и, подавшись вперед, произнес с вкрадчивым придыханием:

«Философов?.. Вы сказали – философов, не так ли?»

«Угу! – подтвердил Фриц с прежним оживлением, – Есть здесь один такой... я, впрочем, не стал к нему обращаться... уж больно он себе на уме, этот молчаливый старик...»

Гурагон придвинулся еще ближе, голос его стал еще более вкрадчивым:

«Чем же он занят, философ этот?.. Тоже практикует медицинское искусство, отбивая заработок у городских лекарей?»

«О, нет!.. – Фриц затряс головой энергично, – Что-то не слышал я про его лекарские успехи... Хотя наш граф платит ему изрядную сумму каждые два месяца – а уж он, всем известно, просто так серебра никому не даст!..»

Колдун, как мог, изобразил на лице веселое удивление:

«Что же он делает за графское серебро?»

«Что делает? – Фриц засмеялся отрывистым, коротким смешком, – А Бог его знает, что делает... граф не рассказывает о том никому...»

Он вдруг замолчал неожиданно, спрятав нижнюю губу под верхней.

«Граф не рассказывает... это точно...»

Он опять замолчал и вопросительно заглянул в глаза собеседнику.

«Не рассказывает, да только... только мы все думаем, что этот старик... делает... для графа... зо-ло-то!.. Понимаете ли – настоящее золото. Граф дает ему серебро, а он взамен делает золото. Или, может, только лишь обещает сделать... Ибо, как ни гляди, а с золотом у нашего графа дела обстоят пока не слишком отменно!»

Ломаный Фриц опять разразился хохотом:

«Что до меня – то я б и двух талеров не положил ради затей подобного рода. Любой меняла с соборной площади, впрочем, легко превратит их в два заправских дуката... без всяких там премудростей и книг... взяв за свои старания лишь крейцер или два...»

Последнюю фразу, однако, задумавшийся Гурагон словно бы пропустил мимо ушей. Дождавшись, когда юноша закончит, он взял его за руку и улыбнулся широкой, обезоруживающей улыбкой:

«Чувствую, вам уже лучше, молодой человек? Что же, я рад – я искренне рад, коли мое лекарство подействовало. Однако даже и теперь не следует проявлять самонадеянности, ибо болезнь, хоть и ослабла изрядно, но не ушла пока что насовсем. Вам следует посетить меня вновь – раза два или три, вряд ли больше. Теперь же имеет смысл вернуться домой, успокоиться и поужинать без стеснения, но также и не злоупотребляя излишествами».

С этими словами он поднялся с места, увлекая Ломаного Фрица за собой. Уже в дверях, обменявшись со своим гостем прощальным рукопожатием, колдун вдруг хлопнул себя по лбу, словно бы вспомнив что-то – не слишком важное, впрочем:

«Ах, да... а этот ваш философ... он как... живет далеко отсюда?..»

«Вовсе нет, – ответил уже на ходу Фриц, – Два шага, не больше... улица, идущая к церкви Святой Агнессы, второй дом от угла...»

Проводив молодого человека, Гурагон не стал продолжать шахматную партию, прерванную его неожиданным появлением. Сложив вместо этого фигуры и доску в кожаный мешочек и затянув его шнурком, колдун достал взамен знакомые нам уже вещи: серебряное блюдо и сухой каштан...

...Гадать пришлось долго: Печальный Дух Одиночества явил на этот раз в полной мере строптивость своего характера. Больше часа Гурагон, утирая пот со лба, гонял каштан по его серебряной дороге. И лишь когда язык колдуна, утомленный произнесением заклинаний, стал сухим и шершавым, Дух наконец соизволил показать свой лик хозяину.

«О, как ты ленив сегодня, Печальный Дух, ленив и непослушен... я накажу тебя за это... одарю тебя тягостными муками в твоём печальном царстве... – голос Гурагона скрипел, как несмазанный ворот, – Верь мне: ты удостоишься наказания!.. Определенно!..»

Однако что-то поколебало суровость колдуна – он вдруг сощурил глаза, еще пристальнее взглядевшись в серебристый зеркальный круг, и тут же отпрянул, издав тихий стон радости:

«О, ты желаешь оправдаться, Печальный Дух?.. Что же ты скажешь мне?.. А?.. Готов ли ободрить меня сегодня?.. Проведал ли о том, что я ищу все эти дни?.. О, ты заслуживаешь снисхождения, как я вижу, – ты явился сегодня, преисполненный сведений... говори же мне... говори поскорее, и я запомню твою старательность... завершил ли свое дело *тот, кто мне нужен?*.. достиг ли он *того, что желал достигнуть?*»

Колдун с трудом отдышался:

«Так что же ты ответишь мне, о Печальный Дух?»

Гурагон прильнул к блюду вновь и вновь отпрянул, – хохоча и содрогаясь. Видно было, что он очень доволен, и что Печальный Дух, наконец, совершил то, к чему его побуждал повелитель.

«О, да!.. Удачный день для меня сегодня... Ты выполнил свою работу, Одинокый Раб, и я, похоже, подумаю о том, чтобы избавить тебя на этот раз от наказания... что ж, ты принес мне радостную весть, трудолюбивый слуга! Тот, кого ищу я, нашел то, что ищет он, – а это значит... это не может не значить... лишь то... что и я нашел *то же самое* с ним одновременно!»

И сказав это, Гурагон вновь залился резким, похожим на кашель хохотом.

22

А уже на следующий день в послеполуденный час, когда Мастер Альбрехт трудился в лабораториуме, кот Тимофей дремал, как водится, на своем подоконнике, а Гретхен, расправившись с утренним ворохом кухонных дел, сидела, мечтая, за обеденным столом, подобрав под себя ноги и подперев кулачками подбородок, – так вот в этот самый день и час привычное течение жизни прервалось вдруг негромким, но настойчивым стуком в дверь.

Предположив, что это посыльный от торговца светильным маслом, Гретхен бросилась вниз – и каково же было ее удивление, когда вместо знакомого веснушчатого дылды увидела она на пороге благообразного чужестранца с черной бородой и густыми сросшимися над переносицей бровями. Девочка даже слегка растерялась от неожиданности, однако гость, заметив это, поспешил прийти ей на выручку:

«Здоров ли хозяин дома – премногоученый Мастер Альбрехт?»

Сказав это, чужеземец отвесил Гретхен легкий поклон, – словно бы не поняв, что разговаривает с простою прислугой.

«Я – Гурагон, странствующий врач и торговец драгоценными камнями. Пришел засвидетельствовать свое почтение премудрому Мастеру Альбрехту».

Девочка, конечно же, слыхала о появлении в городе этого странного человека – однако видеть его ей прежде не доводилось ни разу. Оставив гостя за дверью, она поднялась в лабораториум и, постучав для приличия, вошла, не дожидаясь приглашения.

Мастер Альбрехт сидел за своим столом, склонившись над книгой, – последние дни он почти все время проводил в этой позе, изредка макая перо в чернила и что-то помечая на полях. Атанор погасили уже неделю назад, сосуды с различными субстанциями были сравнительно аккуратно расставлены по полкам, запахи выветрились, а разнообразный мусор – неизбежный спутник опытов старика – был выметен Гретхен полностью еще в прошлую пятницу.

Выслушав девочку, Мастер Альбрехт недовольно поморщился, однако велел впустить гостя и, проводив его в столовую, дать воды. Отправив Гретхен, он осторожно закрыл свою чудесную книгу, после чего выпрямился, расправил плечи и, заложив руки за голову, о чем-то задумался. Какие-то дурные предчувствия явились вдруг вместе с этим необычным гостем – старику не хотелось с ним разговаривать, страсть как не хотелось отрываться от своих дел,

но не хотелось также и прослыть неучтивым. Последний довод, увы, пересилил все прочие – надо было идти, и Мастер Альбрехт поднялся со своего места, прошептал губами что-то невнятное, покачав затем головой, поправил сбившуюся слегка одежду. После чего решительно шагнул из лабораториума вон.

«Странствуя по белу свету, переезжая от города к городу, посещая владения различных государей Запада и Востока, всюду приходилось мне слышать похвалы вашей учености, о Мастер Альбрехт!» – так начал Гурагон свою речь, оказавшись со стариком наедине.

«Многие мудрые и многоученые мужи приводили в пример мне вашу ученость и мудрость – а потому, желая совершенствовать собственные немногие познания, дерзнул я обогатить себя лицезрением того, кто может стать мне в этом образцом, достойным ежечасного подражания!»

Ни одна морщинка не дрогнула от этих слов на лице Мастера Альбрехта – он лишь кивнул чуть заметно, дабы не нарушить законы учтивости, и после, выждав положенную в подобной беседе паузу, произнес ответные слова благодарности тихим и ровным голосом.

«О! Вы скромны, как подобает быть скромным истинному адепту, – не прекращал своих похвал Гурагон, – Но разве может алмаз, затесавшись в серой гряде беспородных камней, скрыться от цепкого и привычного глаза – глаза *того, кто ищет алмазы?* И разве пропустит звезду Альтаир моряк, нуждающийся в навигации?»

Мастер Альбрехт вновь ответил на похвалы с учтивой краткостью. Пришелец, похоже, готов был продолжать свои хвалебные речи до исхода дня – однако старик остановил его, слегка подняв над столом ладонь и обозначив устами улыбку:

«Я всего лишь подмастерье у Истины, не более. Не слишком прилежный и не слишком талантливый. Подражая мудрецам прошлого, я пытаюсь идти их дорогой, тратя на это деньги и время. Что до первого – то денег у меня почти нет, зато времени пока вдоволь – впрочем, успехи мои столь незначительны, что едва ли могут заинтересовать такого почтенного и осведомленного человека... К тому же владеющего ремеслом торговли, а, значит, дорожающего своим временем, ибо умеющего превращать его в серебро!...»

Мастер Альбрехт улыбнулся вновь:

«Я, право, не знаю, чем могу быть полезен вам... Однако что-то подсказывает мне... наводит меня на мысль... о том... что пришли вы сюда неспроста...»

Старик замолчал. Взгляд его встретился со взглядом колдуна. Выдержав паузу, тот кивнул согласно и в свою очередь улыбнулся.

«О, я не обманулся в вашей проницательности, ученейший Мастер Альбрехт! Право, к чему наводить тень на то, что уже освещалось солнцем! Конечно же, пришел я сюда неспроста – это так. Не стану, тем не менее, открывать мои маленькие секреты, – как я узнал о вас, как нашел и от кого выведал о ваших занятиях. Буду краток и стану говорить лишь о деле – о том важном и выгодном деле, что заставило меня пуститься в это опасное и далекое путешествие, покинув ради него отчий дом».

Колдун замолчал, пытливо глядя в глаза Мастера Альбрехта, – но тот слушал его с внимательным равнодушием или, что одно и то же по сути, – с равнодушным вниманием. Ни одна морщинка, ни одна мышца на лице не выдавала его истинного отношения к странным словам незваного гостя.

«И вот – дело мое. Снаряжен я и послан, чтобы вернуть Тайну Азии тем, у кого она была столь безжалостно украдена в прошлом! Чтобы восстановить Великую Справедливость и отдать Голубую Краску Чуда тем, кто сумеет распорядиться ею, как подобает!»

Гурагон вдохнул побольше воздуха, словно бы собрался нырнуть:

«Звезды указали мне путь в этот город, и я знаю, что именно вы, мудрейший и ученейший из его жителей, потратили бесчисленные дни и бессонные ночи жизни вашей, чтобы восстановить

то, что не вы потеряли. И я знаю также, что на пути этом, тернистом и отчаянном, по которому один лишь из тысячи тысяч в силах пройти хотя бы десять первых шагов, вы в конце концов смогли достичь последнего порога!»

Он вновь остановился и вновь продолжил миг спустя:

«Кто, как не я, знает, что найденная вами Голубая Тайна Азии велика в цене своей – и что многие готовы платить за нее серебром. Однако никто доселе не ведает, сколь несложно мне перебить чью-либо цену. Длинный караван верблюдов, груженных золотыми монетами и золотыми сосудами, тканями с золотой вышивкой и драгоценными камнями в золотых оправках, – длинный караван этот уже на пути к воротам города вашего. Все это готов отдать я – все за секрет Голубой Краски Чуда! Сотой части этого золота хватит, ученейший из ученых, чтобы вернуть графу все, чем он прежде одаривал вас, – вернуть с процентами, которым позавидовали бы жадные до денег ломбардцы-ростовщики! Поверьте мне, всего лишь ничтожной сотой части!..»

Гурагон опять взглянул пытливо в глаза Мастера Альбрехта:

«Так что же – принимаете вы... это мое... великолепное предложение?... или же – нет, и остаетесь с тем лишь, что уже получили от графа и, в основном, потратили доньне... ибо, говоря между нами, – не верю я, что добыв от вас желанное, граф сподобится заплатить еще хотя бы дюжину талеров сверху!.. Кому, как не мне, знать повадки господ подобного рода!»

Он, наконец, замолчал совсем и принялся ждать ответа. Мастер Альбрехт, казалось, задумался, утопив взгляд в гладком дереве пустой столешницы. Но вот, наконец, он медленно поднял голову и выпрямился. Одновременно с этим, на лице его, еще миг назад – совершенно бесстрастным, воцарилась какая-то по-детски бесхитростная улыбка:

«Нельзя не воздать должное вашей осведомленности, дорогой гость! Весьма многое из сказанного вами – несомненные слова истины. Многое – но не все, увы, отнюдь не все! Повторюсь – я лишь слуга Природы, чистого холста, искусно сотканного Всевышним, слуга малоусердный и малоудачливый. Правда и в том, что я действительно искал волшебную краску, о которой вы говорили, искал, как мог, – я и сейчас еще, говоря откровенно, не простился в полной мере с надеждой... найти ее незначай... Хотя осталось подобных упований не так уж много. Я стар, умения мои недостаточны... Быть может, другим на этом пути повезет много больше моего – Бог знает!.. Кто-то, мне неведомый, подшутил над вами, почтенный Гурагон, подшутил либо просто ошибся по недомыслию... Вы вошли не в ту дверь, видит Бог. Я доньне не владею названным вами секретом – и в силу таковой причины не могу принять, конечно же, вашего предложения, сколь бы заманчивым и выгодным оно ни казалось!..»

Сказав это, Мастер Альбрехт поднялся со своего места, после чего поклонился слегка своему гостю – следом встал из-за стола и Гурагон, лицо его расплылось в сладчайшей улыбке любезности:

«Не стану в таком случае отнимать драгоценнейшего вашего времени, о ученейший из мужей страны! Прошу лишь простить великодушно за неуместность моего вторжения – все же, вопреки словам вашим, несущим привкус отчаяния, я позволю себе остаться здесь, в окружении этих городских стен, ожидая непременного случая, когда многократно заслуженная удача повернется, наконец, к вам лицом... Не откажите мне, прошу вас, в этом праве – и в знак искренности моих слов, примите великодушно сию, хоть и маленькую, однако весьма изящную вещицу доброй работы».

Колдун достал из шелкового мешочка, болтавшегося у него на поясе, что-то, упрятанное в несколько слоев синей ткани, – что-то в самом деле маленькое, вполне способное уместиться на человеческой ладони.

«Не откажите мне, право!..»

Он с нарочитой медлительностью раздвинул полоски синего бархата – и тут же нечаянные лучи послеполуденного солнца заиграли на подарке причудливыми отблесками. Это был крошечный золотой олень, искусно выкованный со всеми надлежащими подробностями и дета-

лями – ветвистыми деревьями рогов, острыми копытцами, стройными мускулистыми ногами, простертыми в отчаянном прыжке... Гурагон бережно опустил свой подарок на стол, еще раз поклонился хозяину дома, затем повернулся кругом и направился к выходу.

Оказавшись на улице, колдун поправил свой плащ, не глядя проверил, висит ли на поясе давешний шелковый мешочек, затем втянул голову в плечи и, не оборачиваясь, двинулся прочь. Однако пройдя лишь несколько шагов, остановился вновь и, прислонившись спиной к стене дома, стоящего на противоположной стороне улицы, так, чтобы тень от выступающего балкона падала прямоком на него, бросил внимательный взгляд на жилище Мастера Альбрехта.

Дом был как дом: оштукатуренные стены с деревянными ребрами, окна, черепичная крыша с кирпичными трубами, прикрытыми от дождя чугунными наверхиями. Не найдя ничего замечательного, Гурагон чуть повернул голову вправо, и тут же брови его взметнулись в радостном изумлении: высоко, под самой крышей, на подоконнике открытого мансардного окна возлежал исполненный послеобеденной неги, огромный кот, задняя часть тела которого излучала нежное, но при этом весьма уверенное сине-голубое свечение...

Закрыв за незваным гостем дверь, Гретхен вернулась в столовую. Мастера Альбрехта она нашла сидящим на прежнем месте – там, где он вел разговор с Гурагоном. Старик был невесел и задумчив.

«Не к добру нам этот чужеземец, не к добру. Что-то дурное у него на уме, как видно. Подозреваю, что не обошлось здесь и без козней Князя Тьмы – уж больно много знает человек этот обо мне да о моем деле!»

Вдруг взгляд его остановился на золотом олене, – сверкающий подарок колдуна по-прежнему лежал на столе поверх лоскутков синего бархата. Какое-то непродолжительное время Мастер Альбрехт словно бы рассматривал вещицу, прищурившись и наклонив голову, – затем резко поднялся с места и, не особо церемонясь, сунул ее в карман своей куртки.

«Пойдем-ка в лабораторию, доброе дитя. Уж слишком красива безделушка эта для безответного дара вежливости... Сами собой рождаются подозрения, требующие безотлагательной проверки...»

В лаборатории Мастер Альбрехт тщательно взвесил золотую вещицу, потом налил воды в высокий узкий стеклянный сосуд с нанесенными на стенку поперечными черточками, бросил туда оленя и посмотрел, на сколько черточек от этого поднялась вода. Взяв обрывок бумаги и обмакнув перо в чернила, он принялся затем подсчитывать что-то, беззвучно шевеля губами. После, закончив с подсчетами, Мастер Альбрехт снял с верхней полки одну из трех или четырех бумажных кип, каждая из которых была прошита суровой ниткой и заключена в деревянное подобие обложки – а потому напоминала небольшую книгу. Старик принялся листать ее и листал долго, пока не нашел того, что искал.

«Забавно, что ж – эта штука весит и впрямь, как золото!» – Мастер Альбрехт усмехнулся и покачал головой.

Вылив из сосуда с черточками воду, он, однако, не стал извлекать оттуда золотого оленя, – достав вместо этого другой, плотно закрытый сосуд, в котором, как Гретхен знала, хранится купоросное масло, Мастер Альбрехт отлил немного оттуда, так, чтобы олень оказался погруженным в жидкость на два-три пальца, не более.

Сперва ничего, как будто бы, не изменилось вовсе – лишь в воздухе повис легкий запах купоросного масла, чуть удушливый и кисловатый. Золотой олень лежал на дне стеклянного сосуда, и лишь три пузырька воздуха, зацепившихся за его рога и ноги, покачивались слегка, словно бы раздумывая: всплывать им или не всплывать.

Однако не прошло и четверти часа, как Гретхен заметила, что жидкость в сосуде начала потихоньку приобретать зеленый оттенок. Вначале девочка даже решила, что ей это кажется, – и всему виной отблески падающего на золотую поверхность света. Но уже вскоре подобные сомнения рассеялись в полной мере – купоросное масло начало зеленеть тем сильнее, чем ближе к золотому оленю. Да и сам он не остался без изменений – поверхность золота, еще совсем недавно блестящая и чистая, начала постепенно тускнеть, покрываясь серым налетом...

Мастер Альбрехт молча наблюдал за этими превращениями. Временами старик слегка покачивал головой, прищуривал по своему обыкновению глаза – Гретхен ясно было, что происходящее в стеклянном сосуде не особо ему нравится, хотя и вызывает удивление.

Действительно, не прошло и часа, как всё там изменилось до неузнаваемости: цвет жидкости выровнялся и стал изумрудно-зеленым, как у весенней травы в утренних лучах солнца. Сам же олень почернел, уменьшился в размерах и, в конце концов, развалился на пригоршню бесформенных кусочков – в которых никакое воображение не позволило бы теперь угадать прежнюю искусную работу златокузнеца.

«Ни одна из известных мне субстанций не ведет себя так, – произнес Мастер Альбрехт медленно, – Я, впрочем, с самого начала догадывался о чем-то подобном... Этот господин, а также все его вещи – те, что он имеет при себе, либо те, что передает другим людям... все это – не то, чем кажется, а, вполне возможно, что и *ничто* вовсе – ибо обращается в ничто при подходящем случае... оно и понятно: ведь Князь Тьмы, как известно, при всем своем могуществе не в силах, подобно Господу нашему, создавать материю из пустоты... он лишь порождает ее видимость в глазу грешника!...»

Старик устало отер лоб:

«Надо бы на днях предупредить графа об этом странном господинчике... говорят, граф принимал его и разговаривал с ним при этом вполне дружелюбно...»

23

Подоспели первые по-настоящему теплые деньки, когда каждый житель города, – молодой ли, старый ли, богатый или бедный, праздный или занятой – стремится покинуть стены своего жилища, найдя для этого хоть что-нибудь, мало-мальски похожее на повод. Всякому хотелось хотя бы на короткое время подставить лицо ласковым солнечным лучам, прикрыть глаза и, забыв о проблемах, помечтать о чем-нибудь бесхитростно-приятном, как доводилось мечтать лишь в детстве!

Казалось, магия подступившего лета не оставила равнодушным никого, даже чужестранца Гурагона со сросшимися над переносицей бровями. Так и не дождавшись пока своего застрявшего где-то каравана, он беспечно бродил по городским улицам, заглядывал в лавки, заводил разговоры с хозяевами и посетителями. В разговорах этих он был вежлив и уважителен, однако лицо его большей частью оставалось все таким же неподвижным и непроницаемым. И лишь изредка, оставшись наедине с собой, он словно бы сбрасывал на миг оковы прежней невозмутимости, – и тогда только чей-нибудь случайный взгляд, неожиданно споткнувшийся об его глаза, мог бы прочесть в них искры того самого огня, что мы всегда величаем *огнем непреодолимой страсти*.

Как-то в конце июля, прогуливаясь подобным образом, Гурагон набрел на лавку торговца мясом, расположившуюся невдалеке от Рыночной площади. Войдя и поприветствовав хозяина, колдун стал внимательно разглядывать предназначенные для продажи туши – большие и малые, разделанные и неразделанные, засоленные для долгого хранения и, напротив, определенные котлам и сковородкам непременно в этот же самый день, прежде чем они успеют потерять свою первозданную свежесть. Заметив, что посетитель разборчив и при этом нето-

роплив, тучный мясник, едва ли не дремавший перед тем в углу, услужливо поднялся на ноги и, изобразив на лице нечто, обозначающее улыбку, принялся нахваливать свой товар, поочередно извлекая из кровавых груд тот или иной аппетитный кусок. Мясник был воистину неутомим: баранья ли нога, поросенок ли, гусь ли – всё это словно бы превращалось в его руках во что-то совсем необычное, подобное дорогой одежде либо красивой, искусно сделанной посуде, какая используется на пирах у знатных господ. Гурагон, однако, сохранял свою всегдашнюю невозмутимость. Придирчиво перебрав выложенные на лед куски говяжьей вырезки, он перешел к столам с битой птицей и, казалось, всерьез заинтересовался наваленными друг на друга утками и гусями.

Мясник, как говорится, следовал за ним по пятам: представляя свой товар в выгодном свете, он то и дело брал в руки какую-нибудь птичью тушку, с нежностью оглаживал слипшиеся перья, подымал вверх мертвые головы, словно бы давая им возможность взглянуть на своего будущего покупателя. Гурагон слушал его болтовню внимательно, однако по-прежнему молча, и лишь когда дородный лавочник закрыл наконец свой рот, устав, как видно, безостановочно ворочать языком, колдун обратился к нему, протянув руку в сторону груды какой-то дичи, сваленной на широкую прямоугольную доску.

«Что это у вас там, любезный хозяин?»

Тот в ответ лишь поспешно сглотнул слюну:

«Куропатки, господин. Свежайшие куропатки, час назад как принесенные из леса охотником. Нежнейшее мясо этих птиц несет в себе неповторимый вкус, изменяющийся от местности к местности, – и ведь именно наши куропатки славятся среди лучших!»

Он утер пот со лба и продолжил:

«Вот почему эти небольшие птички столь недешевы – однако поиск покупателя на них ничуть меня не затруднит, ей-богу! Еще до полудня придет сюда человек от графа – придет и заберет все, что вы видите на этой доске. Так происходит дважды в неделю – и, зная это, я делаю заказ охотнику, знаменитому своим искусством добывать подобную птицу...»

«Покупает ли у вас их кто-нибудь еще?»

«Увы, нет: эта дичь, как видно, нашим горожанам не по карману. Впрочем, ее заказывают иногда на праздники...»

Мясник хотел уж было переменить тему, но Гурагон, казалось, и впрямь заинтересовался куропатками:

«Могу ли я взглянуть на них поближе, любезный хозяин? В моем отечестве из куропаток умеют готовить восхитительнейшие блюда, до сих пор не знакомые, однако, вашему народу... весьма возможно, что я закажу у вас их с полдюжины или больше...»

Он улыбнулся чуть-чуть заискивающе, – должно быть, впервые с тех пор, как переступил порог лавки.

Мясник в ответ лишь кивнул согласно, затем пододвинул к колдуну куропаток, и, потеряв на время к нему всякий интерес, повернулся спиной: в лавку зашли две пожилые женщины, и хозяин устремился к ним тотчас, предвидя долгий и изнурительный торг.

Споря до хрипоты с этими прижимистыми кухарками, лавочник поглядывал на Гурагона лишь от случая к случаю – тот вроде как по-прежнему стоял себе возле груды пернатых тушек, лениво перебирая их одну за одной.

«Вряд ли все же он сподобится купить у меня что-нибудь, – подумал бывалый мясник, повидавший на своем веку великое множество всевозможных покупателей, – такие горазды лишь потчевать свое любопытство, а не желудок вовсе».

Он мысленно махнул на чужестранца рукой и принялся, удвоив энергию, торговаться с кухарками. Он так и не заметил, что колдун, перекладывая одной рукой перепелиные тушки, другой сыпанул в них какой-то мелкий порошок. Совсем немного. Три или четыре маленькие щепоточки.

Вечером того же дня Ломаный Фриц в очередной раз явился к Гурагону лечиться. Это было его третье посещение, последнее из предписанных колдуном. В самом деле, чувствовал себя молодой человек теперь во всех отношениях прекрасно: муки голода остались где-то далеко позади и вспоминались не иначе как кошмарный сон, а «плохо прикрепленные» члены его тела, хоть и чудно болтались по-прежнему во все стороны, однако наводили более на мысли о свободе и непринужденности, чем на тягостные думы о муке и страдании. По сути, один лишь вопрос всерьез беспокоил Фрица сейчас – вопрос о вознаграждении чудесного лекаря. Прежде, изнуряемый голодом, он его задать не удосужился. Про себя же Ломаный Фриц решил тогда, что готов отдать Гурагону все, чего бы тот ни пожелал, лишь бы спастись от мучительной смерти. Но вот угроза смерти миновала, жизнь вновь открылась молодому человеку широкой радугой своих удовольствий, и поступаться какой-то их частью ради неведомого никому иноземца было обидно. Впрочем, Фриц надеялся, что Гурагон не запросит слишком уж многого, – таким благородным и добрым он ему показался.

Как бы то ни было, стоило все-таки задать злополучный вопрос – и, сидя в ожидании очередной порции чудодейственного лекарства, Ломаный Фриц принялся подбирать для этого необходимые слова. Он, однако, так и не успел ничего придумать, прежде чем появился Гурагон со своим пойлом, – взяв из его рук всегдашний стакан, Фриц заметил попутно, что жидкость в стакане как будто изменила свой цвет и запах. На вкус она, впрочем, тоже стала иной, точнее говоря, вкус у нее появился и был весьма приятен: чуть кисловат с легкой примесью какого-то особого пронзительного восточного аромата, способного, по-видимому, в больших количествах вызвать головокружение.

Действовать на этот раз лекарство начало практически сразу, едва последняя его капля перекочевала из стакана в рот Ломаного Фрица. Он вдруг почувствовал какую-то немислимую прежде непринужденность, легкость во всем – мир вокруг стал исключительно дружелюбен и приветлив, а трудные незадачные вопросы просто перестали существовать, потому что задать их теперь не стоило никакого труда!

«О, великий исцелитель, – обратился Фриц к колдуну, – я никогда не чувствовал себя так хорошо... мне никогда не было так хорошо, как сейчас!..»

Он улыбнулся улыбкой трехлетнего ребенка. Гурагон также ответил ему улыбкой – хотя и заметно более сдержанной.

«Поведайте же мне теперь, добрый мой господин, сколь велика оказалась цена моего лечения, ибо не в обыкновениях моих подолгу пребывать в должниках!..»

Ломаный Фриц вновь расплылся в улыбке и замолчал. Собеседник его, однако, стал вдруг серьезным и словно бы озабоченным чем-то. Он кивнул, затем поднял взгляд вверх, словно бы считая что-то в уме, нахмурился и выпятил вперед губы. Что-то в результатах этих подсчетов не нравилось ему, как видно.

«Видите ли, юноша... – колдун говорил медленно, тщательно выбирая слова, – лечение ваше завершилось успешно, и я искренне рад подобному обороту дел!»

Он чуть заметно улыбнулся.

«Болезнь ваша была весьма серьезна и опасна, это несомненно, редкий врачеватель способен был справиться с нею... И, дабы победить болезнь вашу, вынужден я был применить все то, что узнал за долгие годы... бесчисленные годы учения в далеких странах, за которое семья моя платила серебром, отказывая порой себе в самом необходимом...»

Гурагон перевел дух.

«Впрочем, мои симпатии к вашей молодости и благородству побуждают забыть о понесенных тогда затратах... Верьте, я не потребую от вас компенсировать их полностью либо даже частично – однако есть еще, увы, иная сторона у нашего дела...»

«Какая же?..» – вырвалось у Ломаного Фрица.

«Есть иная сторона дела... и состоит она в том, что лекарство, сваренное мною для вас, принесло бы вам лишь вред, не помести я в него настойку корней одного неприметного растения... редкого даже для моей родины и уж вовсе не знакомого жителям здешних мест...»

Гурагон опять усмехнулся.

«Если говорить совсем уж честно, то я взял ее с собой в путешествие для того лишь только, чтоб исцелять свои собственные недуги, каковых немало, увя, несет с собой мой возраст... однако жалкий ваш вид заставил меня забыть про все...»

От этих слов Ломаный Фриц потупил взор – нехорошие предчувствия, помимо воли, взяли верх над прежним состоянием душевного блаженства:

«Назовите же вашу сумму, о великодушный исцелитель!»

Гурагон кивнул, затем посмотрел на молодого человека пытливым немигающим взглядом и, не отводя взора, произнес разборчиво и медленно, словно бы ребенку или тугоухому старику:

«Четыре. Тысячи. Талеров. Ровно».

Фриц лишь открыл рот в изумлении:

«Четыре... тысячи... но как же... но ведь это же очень... очень много!..»

Непослушные руки его принялись описывать в воздухе причудливые угловатые линии.

«Это ведь... очень большие деньги... моя семья... мы будем вынуждены продать... продать все... залезть в долги... о, пощадите нас, добрый лекарь!»

Колдун молчал, сложив на груди руки. Молчал и, казалось, с интересом смотрел на своего обескураженного пациента:

«Ведь вы же говорили мне, юноша, что имеете средства... а также пользуетесь благосклонностью графа, что способно, конечно же, возместить этих средств временный недостаток... вы могли бы взять в долг у ростовщика – у какого-нибудь ломбардца или еврея... граф, несомненно, даст ему за вас поручительство...»

От этих слов Ломаному Фрицу стало еще ужаснее – он словно бы неожиданно окунулся в ледяную воду.

«О, Господи!.. Это же сумасшедшие проценты!.. Смилуйтесь над моей семьей, прошу вас! Неужели нельзя найти какой-нибудь иной способ... иной способ расплаты?.. право, умоляю вас, великий исцелитель, найдите же иной способ удовлетворить вас... без этих четырех тысяч талеров... и я сделаю для вас все, все, что только в моих силах!»

Он вдруг замолчал, удивившись собственным словам. Но, как бы то ни было, слова эти выпали из его уст, сотрясли воздух и беспрепятственно достигли ушей им внимающего. Теперь оставалось лишь ждать. Ждать ответа.

И ответ последовал. Выждав паузу, Гурагон медленно разжал свои бескровные губы и, увлажнив их кончиком языка, произнес с давешней неспешностью:

«Вы в самом деле затрудняетесь собрать такую сумму?»

Фриц поспешил кивнуть.

«И вы действительно готовы взамен оказать мне любую услугу, сколь бы удивительной и непонятной она ни показалась?»

Молодой человек кивнул вновь – еще более порывисто и безоглядно.

«...и вы готовы воздержаться от каких бы то ни было вопросов... и никогда не пытаться узнать то, что вам узнавать не надлежит?..»

«Да, мой господин, я готов соблюдать все эти правила... если только они освободят меня от столь чудовищного долга!..»

Теперь кивнул Гурагон:

«Хорошо же... я попрошу вас об одной услуге... она, конечно же, не стоит и половины вашего долга... но что не сделаешь для столь учтивого и благородного юноши!»

Колдун едва заметно усмехнулся:

«Смогли бы вы навестить того странного ученого старика, о котором рассказывали мне в день нашего знакомства?»

«Изготовителя фальшивого золота? Которого содержит наш граф?»

«Его самого, – Гурагон кивнул опять, – прийти к нему в дом... и сделать это в час, когда никого там не будет... когда хозяин, к примеру, спит или вместе со своей девчонкой отправится в церковь к ранней...»

«Но что я должен буду совершить в его доме? Я не хотел бы прослыть вором в родном моем городе...»

«...о, нет! Вам не придется ничего искать там, поверьте... напротив даже – вы, в известном смысле, обогатите жилище этого человека... – Гурагон издал короткий злой смешок – принесете туда то, чего там прежде не было напрочь!...»

Сказав это, колдун во мгновение ока извлек откуда-то, из бесчисленных складок своей одежды, странный, на взгляд Ломаного Фрица, предмет, представлявший собой крупную собачью кость, выскобленную до белизны, с привязанными к ней какими-то странными кореньями.

«Вот вам безделица – вещь самая обыкновенная... не способная вызвать абсолютно никаких подозрений...»

Он протянул связочку оробевшему Фрицу.

«Вам надлежит пробраться в тот дом... хотя бы через окно, спустившись с соседней крыши... пробраться и оставить там *это*, хорошенько припрятав куда-нибудь... чтоб не попалось никому на глаза раньше, чем следует... чтобы никто не увидел... вы меня поняли, юноша?»

«Да... – Фриц торопливо спрятал полученное в карман своей куртки, – Клянусь, я сделаю это... но...»

«Но сделать это следует прямо сегодня, да... вы слышите меня? прямо сегодня! – Голос колдуна исполнился теперь железными нотками, – Лишь в этом случае только я смогу зачесть вам ваш долг... зачесть его полностью...»

Ломаный Фриц поклонился в задумчивости.

«Идите же, идите сейчас... и пусть сопутствует вам удача!.. лекарство, выпитое вами, добавит ловкости вашему телу и решительности вашему духу... не стоит медлить, пока оно сохраняет в вас свое действие!»

24

К ночи вдруг некстати пошел дождь. Ломаный Фриц, решивший было тотчас же исполнить взятое на себя обязательство, вместо этого остался у себя дома, дожидаясь, когда погода улучшится. Отгоняя от себя сон, он провел несколько часов в томительном бездельи и лишь под утро, когда падающие с неба водяные стрелы сменила мелкая надоедливая сыпь, надвинул на глаза свою шляпу и, запахнувшись в темный плащ, выскользнул на улицу.

Данное колдуном лекарство, как видно, еще сохраняло свое действие в полной мере: несмотря на сильное волнение, Ломаный Фриц чувствовал какую-то особенную легкость в своем теле, не знакомую прежде податливость, способность совершать удивительно ловкие и быстрые движения... Он словно бы вовсе переселился в другое, лучшее тело, способное совершить то, на что никогда б не отважился прежний Ломаный Фриц.

Пробираясь узкими и кривыми городскими улочками, он вскоре достиг нужного ему места и, прислонившись к стене дома, соседнего с жилищем Мастера Альбрехта, застыл, напряженно вслушиваясь в звуки ночи.

Все было спокойно – колотушка ночного стражника еле слышно доносилась откуда-то издалека, других людей вокруг не было тоже. Можно было приступать, и Ломаный Фриц осво-

бодил спрятанную под плащом веревку с железным крюком на конце. План дальнейших действий возник в его голове мгновенно и мгновенно же начал воплощаться в жизнь. Молодой человек отступил на несколько шагов от стены дома и, старательно размахнувшись, послал железный крюк вверх, туда, где из ровной плоскости оштукатуренной стены выпирала вбок длинная поперечная балка, в обычные дни используемая хозяевами дома для подъема на второй этаж тяжелых и неудобных предметов.

Словно бы кто-то невидимый подхватил этот железный крюк заботливо и бесшумно, подхватил и, безошибочно зацепив за середину балки, успокоил надежно и крепко. Фриц с силою потянул за веревку – крюк оставался на прежнем месте, не соскальзывая ни вправо, ни влево. Тогда, обхватив веревку коленями и руками, молодой человек полез вверх словно гусеница – и так, перехватывая веревку раз за разом, вскоре достиг балки.

Подтянувшись и перекинув через нее ногу, он оседлал балку верхом, вытянул веревку вверх и, смотав ее в маленькую бухту, положил на балку у себя за спиной так, чтобы ее не видно было с земли. Затем, обхватив с боков торцы балки, протасил себя на руках в направлении стены, где, ухватившись за оконный косяк, выпрямился, встав на балку во весь рост. Цепко держась за стенные выступы, он нащупал ногами карниз и, ступая по нему осторожно, шаг за шагом двинулся влево.

Дойдя так до конца карниза, Ломаный Фриц перехватил руками черепичный край соседней крыши, оказавшийся на уровне его груди, легко занес наверх свое тело и, поднявшись на ноги вновь, пошел вперед, слегка согнувшись, – туда, где скорее угадывалось, чем виднелось окно мансарды...

...Проникнуть внутрь комнаты также не составило большого труда. Ломаный Фриц бесшумно соскочил с подоконника на пол, после чего остановился недвижно: надо было дождаться, чтобы глаза привыкли к темноте помещения. Постепенно из кромешной тьмы выплыло нехитрое убранство мансардной каморки – несколько расставленных по стенкам сундуков, один из которых использовался в качестве кровати. Кто-то спал на нем, слегка разметавшись.

Ломаный Фриц ощупал руками другой сундук и нашел, что тот не заперт. Тогда он достал что-то из кармана своей куртки и торопливо зарыл это в глубине открытого сундука, среди каких-то тряпок и кусков кожи.

Дело было сделано, надо было двигаться в обратный путь. Ломаный Фриц одним махом преодолел подоконник, пригнувшись, сбегал по наклонной черепичной плоскости к самому краю крыши, лег ничком и, свесив вниз ноги, осторожно нащупал знакомый угол карниза соседнего дома.

Он уже успел отойти довольно далеко – шага на три или четыре – когда вдруг что-то изменилось разом вокруг или даже не вокруг – а внутри: внутри самого Ломаного Фрица. Волшебное лекарство Гурагона, судя по всему, прекратило свое благотворное действие, разом отобрав у молодого человека как ловкость тела, так и смелость души. Руки, только что с безошибочностью выбиравшие надежные и крепкие выступы стены, вдруг перестали повиноваться своему хозяину вовсе, они задрожали мелкой дрожью, Ломаный Фриц беспомощно взмахнул ими и, тут же потеряв равновесие, соскользнул ногами с карниза. Короткий его вскрик никого не разбудил в окрестных домах – лишь с рассветом всегдашний молочник обнаружил то, что некогда было племянником графского дворецкого: при падении он сломал себе шею и умер мгновенно.

Глава пятая, в которой все приходит в движение, многие недоумевают, а Гретхен и Тимофей покидают город весьма странным способом

25

С утра граф неожиданно занемог. Счастливо отужинав накануне в одиночестве (повар приготовил ему любимую куропатку), он отправился спать в самом, что ни есть, лучезарном настроении духа. Сытая дрема тут же опустилась на его веки – граф немедленно утонул в ворохе приятных мыслей, столь же разрозненных, сколь и неуловимых. Он потянулся слегка, вздохнул и, перевернувшись на другой бок, вскоре заснул глубоким ровным сном.

Тем неприятнее было его последующее пробуждение. Раскрыв глаза часа за два до своего обычного времени, граф сперва нашел, что лежит в какой-то очень уж неудобной позе. Он тут же попытался переменить ее и устроиться поудобнее – однако не смог, как ни старался. Казалось, удобной позы теперь не существует вовсе: как ни ложись – тело будет чувствовать себя словно бы брошенным на острые камни.

Придя к такому умозаключению, граф попытался все же встать с постели. Он сел, спустив ноги на пол и намереваясь подняться, – однако тут же понял, что без посторонней помощи не в силах совершить даже этого. Что-то произошло с ним нехорошее – напрочь лишившее сил руки и ноги, наполнившее свинцом голову и заставившее глаза слезиться так, словно бы в них попала целая пригоршня песка.

Граф кликнул комнатных пажей. Заспанные, они явились не сразу – слишком тихо и отрывисто прозвучал голос их господина. Войдя в спальню, они невольно застыли в дверях: до того странен и жалок был его вид. И хотя замешательство пажей длилось совсем недолго – уже миг спустя они оправились вполне, – граф не мог его не заметить. И заметив, всерьез испугался.

«Чертовщина какая-то! – он старался, как мог, придать уверенности своему голосу, – Что это со мной?.. Принеси-ка зеркало, Эрих, да поживее!.. Ишь, сонные лентяи: скорей до смерти докричишься, чем до вас поутру...»

Один из пажей бросился к выходу, другой же попытался помочь своему господину встать на ноги. Крепко схватив его за рукав, граф и в самом деле поднялся, хотя и с изрядным трудом. Медленно обвел взглядом свою спальню, затем решил было сделать шаг прочь, но как видно передумал, и, отпустив руку юноши, рухнул в бессилии на кровать.

«Не... не могу... – он мотнул головой раздраженно, – Видать, не судьба мне сегодня... ладно...»

Закрыв ладонями глаза, граф попытался сосредоточиться, собраться с мыслями, насколько это возможно.

«Ладно... принесите мне умыться... надо же что-то делать, черт возьми!»

Вернулся Эрих с зеркалом – взглянув в него, граф почувствовал, как последняя кроха собранных с таким трудом душевных сил покидает его безвозвратно. В самом деле: мудрено было не потерять присутствия духа, когда из недр полированного металла вместо твоего собственного лица смотрит лицо форменного чудовища – опухшее и пурпурное, словно разварившаяся свекла!

Не прошло и получаса, как паника воцарилась в графском доме полноправной хозяйкой. Все суетились, слонялись из комнаты в комнату, давали друг другу бессмысленные многословные советы – словом, пытались изобразить участие и помощь. Притом, что в действительности никто ничего не понимал ровным счетом.

Впрочем, некоторое время спустя граф все же почувствовал себя лучше. Легче стало самую малость – прошло головокружение, сердцебиение в основном успокоилось, а руки и ноги, напрочь не желавшие до того повиноваться, теперь хоть как-то соглашались выполнять приказы своего хозяина. Пользуясь этим, граф дал себя одеть и, покинув, наконец, кровать, переместился в широкое, обитое бархатом кресло. Сил на это пустяшное перемещение граф затратил столько, сколько не ушло бы в другой раз на дальнейшее утомительное путешествие верхом...

Явились оба городских лекаря – похожие на братьев-близнецов, одинаково низкорослые и толстенные человечки: лысый с жиденькой седой бородкой и, напротив, лохматый, с всклоченной седой шевелюрой, чей подбородок, однако, напрочь был лишен растительности. Оказавшись в графской спальне вместе, они молча смерили друг друга ненавидящими взглядами и, встав друг от друга поодаль, принялись перетаптываться в нерешительности. Каждому из них хотелось уступить коллеге сомнительную привилегию первого осмотра больного, ибо первому осмотревшему надлежит и первым ставить диагноз, тогда как второму всегда сподручнее разнести чужие невежественные предположения в пух и прах, выставив на его фоне собственную ученость в лучшем виде!

Впрочем, повадки городских эскулапов ни для кого не являлись тайной, – желая поскорее прекратить это бессмысленное топтание, граф сделал им знак приблизиться. Тотчас же оба ринулись вперед наперегонки, затем каждый почтительно взял больного за запястье и, подняв взгляд к потолку, принялся считать пульс с такой странной гримасой, что впору было при других обстоятельствах засмеяться.

Однако тогда никто не засмеялся, конечно же. Все просто замерли в молчаливом ожидании, доверив течение дел их собственному ходу.

Наконец, лекари закончили свои странные манипуляции: сосчитали пульс, заглянули графу в зрачки, заставили показать язык... Измученный граф непроизвольно вздохнул с облегчением, ожидая теперь услышать свой приговор, – однако не тут-то было! Осмотрев больного, оба лекаря словно бы забыли, где они находятся и зачем: повернувшись друг к другу лицом, они принялись о чем-то громко спорить на латыни, размахивая руками и брызжа слюной.

Граф сперва ждал терпеливо, когда завершится этот ученый диспут, однако время шло, а слюны у лекарей не убывало. Напротив, казалось, что их спор становится все ожесточеннее и ожесточеннее – и, того и гляди, сорвется в обыкновенную потасовку. Растратив в бесполезном ожидании остаток сил, больной опустил голову на грудь и прикрыл глаза. Заметив это, дюжий графский дворецкий немедленно шагнул вперед и, взяв без всяких церемоний обоих лекарей за плечи, развернул их лицом к своему хозяину:

«Вас пригласили не для того, чтобы выслушивать эту ученую тарабарщину!.. Говорите же по существу, коли вам и впрямь есть что сказать – но говорите коротко и понятно... сказав же, что следует, незамедлительно приступайте к делу... ибо наш господин страдает и мы все страдаем с ним вместе!»

Эскулапы присмирели и даже как-то поникли слегка головами – должно быть, сильные ладони дворецкого, привыкшие к мечу и поводьям боевого коня, оказались убедительней любых слов и обстоятельств. Понимая, что тянуть время дальше не удастся, они переглянулись испуганно и практически одновременно раскрыли рты:

«О, господин наш, чье доверие безгранично!..» – заверещал лысый.

«Прими от нас слова сочувствия и сострадания!..» – вторил ему безбородый.

«Право, мы сделаем, все, что позволяет сделать наше искусство...»

«...дабы облегчить страдания и искоренить ваш недуг...»

«...хотя бы пришлось и посвятить этому многие дни...»

«...и ночи...»

(Дворецкий нахмурился.)

«...ибо честь нашего ремесла вынуждает не скрывать от вас правду – сколь бы тяжелой и невеселой она ни оказалась!..»

Оба на миг замолчали и вновь переглянулись. Замерли и графские люди, тогда как их хозяин, казалось, пребывал в полнейшем безразличии, словно бы и не к нему вовсе были обращены слова врачей.

«Увы, болезнь ваша весьма серьезна, господин! Великие доктора древности описали симптомы, схожие с теми, что мы видим сейчас, и отнесли их, все как один, к крайне тяжелым и опасным!..»

«Но, в то же время, никто не считал их безнадежными – и это вселяет в нас добрую долю уверенности...»

«...к тому же, и Господь всегда помогает праведным и добродетельным... а сила его воистину безгранична!»

Лысый хотел добавить что-то еще, однако дворецкий немилосердно прервал его взмахом руки:

«Похоже, вы намерены свалить свой долг на священника, не так ли? Ведь именно в эту сторону направляется дорога вашего пустословия... Говорите же просто: „да“ или „нет“. Станете ли вы лечить нашего господина и сможете ли вылечить его? Повторяю: „да“ или „нет“? А к помощи святых отцов, их благотворных молитв, исцеляющих мощей и оберегающих амулетов мы в состоянии прибегнуть и без вашего участия...»

Вместо ответа оба лекаря покорно склонили головы:

«Мы считаем, что в первую очередь следует обратиться к кровопусканию, если же оно не приведет к ожидаемому облегчению, стоит повторить его двумя часами позже... и еще через два часа в третий раз... попутно для улучшения тока желчи и прочих внутренних соков мы склонны предложить больному исцеляющий настой... Сейчас же мы хотели бы просить господина графа вернуться в свою постель – ибо покой также является важнейшим лекарством, а, следовательно, нашим союзником...»

Ни первое, ни второе кровопускание облегчения не принесли. Исцеляющий настой желудок графа принимать отказался: слишком уж эта жидкость напоминала своим вкусом застарелый отвар из найденных на дороге дохлых крыс. Оба лекаря уже не в силах были скрыть своей обескураженности – они даже забыли про давнее соперничество и лишь тихо переговаривались теперь на латыни, смущаясь от косых взглядов дворецкого.

После третьего кровопускания граф ненадолго лишился сознания. С трудом придя в себя, он слабым движением руки велел всем удалиться – всем, кроме дворецкого. Дюжий немногословный дворецкий, выросший с графом вместе и сопровождавший его повсюду неотлучно, считался самым верным и умудренным из графских слуг. Лишь к его советам граф склонен был прислушиваться время от времени.

Сейчас, как видно, именно такой момент и настал. Оставшись с дворецким наедине, граф молча заглянул ему в глаза, после чего попытался улыбнуться. Улыбка вышла жалкой, и граф понял это прежде, чем увидал ее отражение на лице своего собеседника.

«Чертовщина какая-то, Ганс... похоже, плохи мои дела, не так ли?..»

Дворецкий в ответ лишь качнул головой едва заметно:

«Будем, тем не менее, надеяться... надеяться надо всегда...»

«Надо, – граф согласно кивнул – надо-то надо... надеяться надо, да только вот непонятно... – он опять попытался улыбнуться, – непонятно, на что именно... ты не подскажешь мне по случаю, а, верный мой Ганс?»

Дворецкий молча опустил взгляд.

«Мы же не юнцы с тобою, Ганс, и повидали в жизни немало – нам ли уповать на этих говорящих на латыни жуликов? Или ты все же считаешь, что от них мне может быть прок?»

Дюжий дворецкий лишь покачал головой, по-прежнему не проронив ни слова.

«Так что будем делать, мой верный Ганс? Звать священника?»

Нотки неприкрытого отчаяния слышались в его голосе, привыкшем судить и повелевать. Суровый Ганс даже почувствовал, как уголки его глаз наполняются, помимо воли, предательской влагой:

«Говоря начистоту, мыслей немного, господин... Все же, стоит попробовать одну вещь, мне кажется... Во всяком случае, едва ли мы здесь что-то теряем, это ведь правда!..»

«Что же это за вещь? – граф, казалось, слегка оживился, – говори же прямо, Ганс, как ты всегда говоришь, оставаясь со мною с глазу на глаз!..»

«Помните того восточного купца, господин? Которому вы даровали привилегию и от которого изволили принять ковер?..»

«Который в дополнение сказался еще и ученым лекарем?»

«Его самого. Может быть, стоит призвать его, дабы продемонстрировал здесь нам свое искусство?»

«Как его звать, Ганс? И кто может поручиться за его умение – подтвердить, что сказанное в тот день было сказано неспроста?»

«О, в этом не возникнет затруднения... – Ганс радостно кивнул головой, – Мой племянник... он, в общем, вылечил моего племянника... этот Гурагон... да... вылечил его, притом, что эти двое болтунов сделать ничего не могли... и даже пытаться не стали...»

Граф попытался усмехнуться – заметно было, однако, что даже легкая усмешка дается ему сейчас с великим трудом:

«Что ж, позови его, если так... пусть отвечает, в самом деле, за сорвавшееся с языка... в конце концов, коли он откажется мне помочь, мы ведь можем вполне наложить на него штраф... в пользу этих городских лекарей... за то, дескать, что практиковал обманом на их территории...»

Казалось, графа даже развеселила слегка эта мысль – настолько, насколько его вообще сейчас что-либо могло развеселить:

«В этом случае он, по меньшей мере, избавит меня от необходимости оплачивать их бесполезные визиты из собственного кармана!»

Послали за Гурагоном. Тот внимательно выслушал пришедшего к нему графского слугу, задал несколько вопросов о том, как выглядит граф в своей болезни, после чего отправил слугу назад, наказав передать пославшему его дворецкому, что явится через час. Необходимо, дескать, подготовить подобающее случаю лекарство.

Этот час ожидания тянулся в графском доме дольше, чем иные сутки. Наконец, колдун явился и, будучи немедленно препровожден в покои графа, тут же приступил к осмотру больного.

Делал он это долго и тщательно, произнося в ходе своих манипуляций ободряющие и ласковые слова, до некоторой степени успокаивающие больного, но в то же время не нарушающие никаким образом рамки должной почтительности. К концу осмотра графу словно бы даже стало лучше – столь значительным оказалось вновь возникшее доверие к пользующему его целителю.

Наконец осмотр завершился, Гурагон не преминул еще раз почтительно поклониться, после чего в сопровождении графских слуг удалился на кухню: следовало разбавить водой и разогреть принесенный им отвар.

Час спустя граф смог принять это лекарство, а еще через час почувствовал явные признаки облегчения – краснота спала с его лица, рукам и ногам вернулась уверенность движений, а мысли перестали путаться. И лишь общая телесная слабость сохранялась по-прежнему, как, впрочем, и свойственно выздоравливающему больному: ибо болезнь есть труд и, как всякий труд, в конце концов утомляет...

Все это время колдун находился при графе неотлучно. Произнося немногословные успокоительные речи, он то и дело вглядывался в глаза больного, считал его пульс. Когда же облегчение стало очевидным для всех присутствующих и молчаливое напряжение их лиц прорвалось еле слышным гулом удивления и радости, Гурагон попросил графа удалить из его спальни всех, кроме дворецкого.

«На этот раз опасность миновала, о благородный господин! – произнес колдун после того, как все вышли, – прежде, чем настанет вечер, последние следы вашей болезни рассеются подобно дыму... и вы забудете о ней напрочь... до тех пор, пока... пока она, конечно же, не соизволит явиться вновь...»

Граф непроизвольно вздрогнул от этих слов, словно бы его неожиданно окатили холодной водой:

«Ты говоришь – явится вновь?..»

«О, я не утверждаю этого наверняка... я лишь сказал то, что сказал: ваша болезнь, увы, вполне может вернуться... вернуться, поскольку... поскольку не устранена ее причина!»

«Так в чем же дело? – граф вновь обрел самообладание, – Неужто столь искусному лекарю не по силам исцелить больного до конца – вылечить не только следствия его болезни, но и то, что их вызвало?..»

«О, нет, благороднейший господин, увы мне, – это вне пределов сил и самого лучшего на свете лекаря!..»

«Но почему же?»

«Потому лишь... потому, что причина вашей болезни, о благороднейший из благородных, лежит вне вашего тела и, полагаю, вне вашего дома также...»

«Ты говоришь загадками, чужеземец... Впрочем, это свойственно людям твоего ремесла... однако я все еще чувствую себя слишком скверно, чтоб напрягать мозги, и потому прошу тебя говорить просто... Ведь если причина моей болезни не во мне, то значит... значит, кто-то другой виновен в этом, не так ли?»

В ответ Гурагон лишь глубоко поклонился.

«А значит... это называется... называется колдовством... и ты считаешь, что сегодня утром я стал жертвою колдовства – если только я правильно понял то, что ты здесь сейчас сказал...»

Гурагон поклонился еще раз:

«Увы, господин, симптомы вашей болезни не позволяют усомниться в этом ни на мгновение».

«Но кто же сподобился... кто же, по-твоему, способен и готов на такое?.. можем ли мы найти этого человека?.. в городе ли он или вдалеке от нас? – голос графа постепенно возвращал себе былую силу, – Да и можно ли вообще противостоять подобному злу?»

Гурагон ответил на это утвердительно.

«Мне приходилось встречать болезни, порожденные колдовством, это так. Я кое-что знаю про них – знаю, что не все они одинаковы: иные под силу обыкновенным ведьмам, каких изобличают время от времени и, изобличив, сжигают на кострах без каких-либо слишком усложненных церемоний. Иные же, похожие на ту, кстати сказать, что поразила вас, о благо-

родный господин, под силу лишь незаурядному колдуну. Искушенному и сведущему. Черпающему свои черные навыки из старых книг, где последние изложены иносказательно и скрытно от понимания честного человека... Мне не дано знать, много ли таких людей поблизости, но один уж есть наверняка, – ибо на значительных расстояниях подобные виды колдовства непременно теряют силу...»

«Однако же ясно, на кого в этом случае падает подозрение! – вмешался вдруг в разговор дворецкий, – Ведь это же, верно, старый Альбрехт-философ... едва ли в этом городе найдется кто-либо еще такой... кто-либо еще, так же преданный своим книгам!.. в которых ни единый человек кроме него не разберет ни черта!..»

От этих слов граф вновь нахмурился – на какое-то время он задумался молча, затем поднял опять голову и, слегка отмахнувшись ладонью, произнес:

«Ты мелешь чепуху, Ганс... этот человек безобиден, как малолетний ребенок... и потом: чего ради, спрашивается, будет он причинять мне зло?.. мне, человеку, который его содержит?»

Но Ганс лишь энергично замотал головой из стороны в сторону:

«Именно это!.. Именно это, да!.. Позвольте, господин, но ведь и вы его кормите не так просто...»

Граф задумался:

«И что из того? Он выполняет... вернее, должен выполнить то, на что подрядился...»

«Вот, вот! Должен выполнить! Должен!.. Но что, если он не сделает обещанного в срок?..»

«Если не сделает?.. Тогда я... а, черт!.. я, кажется, понял твою мысль, Ганс... – граф в задумчивости почесал лоб, – Но все же, это наши... точнее – твои предположения, Ганс... а необходимы улики!.. Ты слышишь меня – улики, а не предположения. Только вот как их достать, а?»

На это дворецкий ответил столь же немедленно, сколь энергично:

«Конечно же... мы можем... мы можем обыскать его дом, к примеру... и если найдем там что-либо подозрительное, то...»

«А если не найдем ничего, что тогда? Что мы в этом случае скажем городскому совету? Ведь это их юрисдикция, и мы явным образом нарушаем ее, обыскивая городских граждан...»

Теперь настала очередь Ганса задуматься:

«В этом случае... да... в этом случае можно... вполне можно вызвать сюда их людей и потребовать, чтобы они провели обыск сами... мы же при этом станем наблюдать за ними, и не позволим делать это спустя рукава...»

Он замолчал. Граф молчал тоже – упервшись взглядом в собственные ладони. Затем вдруг поднял голову и неожиданно улыбнулся – хотя и довольно кислой улыбкой:

«Во всяком случае, у нас нет никаких иных мыслей, не так ли, верный мой Ганс?»

26

Отправившись с утра на рынок, Гретхен задержалась там мало что до полудня: так уж сложилось, что домашней работы в тот день почти не было. Мастер Альбрехт после позднего завтрака надолго уединился со своей книгой, и девочка, спросив предварительно у него дозволения, отправилась в город не столько для покупок даже, сколько ради развлечения: уж больно хороша была погода.

Оставив котомку с закупленной снедью у знакомой зеленщицы, она долго слонялась среди рядов и лавок, рассматривая товары, их продавцов и покупателей. С некоторых пор Гретхен полюбила людские скопления – те самые, которые она же раньше, в свои первые городские месяцы, пугливо обходила стороной. Ей нравилось рассматривать вещи, как привезенные издалека, так и изготовленные здесь же, в городе. Нравилось слушать обрывки чужих разговоров, каких-то житейских историй либо отчаянных споров о подобающей цене на товар. В эти

мгновения незаметно для окружающих Гретхен погружалась в царство сладостных мечтаний: ей вдруг начинало казаться, что огромный, почти что бесконечный мир, полный диковинных, невиданных раньше предметов и добрых интересных людей, открывает перед ней свои чудесные ворота. И, ступив в этот взрослый мир, она обретет непременно то, чего жаждет всей своей юной душой, – счастья.

Насытив любопытство, она не спеша отправилась восвояси, однако уже возле самого дома вновь оказалась в толпе горожан – хотя и не такой большой, конечно же, как на рынке. Протиснувшись вперед, Гретхен увидела нескольких, судя по всему, знатных господ, стоящих в окружении жителей их улицы. Господа задавали вопросы о каком-то происшествии, случившемся еще ранним утром: чуть погода девочка поняла, что будто бы кого-то нашли мертвым, причем этот «кто-то» является отнюдь не горожанином, а человеком графа. Пока Гретхен стояла в толпе, к господам присоединился еще один мужчина – одетый, как и они, но только, пожалуй, побогаче. «Это графский дворецкий, – шепнула стоящая рядом с Гретхен женщина в грязно-розовом чепце, – погибший приходился ему племянником...» Графский дворецкий принялся в свою очередь задавать бесполезные вопросы – повторяя, по сути дела, те, что уже задавались до его появления. Из ответов, однако, все равно ничего нельзя было прояснить: ни дела, по которому несчастный оказался здесь, столь далеко от собственного жилища, ни даже точного времени его смерти. Еще менее ясна была ее причина – было ли это убийство или же какой-то странный несчастный случай, переломивший молодому человеку шею так, словно бы он упал с большой высоты прямоком на собственную голову.

Выведав все, что можно было вывести, Гретхен выскользнула из толпы и побежала к дому. Ей не терпелось рассказать Мастеру Альбрехту об этом чрезвычайном происшествии. Впрочем, она воочию представляла себе, что старик в ответ немедленно произнесет своим размеренным назидательным голосом что-нибудь ироничное или даже брезгливое...

...Входная дверь оказалась не заперта. В первое мгновение Гретхен привычно отнесла это обстоятельство на собственную оплошность, однако уже в следующий миг поняла, что причина не в этом. Что-то случилось в доме – что-то непонятное и ужасное, кто-то побывал здесь, чужой и бесцеремонный, перевернул вверх дном все вещи: скамейки, сундуки, посуду на кухне... В испуге она бросилась наверх, в лабораторию, где оставила Мастера Альбрехта перед своим уходом, – однако старика там не было. Его не было и в других местах – Гретхен пробовала звать его, затем обежала все помещения дома вплоть до своей мансарды и, находя в каждом свидетельстве ужасающего разгрома, всякий раз убеждалась в отсутствии там хозяина.

Голова шла кругом. Закончив обход, девочка вернулась на второй этаж и, сев на ступени лестницы, удрученно задумалась. Что это было? Разбойники? Воры? Но где тогда Мастер Альбрехт – ведь даже если воры и убили его, то едва ли им зачем-либо понадобилось уносить с собой его тело. К тому же, по первому взгляду, – из дома не пропало многое из того, что заинтересовало бы любого вора. Даже заветный сундук старика – хоть и был вскрыт топором и выпотрошен на пол – однако же не лишился напрочь наполнявших его мешочков с серебром: они лишь валялись рядом в беспорядке. Впрочем, Гретхен никогда не залезала в этот сундук и понятия не имела, сколько серебра хранилось там изначально...

Мысли завивались в кольцо, не давая ответа ни на один вопрос. Девочка подперла ладонями подбородок и закрыла глаза. Хотелось, открыв их вновь, убедиться, что весь этот кошмар был не более чем сном, дурным сном, и, как обычный сон, рассеется без следа по пробуждении...

Внезапно она услышала рядом с собой какой-то шорох – в мгновенном испуге Гретхен разом очнулась от своих мыслей, обернулась и, однако, уже в следующий момент вздохнула

с облегчением: с верхнего пролета лестницы внимательно смотрели на нее зеленые кошачьи глаза.

«Господи, Тимофей... это ты!.. Что же здесь было, а? Где Мастер Альбрехт?»

В ответ животное спустилось не спеша до середины пролета и, обернув себя хвостом, прилегло на самом краю ступеньки.

«Что было здесь, спрашиваешь?»

Он нервно подергивал кончиком своего уже почти что белого хвоста.

«Была суeta и безумие... – он, высунув язык, зевнул, – Вломились какие-то люди, принались рыскать везде, переворачивать все вверх дном...»

Кот явно не горел желанием делиться подробностями.

«Послушай... – Гретхен решила проявить настойчивость, – Я и сама вижу, что кто-то побывал здесь... не с добрыми намерениями... но куда же, скажи мне, делся Мастер Альбрехт?...»

Кончик хвоста опустился и замер:

«Мастер Альбрехт? Он ушел с ними... Точнее говоря – они забрали его с собой, эти гадкие люди... связали руки и забрали с собой после того, как нашли то, что искали... начали кричать, хохотать, ругаться, затем скрутили ему руки и ноги... и унесли прочь, так, словно бы он был куском дерева или снопом пшеницы... весьма невежливый способ обращения, на мой взгляд, – не хотел бы я, чтобы меня самого вот так же связали и волокли... уж лучше сидеть в корзине, на крайний случай...»

Кот готов был и дальше рассуждать о собственных предпочтениях, однако Гретхен немилосердно его прервала:

«Постой же, постой... – она пыталась сосредоточиться, подавив в себе приступы неумолимого, как тошнота, испуга, – Ты говоришь, они нашли то, что искали... ведь так?»

Кот мяукнул утвердительно.

«Что ж это было, скажи мне?»

Тимофей, казалось, задумался. Кончик его хвоста вновь начал подрагивать, словно бы от комариных укусов:

«Видишь ли... это трудно понять, в самом деле... сперва они шарили в лабораториуме, главным образом... но, кажется, ничего там не нашли толком... хотя что-то все же сломали и разбили – какой-то горшок протек на другой горшок, тот, в свою очередь, упал на третий... в общем, хорошо, что обошлось без пожара...»

Гретхен поморщилась.

«...потом они, стало быть, принялись за другие комнаты... да... стали обыскивать их одну за другой... обыскивали, обыскивали – и, наконец, нашли...»

Хотелось, чтобы кот говорил короче, но Гретхен не знала, как попросить его об этом так, чтобы зверь не обиделся:

«...ты сказал – нашли...»

«...ага, нашли... и знаешь ли, где нашли?... представь: в твоей мансарде!.. в одном из полупустых сундуков...»

«...но что же это было?...»

«Не перебивай...» – Тимофей качнул головой, – «Не перебивай и научись-ка слушать, когда говорят бывалые и умудренные жизнью коты... Так вот, нашли они в сундуке сущую безделицу: какую-то высохшую до белизны собачью кость без крохи хрящей и, тем более, мяса... а еще – какие-то не то дощечки, не то – корешки... и все это зачем-то связано было в пучок... словно бы для продажи, не знаю...»

Тимофей прищурился:

«Но уж обрадовались они этой штуке – я тебе скажу!.. Принялись галдеть все сразу, руками размахивать...»

«И что же они кричали? – Гретхен напрягла внимание, – Говорили они что-нибудь об этой своей находке?»

«А как же! – кот приподнял свой хвост на треть длины и легонько стукнул им о деревянную досочку ступени, – Говорили, да еще как! Говорили, что такая вещь будто бы бывает нужна для одного только дела...»

«Какого же?» – не удержалась Гретхен.

«Колдовства!»

Девочка почувствовала, как предательский холодок страха в мгновение завладел ее сердечком.

«Колдовства?»

«Ну, да, колдовства. А что тут, в самом деле, такого? Ты что ж, никогда не слышала про колдовство? Да ты ребенок еще, как я погляжу!...»

Тимофей самодовольно потянулся – что ни говори, а уж слишком он любил блеснуть своей осведомленностью:

«Знай же, девочка, что старые, бесполезные кости – это именно то, что надо... именно над ними колдуны произносят свои заклинания... Уж мне ли не знать об этом, когда один из не самых далеких моих предков жил в доме вдовы городского углежога... которая, в свою очередь, любила, едва наступало полнолуние, колдовать над такой же вот точно связкой... связкой костей и кореньев... и все это для того якобы, чтобы нового мужа себе найти да приворожить...»

«И что же случилось с ней дальше?»

«Да ничего... – кот презрительно поморщился, – Ничего хорошего, хочу я сказать... Вот... Пришлось покинуть город даже... перебравшись в деревню...»

«Вдове углежога?»

«Да нет же – ее коту, непонятливая ты девчонка!.. Вдове-то уже ничего не пришлось: ее судили церковным судом, а потом сожгли на костре... А все потому, что на город тогда обрушился мор, – и городской совет решил, что в этом вина колдовства, не иначе...»

Гретхен содрогнулась:

«Что же, получается: и Мастеру Альбрехту грозит... ты хочешь сказать... что и его... что его тоже могут сжечь на костре?»

Кот лишь кивнул своей белой головой:

«Могут. Могут, если докажут, что именно он колдовал над этой дурацкой костью... Однако могут решить, что это делал не он вовсе...»

«А кто же тогда? – Гретхен совсем запуталась, – Кто же еще, если не он?»

«Ты!!!»

Гретхен вздрогнула.

«Я?.. Но ведь я...»

«Ты, ты... ты, конечно – ведь колдовские вещи нашли именно в твоей комнатке!.. Можешь особенно на этот счет не сомневаться даже!..»

Девочка застыла в изумлении – она хотела что-то сказать в ответ, но почему-то никак не могла подобрать для этого нужных слов.

«В общем, если старик на тебя укажет... сам ли собой или под пыткой – неважно... или если *они* и без него решат, что ты... тогда, очень боюсь, тебе несдобровать, ей-ей...»

Гретхен опять обхватила лицо руками. Хотелось расплакаться, но она все же сумела как-то сдержать почти что неизбежные слезы.

«Что же нам делать? Что же нам делать теперь, милый кот? Как защититься самим и как нам выручить Мастера Альбрехта? Где он сейчас, а?»

Вместо ответа Тимофей поднялся на ноги и в несколько прыжков спустился к девочке.

«Где он сейчас? Я думаю, в подвале графского дома – среди непрошенных гостей были, как мне кажется, люди графа... Во всяком случае, если судить по их разговорам...»

Гретхен вдруг подняла голову:

«Знаешь, нам надо уходить отсюда!.. В любом случае – надо уходить скорее...»

Она пристально взглянула на кота – каково ему придутся эти слова? Тимофей, однако, возражать не стал:

«Надо!.. Я же и говорю тебе – надо, надо скорее рвать когти... а ты все про какие-то косточки да палочки... давай-ка собирайся поскорее – не то эти люди, того и гляди, вернутся!..»

Гретхен встала на ноги, поднялась на несколько ступенек и, толкнув рукой неплотно прикрытую дверь, шагнула в разгромленный лабораториум. Кот молча проскользнул за ней следом.

«Следует взять с собой монет, сколько возможно... хорошенько их припрятав... и что-нибудь из мясной еды обязательно... – Тимофей принялся наставлять ее так, словно бы сам каждую неделю совершал побеги из дома, – ...и еще удобную корзину, чтоб место в ней нашлось и для меня тоже... хотя я, видит Бог, и не люблю подобный способ передвижения...»

Девочка, однако, слушала его вполуха: собраться в дорогу и в самом деле было нетрудно. А вот куда потом идти и как при этом улизнуть из города незамеченными? На эти вопросы Гретхен ответа не знала. К тому же надо было выручать из графских подвалов Мастера Альбрехта – или хотя бы попытаться сделать все для этого возможное... В общем, голова шла кругом настолько, что Гретхен едва услышала, как внизу вдруг закрипела входная дверь и громкие мужские голоса не оставили никаких сомнений в том, что давешние предостережения Тимофея имели более чем веские основания!

27

О том, что в подвале роскошного графского дома имеется небольшая тюрьма, в городе знали все. Однако знали об этом, главным образом, понаслышке – и потому дорисовывали в своем воображении какие-то ряды разделенных толстыми решетками камер с томящимися в них несчастными узниками. Вообще же, воображение горожан распалялось по этому поводу тем охотнее, чем реже они встречали графа и его людей, – ибо их, по старой традиции, не любили.

В действительности же, эта тюрьма представляла собой лишь отгороженную часть подвала здания, подвала, в котором хранили разные припасы, ненужные вещи, а также все прочее, что обычно принято хранить в подвалах больших и богатых домов. Вдобавок, означенная графская тюрьма нередко пустовала, держать серьезных пленников в не слишком дружелюбном городе граф остерегался, предпочитая использовать для этого один из своих замков.

Мастера Альбрехта, однако, привели именно в этот подвал, и граф, уже вполне оправившийся от недомогания, поспешил спуститься туда же, чтобы допросить несчастного лично. С собою он прихватил Гурагона, который, впрочем, от него все это время и не отлучался. А вот дворецкого Ганса, которого граф привык считать своей первой опорой и к чьим советам регулярно прислушивался, пришлось отпустить домой – что-то серьезное случилось с его племянником. Кажется, он погиб... Граф, впрочем, не стал допытываться об этом в подробностях: как ни кинь – а ему сейчас было не до судьбы какого-то незадачливого молодого человека, слишком сильно размахивавшего руками при ходьбе!

А еще граф вынужден был терпеть присутствие двух представителей городского совета – без них, согласно давнему договору, заключенному еще его дедом, городских граждан нельзя было допрашивать, судить и, в случае осуждения, наказывать.

Итак, граф занял свое место в специально принесенном слугами тяжелом кресле, прочие расселись по скамьям, а на низком длинном столике палач разложил свои страшные инструменты – гнутые иглы для забивания под ногти, клещи, вóроты для сжимания конечностей и дробления суставов...

Несчастливого Мастера Альбрехта принудили встать на колени и склонить голову. Подручный палача встал у него за спиной, держа в руках конец веревки, связывающей старику запястья.

«Эй ты, Альбрехт, называющий себя философом! Выслушай, в чем обвиняют тебя люди! – начал граф свою речь, – Выслушай и ответь нам немедленно и чистосердечно: признаешь ли выдвинутое против тебя или не признаешь?»

Он проглотил слюну и пытливо взглянул на старика. Тот, однако, не поднимал головы и вообще не менял позы.

«А коли признаешь его полностью либо частично, то, прежде чем передали мы тебя церковным властям, изволь рассказать нам все, с этим связанное. Кто научил тебя злему делу, кто помогал? Что надоумило тебя употребить силу колдовства, что жаждал ты благодаря этому обрести и каковы были орудия твоего черного промысла?»

Граф сделал глубокий вдох, затем продолжил:

«Если же ты надеешься вовсе отвести от себя предъявленные обвинения, то должен будешь дать в этом случае исчерпывающее объяснение тем уликам, которые... – он вдруг поперхнулся, – ... которые были найдены при обыске в твоём доме... ты слышишь меня, старик?»

Мастер Альбрехт молча кивнул. Он по-прежнему стоял на коленях и глядел в пол.

«Отвечай же!»

Старик медленно поднял глаза.

«Я... не совершал... ничего из того... в чем меня обвиняют...»

В ответ граф усмехнулся привычной усмешкой судейского недоверия:

«Что ж... едва ли не каждый, столкнувшись со столь серьезным обвинением, предпочитает вначале отрицать все или почти все... это столь обычно в подобных делах, что не заслуживает особого внимания...»

Он перевел дух.

«Но нас это, разумеется, не удовлетворит: потрудись-ка ответить подробно и обстоятельно!»

Мастер Альбрехт вновь поднял глаза:

«Право, я не знаю, господин, о чем бы должен здесь вам поведать... я не имею ничего из того, что должен бы был скрывать от вас... ибо полагаю, что вам, господин, и без того все было про меня всегда известно...»

«...что нам известно – то тебя сейчас не касается вовсе... – перебил его граф, – ...твое же дело нынче: говорить правду... полностью, всю...»

Старик поклонился покорно:

«Что ж – я готов... я готов рассказать вам все... – он выпрямился, – ибо ничего незаконного отродясь не совершал... вот уже несколько лет день за днем я делаю свою работу... которую подрядился выполнить для вас, за которую вы платите мне серебром и которую, Бог свидетель, я уже почти и закончил...»

«Работу? – встрял вдруг в разговор один из членов городского совета, – Какую такую работу? Объясни-ка нам тогда, в чем состоит это твое ремесло... и какую пользу оно приносит...»

Граф, услышав это, недовольно поморщился – ему-то вовсе не хотелось, чтобы Мастер Альбрехт разболтал тут всем и каждому про свои поиски Царицы Красок. Надо было как-

то отвести его, что ли, от этой опасной темы, спихнув при этом на другую, ту, ради которой и учинили допрос:

«Постойте-ка, эй! – он поднял вверх правую руку, – Не станем тратить время на пустые вопросы! Человек этот действительно получал от меня деньги... потому как делал для меня работу... должен был делать...»

Членам городского совета, однако, этих слов показалось мало. Старший из них – глава богатого цеха шорников – в ответ лишь прищурился, словно бы от холодного ветра, и вслед за тем покачал головой:

«Все-таки мы желаем, чтобы кто-либо пояснил здесь суть этой его работы. Нет ли в ней нарушений закона... И не противоречит ли она старинным правилам и договорам... касающимся пребывания в нашем городе членов вашего рода...»

Сказав это, он слегка – жестом вынужденной учтивости – поклонился графу. Тот на какое-то время задумался, уставившись в собственные руки, сложенные на коленях в замок, затем, найдя, похоже, правильные слова, вновь поднял голову и решительно взглянул в глаза своим собеседникам:

«Он должен был добыть для меня рецепт... найти его в старинной книге и доказать его верность и полноту...»

«Рецепт? – удивился второй член городского совета – старшина цеха замочников, – Но что это за рецепт? И не является ли он как раз рецептом колдовства и душегубства?»

Принужденный едва ли не оправдываться, граф энергично замотал головой:

«Нет, говорю я вам, нет же и нет! Это лишь рецепт обыкновенной краски... Краски и только...»

Шорник с замочником, однако, недоверчиво усмехнулись:

«Право, мы не слишком сведущи в подобных вещах, господин... Знаем только, что краску прежде никто не делал у нас в городе... Мы, впрочем, не имеем намерений подвергнуть сказанное вами какому-либо сомнению. Тем более что и проверить все это нетрудно вовсе. Обвиняемый сказал ведь нам, что работу свою закончил, не так ли? Или почти закончил...»

«Это так?» – граф обратился к Мастеру Альбрехту.

«Да, это так», – ответил тот.

Оба городских ремесленника, не сговариваясь, кивнули согласно:

«Стало быть, ты можешь показать нам... результаты... эту самую краску, да... краску, рецепт которой ты нашел в старой книге?..»

Все замолчали, пристально глядя на старика. Последний, однако, по-прежнему сохранял спокойствие, словно бы не его судьба решалась сейчас здесь, в этом подвале.

«Что же ты замолчал, Альбрехт-философ? Понял ли ты вопрос наш? Готов ли ты дать на него ответ?»

«Да, – Мастер Альбрехт неожиданно усмехнулся, – Я готов вам ответить честно и не таясь, да только вряд ли ответ мой придется сейчас по нраву задающим такие вопросы...»

Рыхлое лицо шорника от этих слов продернуло короткой судорогой возмущения:

«Что ты там мелешь, несчастный? Поясни-ка сейчас же! Уж не думаешь ли ты водить всех нас за нос своей мнимой ученостью? Знай же, что подобное тебе не удастся, ибо мы не расположены выслушивать здесь книжные слова и латинские изречения... У нас слишком мало времени, и потому отвечай кратко: есть у тебя та краска или же нет?»

Ко всеобщему удивлению, обвиняемый усмехнулся вновь:

«Несомненно, она была бы сейчас в моих руках... как была она в моих руках еще нынешним утром...»

Шорник с замочником дружно нахмурили брови:

«Ты, видать, пытаешься запутать нас, наглый старик! Последний раз предупреждаем тебя: говори-ка просто и прямо, а не то тебя станет учить этому вон тот скупающий молодец!..»

Сказав это, шорник указал на палача – тот, словно бы и в самом деле скучая, безмолвно стоял возле своих орудий подобно деревянной статуе.

«Я сказал, как мог сказать. Краска была у меня – и в этом всякий мог убедиться, войдя в мой дом. Могли ее увидеть хотя бы и вы, делая свой обыск. Ваши люди, однако, предпочли иное и в спешке опрокинули в горшок с изготовленным мною запасом несколько фунтов отличного купоросного масла. Добро, не возникло пожара... что уж тут говорить о какой-то краске!»

Лицо шорника побагровело от гнева. Привстав со своего места, он медленно открыл рот и заревел, словно бык:

«Да ты издеваешься над нами, жалкий ста...»

Однако замочник не дал ему разойтись:

«Послушай, – он положил руку на плечо своему товарищу, – Возможно, он и прав, черт его знает...»

Шорник проглотил слюну.

«Что?»

«Возможно, так и было, как говорит этот старик... чем черт не шутит... Я, кажется, видел что-то... какой-то горшок разбился в самом деле... дым даже пошел немножко... я просто не подумал тогда, что это важно...»

Воцарилось молчание. Судя по всему, оба ремесленника потеряли нить допроса и в непроизвольной растерянности обратили взгляды к графу. Тот, впрочем, также не знал, что делать дальше: вдобавок, к охватившей его растерянности примешивалось сейчас еще и чувство сильной досады – досады на то, что приходится почему-то подчиняться какой-то чужой, неведомой воле, заставлявшей его, графа, поступать не так, как ему бы того самому хотелось. Все же надо было двигаться дальше. Граф сделал строгое и, как ему казалось, непроницаемое лицо, затем поднял руку, словно бы прося всех замолчать, – притом что никто сейчас и не пытался что-либо произнести.

«Хорошо. Мы выяснили, таким образом, судьбу пресловутой краски. Осталось выяснить судьбу этого человека, стоящего перед нами на коленях».

Он деланно усмехнулся. Затем обернулся к Гурагону, все это время безмолвно сидевшему от него по левую руку.

«А каково будет твое мнение, чужестранный лекарь? Ведь это ты сказал нам, кажется, что колдовство есть причина постигшего меня недуга?»

Поклонившись с почтительной улыбкой, Гурагон поднялся со своего места и, шагнув к обвиняемому, несколько мгновений глядел на него молча. Затем вернулся на свое место.

«Позволено ли мне произнести свое скромное слово в присутствии столь умудренных и почтенных мужей? – начал он, поклонившись вторично, – Ибо, восхищенный здравомыслием и рассудительностью здешнего собрания, я лишь немного способен добавить к уже сказанному...»

«Говори же, не медли!» – процедил граф нетерпеливо в ответ.

«Видится мне, что корень всего лежит... в книге... в книге, которую поминает все время этот человек и которая, по его словам, является якобы его источником и руководством... Уму непостижимо, почему книгу не забрали при обыске (замочник недовольно поморщился): ведь это первое, на что принято обращать внимание в подобных делах!... Если обвиняемый нами действительно колдовал с помощью найденных в его доме костей и кореньев, то книга, скорее всего, есть именно то, что научило его этому богомерзкому занятию... В таком случае вина его становится очевидной, и вы с чистой совестью передадите этого человека суду епископа. Если же уроки колдовства в этой книге все же отсутствуют... если мы их не найдем... то в этом случае ему все равно надлежит изобрести себе убедительные оправдания, – ибо корни и кости были найдены при обыске и от этого при всем желании никуда не деться...»

Повисла пауза. Первым нарушил молчание шорник, уже порядком изнуренный подвальной духотой, а также неопределенностью происходящего. К тому же он, в глубине своей мелкой и нелюбопытной души, побаивался всего, что было связано с какими-либо книгами, отличными, само собой, от книг *контторских*.

«Велика ли польза нам от этой его книги? – начал он хрипловатым своим голосом, – Едва ли способны мы разобрать в ее латинских закорючках что-либо путное... Конечно же, можно бы привлечь сюда знающих латынь священников – но те тогда отстранят нас от этого дела вовсе... ибо обвинения в колдовстве – их исконный хлеб, как известно... отстранят, не преминув, однако, выставить довольно серьезные претензии, коли, чего доброго, наши подозрения не подтвердятся...»

Все закивали согласно, не имея, что возразить. Однако Гурагон вновь поспешил к ним на выручку:

«Если позволит мне почтенное собрание... я буду только рад послужить ему своими ничтожными умениями...»

«Ты понимаешь латинский? – обрадовался замочник, – И можешь изложить нам... то, что написано... в этой непонятной книге?..»

Гурагон лишь молча наклонил голову. В напряженной тишине раздался всеобщий вздох облегчения.

«В таком случае не станем терять больше времени, – подвел черту граф, – Пошлите кого-нибудь в дом этого человека... пусть принесет нам книгу, о которой вы все здесь мне твердите... Мы же пока успеем отобедать, как видно, – ибо у меня, признаться, чертовски сводит желудок от голода...»

Сказав это, он поднялся со своего кресла – остальные члены суда немедленно последовали его примеру.

28

Воистину, жизнь порой бывает устроена странно. Иногда *плохое* несет в себе *хорошее*, иногда же – наоборот. Слава богу, самый вместительный из имевшихся в лабораториуме Мастера Альбрехта сундуков оказался изготовленным не слишком искусно да, вдобавок к этому, еще разохся слегка от давности времени и неподвижного своего стояния в углу. Слава богу, ибо, спрятавшись в нем, Гретхен не только смогла, прижав к себе Тимофея, вполне вольготно вытянуть ноги почти во всю их длину, но также умудрилась сквозь плохо пригнанные или, может, разошедшиеся деревянные ребра наблюдать происходящее – ведь стоял сундук так, что почти вся комната оказывалась теперь перед ее глазами.

Первое время, однако, ничего не происходило вовсе, лишь откуда-то снизу, из-за двери доносились громкие грубые голоса. Чуть погодя, в дополнение к этим о чем-то спорившим голосам, послышались неторопливые шаги деревянных мужских башмаков: кто-то подымался сюда по лестнице. От страха Гретхен старалась дышать как можно реже: ей казалось, что дыхание непременно выдаст ее, позволит обнаружить место, где она прячется, стоит лишь незванным гостям войти в их лабораториум. Однако страх этот все же оказался преувеличенным: пришельцы, хотя и показались в лабораториуме сразу же, как поднялись на второй этаж, но стоящими там сундуками не заинтересовались. Да и вообще – они, говоря по правде, вели себя в лабораториуме столь шумно, что едва ли в состоянии были расслышать что-нибудь даже и более громкое, чем дыхание спрятавшихся в сундуке кота и человека...

Это были неприятные люди со злобными и грубыми лицами, один из них, как знала Гретхен, служил у графа на конюшне, тогда как другой по виду был типичным городским подмастерьем – девочке приходилось иногда встречать его на рынке или в иных подобных местах.

Войдя, они наскоро окинули взглядами углы и стены, после чего вопросительно и тупо уставились друг на друга:

«И где ее искать, эту чертову книгу, скажи-ка на милость?»

Подмастерье в ответ лишь пожал плечами:

«Придумают тоже... Сказали бы сразу, что, мол, книга им нужна... а то теперь вот ищи ее здесь, после того как мы же утром все и разворошили в хлам... поди разбери, что тут чем засыпано!..»

«Им-то чего... – вторил ему конюх, – в голову ударит чепуха какая-нибудь – и тут же, глядишь, приказ готов... потеть-то другим придется!..»

«То-то и оно, что не им потеть, не им...» – пробурчал подмастерье.

Он поддел носком башмака какую-то тряпку, валявшуюся на полу, затем шагнул вперед, наклонился и с видимым трудом поднял прямоугольный медный лист, на котором Мастер Альбрехт имел обыкновение измельчать получившиеся после прокаливания в атаноре твердые субстанции.

«А хорошая вещица, погляди-ка!..» – он попробовал царапнуть лист ногтем, затем, вздохнув с сожалением, швырнул его обратно на пол.

«Взял бы себе – в хозяйстве бы пришлась в самый раз... – подмастерье даже причмокнул слегка, – да только уж больно велика штучка-то... по улице нести... мало ли чего скажут...»

Конюх в ответ лишь рассмеялся:

«Да ты слепой что ли, приятель? Вон, гляди, под ногами, серебро рассыпано... настоящие звонкие талеры... бери – не хочу! Чего тебе далась какая-то доска медная?..»

Присев на корточки, он принялся наполнять монетами карманы. Чуть погода его товарищ присоединился к этому приятному занятию, и на какое-то время оба замолчали. Гретхен видела сквозь щель, как напряглись, раскраснелись от жадности их лица.

«Я, знаешь, еще с утра пожалел, что ничего отсюда не утянул, – да только несподручно было, при людях-то... так, пару талеров только – и все... считай – на память, да...»

Подмастерье засмеялся:

«И я, смотри-ка, тоже тогда... лишь пару талеров... ну, думаю, кто ж их считать-то будет потом, талеры эти... небось, все графу отойдет... или городской казне – это уж как они меж собой решат...»

Оба задумались.

«А ну как вернется старик? Тогда что?»

Конюх почесал лоб.

«Тогда – ничего. А что тогда? – он нехотя пожал плечами, – Вернется – так вернется: никто ничего не заметил, никто ничего не знает... какие там талеры... кто их считал, кто их видел...»

От этих слов оба засмеялись сухим стыдливым смешком. Затем конюх поднялся в рост и, слегка похлопав себя по затекшим коленям, огляделся.

«Все же – надо найти им эту книгу, чтоб ей было неладно... а то граф меня за задержку взгреет, как водится, немилосердно... он, говоря между нами, и так сегодня необычный какой-то... черт его разберет...»

Подмастерье также встал на ноги, поправил на себе штаны и куртку. Карманы, доверху набитые серебром, немного стесняли движения – он помимо воли поморщился, однако тут же усмехнулся и решительно шагнул к рабочему столу Мастера Альбрехта, засыпанному ворохом всевозможных вещей, скинутых прежде с полок и вытрясенных в ходе обыска из сундуков. Постояв немного перед этим странным изобилием, подмастерье вдруг решительно протянул к столу руку и, спихнув локтем на пол не менее трети кучей наваленных на него предметов, все же с усилием извлек из-под оставшихся прямоугольный фолиант в потрепанном деревянном переплете.

«Гляди-ка: вот же она, кажется... Убей меня бог, если это не та как раз книга...»

Он вернул свою добычу обратно на стол, расчистив для нее там немного места. Неумело и даже несколько пугливо раскрыл наугад, после чего склонился над страницами, пристально сощутив глаза.

«Она, она, что тут сомневаться!.. Вона – написано сколько... цифры, зачеркнуто, вишь, местами... то, что искали, а?»

Подошедший конюх также взглянул на книгу из-за плеча своего товарища.

«Ага... Она, вестимо!.. Она, она... – конюший удовлетворенно вздохнул, – Эх, знать бы грамоте – может, чего полезного тут бы нашли, как думаешь?»

«Господь с тобой, дружище: слыхал же – книга-то эта *колдовская*, оказывается... во как!.. так что наше благо, я полагаю, что мы с тобой читать не обучены... повезло кругом, считай... уж нас-то с тобой никто здесь ни в чем не заподозрит, правильно?... вот... а уж другого кого – кто поученее – при ином повороте, того и гляди, на костер спровадят...»

Подмастерье самодовольно хихикнул – так, словно бы сел за стол с обильной и вкусной едой:

«Ну и ладно, что колдовская... надеюсь, в руках-то ее держать не заповедано никому... бери-ка эту штуку под мышку и пойдем, слышь, живее вниз – думаю я, что не грех нам в этом доме еще и угоститься маленько: хозяина нет, а не пропадать же еде, верно ведь?»

Час спустя Тимофей выскользнул из своего убежища и осторожно двинулся на разведку. Нежеланные гости, как он и предполагал, к этому времени уже покинули дом, оставив на кухне перевернутую посуду и ворох разбросанных повсюду объедков. Вернувшись в лабораторию, кот осторожно поскреб когтями сундук, в котором затаилась Гретхен:

«Эй, вставай-ка... слышишь?... они ушли... давай, давай, вылезай оттуда – ей-богу, нам стоит с тобой сейчас поторапливаться!..»

Девочка тотчас же откинула крышку, встала сперва на колени, потом во весь рост и, едва шагнув, наконец, из спасительного сундука прочь, опустилась на колени вновь. Она рыдала, закрыв лицо ладонями. Обильные слезы текли по ее щекам, сквозь пальцы, неудержимо капали на пол...

Обескураженный Тимофей подошел к ней и сел рядом. Кончик его хвоста нервно подрагивал, словно бы в нерешительности.

«Ну, полно тебе, слышишь... полно... Хорошего и вправду немного, но все-таки кое-что есть и про нашу честь: как бы то ни было, а нас эти олухи не нашли в этот раз... следующий же будет не скоро, да мы и не станем его дожидаться... ведь так?..»

Слез у Гретхен, однако, не унимались. Кота это даже рассердило слегка:

«Хватит тебе, я же сказал... хватит, слышишь, распускать тут нюни... так мы не успеем собраться, того и гляди...» – приподнявшись, он потрогал девочку правой передней лапой, потерся затылком о ее бедро, однако та, несмотря даже на эти знаки внимания, все никак не хотела успокаиваться.

«Да замолчишь же ты когда-нибудь!.. Другой бы радовался на твоём месте изо всех сил, улыбался бы до ушей – а ты реветь только... Считай, такой опасности избежали!.. Эх, женщины, женщины, слез у вас много, а настоящего понимания – шепотка малая только...»

Сглотнув слезу, Гретхен все же смогла на какое-то время сдержать плач – с трудом оторвав от лица руки, она взглянула на кота чуть-чуть виновато и через силу пробормотала что-то невнятное.

«Ты что там? – кот старался подавить в себе раздражение, – говори-ка поразборчивей... из сказанного тобой я не понял ни слова, ей-богу...»

Девочка сделала глубокий вдох, на миг задержала в себе воздух, и, с силой его выдохнув, произнесла на этот раз вполне отчетливо:

«Мастер Альбрехт...»

«Что – Мастер Альбрехт?.. Послушай... Предоставь-ка ему защищать себя по своему разумению... Нам же теперь самое время подумать о собственных шкурах – пока эти мерзавцы не пришли сюда в третий раз... И потом... едва ли мы поможем чем-либо твоему старику, находясь здесь и проливая бесполезные слезы...»

В ответ Гретхен энергично замотала головой:

«Ты ничего не понял, Тимофей! Совсем ничего! Ничего-ничегошеньки!»

Кот, казалось, слегка обиделся от этих слов. Он повернулся к девочке боком и принялся равнодушно чесаться.

«Это я-то не понял? – растопыренная кошачья лапа на мгновение повисла в воздухе, – Это я, опытный и умудренный жизнью кот?..»

Гретхен опять замотала головой из стороны в сторону. Слезы, впрочем, прекратились – и только на покрасневшемся лице девочки застыло теперь выражение спокойной и мучительной печали.

«Как ты не понял: ведь они же приходили за *книгой*! Той, где записано все – все-все, слышишь!.. Все, что досталось Мастеру Альбрехту в наследство от Педро Сарагосского... и все, что нашел он сам за годы работы...»

Она вытерла ладонью нос, после чего взглянула на кота с сочувственным сожалением – ей вовсе не хотелось ронять своими словами достоинство Тимофея.

«Теперь, захватив книгу, эти негодные люди узнают секрет Царицы Красок – тогда как Мастера Альбрехта, в благодарность за подобное, наверняка обвинят в колдовстве и отдадут церковному суду. Вот если бы книги не было... – Гретхен вдруг замолчала, пораженная мыслью, ворвавшейся в ее голову, казалось, по собственной воле, – Вот если бы книгу они не нашли... тогда бы – другое дело!..»

Вытянув от удивления шею, кот заглянул ей в глаза:

«Почему же это так, скажи-ка на милость? – прежнее высокомерие животного улетучилось теперь без следа, – Как, по-твоему, отсутствие книги может спасти старика?»

«Как, как... Очень даже просто смогло бы!.. – девочка усмехнулась с грустью, – Если только верить тому, что говорят про графа люди...»

«...то что же тогда? – кот, казалось, изнывал от нетерпения, – Что же нового говорят они про нашего графа?»

«Если верить им всем, то граф... то он... никогда... никогда не позволит себе выбросить деньги на ветер... а значит, не отдаст Мастера Альбрехта на костер прежде, чем узнает...»

«...старинный секрет Царицы Красок... – поспешил закончить за девочку Тимофей, – Слишком много серебра в противном случае сгорит на костре вместе с Мастером Альбрехтом, не так ли?»

Гретхен кивнула согласно, однако тут же опять начала всхлипывать.

«Теперь же, когда и книга тоже оказалась в их руках...»

Но Тимофей вдруг вновь перебил ее, засмеявшись своим странным кошачьим смехом:

«В их руках, говоришь?.. Ты взаправду так думаешь, глупая девочка?..»

Ему, похоже, и в самом деле стало весело.

«Ты действительно считаешь, что эти двое мерзавцев унесли с собой именно ту старую книгу, над которой трясся твой старик изо дня в день?.. Тебе так показалось?.. Что ж... Тогда загляни-ка в сундук, из которого только что вылезла... открой его поскорее и взгляни...»

Кот продолжал смеяться. Повинуясь ему, Гретхен откинула у сундука крышку и, вытянув оттуда на свет несколько старых тряпок, вдруг отпрянула в изумлении: старинный фолиант Педро Сарагосского целым и невредимым покоился в глубине, среди изношенной одежды, каких-то поломанных замков, щербатых светильных ламп и глиняных горшков, неведомо когда треснувших по самое донце. Прячась в сундуке, девочка даже чувствовала, оказывается, ост-

рый край книжного переплета правым своим боком, тщетно пыталась подвинуться поудобнее, однако при этом не произвести по возможности никакого шума. Выходит, мародеры забрали другую книгу – ту, по всей видимости, в которой Мастер Альбрехт записывал свои будничные расчеты и по которой справлялся о разных заурядных материях, – именно к этой книге он, кстати сказать, обращался, выясняя вес подаренного Гурагоном золотого оленя.

Гретхен тут же перестала всхлипывать и даже как будто обрадовалась немножко – настолько, насколько можно было обрадоваться в этой не слишком располагающей к радости ситуации.

«Но как же книга сюда попала? Ты можешь объяснить мне это, а, Тимофей? – от удивления мысли девочки слегка путались, наплывая одна на другую – Ведь не сама же она спряталась в сундук... и уж всяк – не ты зарыл ее там, в ворохе рваного тряпья... при всем моем уважении, само собой, к твоему уму и предусмотрительности...»

Кот молча проглотил комплимент, затем поднялся на ноги и, обойдя Гретхен, сел у нее за спиной.

«Какая тебе разница, как... – он словно бы отвечал самому себе, нисколько не заботясь о собеседнице, – В сущности, случайное почти стечение обстоятельств... Или, если уж хочешь, – обычное проявление человеческой глупости... Каковое происходит в этом городе ежедневно... Тот из мерзавцев, кто служит при графских лошадях... так вот, этот безмозглый детина во время утреннего обыска своими же руками бросил книгу в сундук, после чего засыпал тряпками... Он, по всему, сделал это слишком быстро, чтобы запомнить... К тому же вид мешочков с серебряными талерами слишком уж расшевелил его воображение, я думаю!...»

Кот засмеялся вновь. На этот раз и Гретхен присоединилась к нему – словно бы гора свалилась с ее плеч, она теперь готова была действовать, энергично работать, куда-то идти – лишь бы выручить из беды Мастера Альбрехта и спастись самим с ним вместе.

«Что же мы будем делать теперь, когда книга у нас?... Стоит спрятать ее подальше, не так ли?»

«Подальше... – ворчливый голос кота перебил ее размышления, – Прятать ее здесь бесполезно, пойми... напрасный труд!.. они перероют весь город, если захотят, – с них станется... или же поймут тебя и станут пытать... не поручусь тогда, что ты сама не выложишь им это место... как миленькая... да...»

Говоря, кот принялся расхаживать по лабораториуму – из угла в угол.

«Нет, нет – мы не должны здесь оставаться!.. не должны, слышишь?... Здесь слишком небезопасно, слишком... да... Нам надо покинуть город как можно скорее... покинуть, взяв эту книгу с собой... уйти за городские стены, спрятаться где-нибудь в надежном месте... а потом уже, когда все затихнет, навещать сюда, вынюхивая осторожно, как там и что... сама же сказала, что без книги твоего старика не тронут... а то и отпустят даже, как знать... если же нет – то и тут, бог даст, что-нибудь придумается...»

Он перестал расхаживать и пристально взглянул девочке в глаза:

«Ты поняла меня? Надо рвать когти... поскорее, пока этих глупцов не прислали за книгой в очередной раз... Собирайся-ка поживее... бери еду, деньги, бери книгу и говори этому дому „прощай“: право, если удастся нам соединить вновь старика с его книгой, то крышу над головой и тепло в очаге нам уж кто-нибудь да обеспечит... найдется, ей-богу, какой-нибудь другой граф, желающий заплатить серебром за то, чтобы солидным котам портили мех голубой краской...»

Гретхен молча кивнула. План Тимофея не особо грел ей душу, ибо ничего не гарантировал, однако другого у них не было. Оставалось лишь довериться животному в очередной раз, надеясь на его сметливость и жизненный опыт.

«Но как же сможем мы уйти из города, Тимофей? – девочка обхватила руками колени, – Днем стража не выпустит нас, а ночью все ворота закрыты. Не лучше ли спрятаться где-нибудь здесь, внутри городских стен?»

Кот в ответ лишь бросил короткий презрительный взгляд:

«Где-нибудь здесь... да... где-нибудь здесь... ты только головой своей подумай немножко!.. куда здесь спрячешься, а?..»

Он вновь принялся вышагивать вдоль стены – туда и обратно, туда и обратно.

«Я-то, положим, схоронюсь – мне-то что: вон, кошка кривошеего булочника давно звала переселиться к ним в лавку... а то, говорит, от мышей сладу нет – хоть весь день их дави, дави, а меньше не становится... ну, она, впрочем, на мельнице никогда не жила, это уж сразу видно... избалованное существо...»

Говоря это, Тимофей самодовольно облизнулся.

«...я-то спрячусь, а вот ты куда денешься?.. скажи мне на милость?..»

Гретхен потупила взор: кот был прав, тысячу раз прав, прятаться в городе ей было негде.

«Но как же нам уйти отсюда, Тимофей? Я ведь и вправду не знаю никакого для этого способа...»

Однако кот на этот раз даже не дал ей закончить фразу:

«...не знаешь, так слушай... других... тех, кто знает...»

Он словно бы сердился слегка – или, скорее даже, желал показать, что сердится.

«Слушай внимательно, глупая девочка... Случалось ли тебе когда-нибудь прогуливаться возле Брауншвейгских ворот?..»

«Там, где еще этот странный кирпичный выступ у правой башни?.. конечно, случалось... я...»

«...помолчи... помолчи и послушай! – Тимофей перебил ее не церемонясь, – Так вот... ты, значит, тоже обратила внимание на это сооружение... отлично... а знаешь ли ты, чего ради оно там стоит?.. для каких таких случаев и обстоятельств?..»

«Не знаю... я же сказала уже...»

«...зато я знаю! – кот, наконец, перестал ходить и, подняв голову, заглянул проникновенно девочке в глаза, – я знаю, что это – подземный ход!»

«Подземный ход? Но куда? И зачем он там, а?»

Тимофей мотнул головой – словно бы удивляясь наивности своей собеседницы.

«Зачем? Зачем всегда подземные ходы делают? – он вновь мотнул головой, – Затем, чтобы в случае осады города можно было забирать незаметно питьевую воду из речки... про речку-то ты не подумала?»

«Не подумала... Значит, этот подземный ход выводит к речке... но откуда ты все это знаешь, а, Тимофей?»

«Оттуда... – кот опустил голову, – от старого черного кота, живущего в Ратуше, например... да и другие говорили мне об этом – те, кто давно здесь обитается... войны давно уже не было, но кое-кто помнит, как было дело... а другим – родители рассказывали, само собой...»

Он принялся вновь ходить из стороны в сторону.

«Значит, оно так... сейчас, пока вокруг города тихо, этот подземный ход не охраняет никто, равным счетом... просто запирают на ключ, и все... вернее – заперли давно когда-то и забыли... замок там хлипкий такой, ржавый – едва не развалился уже от старости... его б салом смазать, да городской совет экономит, видать... ну, вот – открыть его, значит, если изнутри, то даже и я смогу... подтолкну засов боком – он и отойдет... мех вот только ржавчиной выпачкается – ну, да что уж теперь, вылижусь потом когда-нибудь... всяк лучше, чем краска твоего старика!..»

«Но как же ты попадешь вовнутрь этого выступа?.. – Гретхен торопливо пыталась понять суть сказанного, – Ведь чтобы открыть дверь изнутри, надо прежде... открыть ее и проникнуть вовнутрь!..»

«Чепуха! – кот недовольно фыркнул, – Не говори ребяческих глупостей. В кладке стены выбиты два кирпича, и этого вполне достаточно, чтобы... чтобы я протиснулся... поняла ты или нет?»

Гретхен молча кивнула.

«Ну, так давай – за работу! Времени у нас, почитай, не осталось вовсе – скоро стемнеет, а мы еще не готовы ничуть...»

29

Теперь вернемся в подвал графского дома – туда, где ближе к вечеру вновь собрались участники давешнего суда: сам граф, неотлучный от него в этот день Гурагон, члены городского совета и, разумеется, Мастер Альбрехт, закованный в наручники и принужденный палачом встать на колени.

Нетрудно догадаться, что и на этот раз окончилось все полным конфузом, – причем весьма быстро. Едва участники суда расселись по своим местам, знакомая уже нам парочка – конюх с подмастерьем – была подведена к графу, после чего с почтительностью выложила перед ним свой трофей. Оба бедолаги были уверены, что снискали похвалу, а то и награду даже: они смело глядели графу в глаза и лишь слегка переминались в нетерпении с ноги на ногу.

Однако не тут-то было! Раскрыв наугад принесенную книгу, граф склонился над ней и, прищурив глаза, прочитал вслух, с заметным трудом разбирая чужой почерк:

«Четверть фунта квасцов... отдать мясникам два талера двадцать три крейцера... долг углежогу – десять крейцеров... расплатиться с продавцом масла до января десятого дня...»

Граф нахмурился и покачал головой. Перелистнул затем еще с десяток страниц, попробовал читать и на новом месте, однако почти сразу же прервался, не найдя, как видно, ничего интересного. Тогда он с шумом захлопнул книгу вовсе, поднял голову и, посмотрел поочередно каждому из присутствующих в глаза:

«Похоже, эти двое издеваются над нами, не так ли?»

Конюх с подмастерьем замерли от этих слов, словно парализованные, – в мгновенном приливе охлаждающего ужаса.

«Видать, песок заполонил их глаза, да и только... они стоят передо мной, глядят на меня в упор, а видят какого-то красильщика кож, я не знаю... четверть фунта квасцов... пять крейцеров маляру... да вас что, за этим послали к церкви Святой Агнессы?»

Бедолаги молча склонили головы.

«Или вы издеваетесь над нами над всеми?»

Старшина шорников молча взял книгу, так же раскрыл ее наугад и так же, как перед тем – граф, с шумом захлопнул:

«Эй вы, приятели... слышите вы меня или нет?.. вам что ж, не приходилось никогда... иметь дела с обычными... да, с самыми обычными торговыми или амбарными книгами, так ведь?» – не дожидаясь ответа, он покачал головой и, подперев кулаками пухлые щеки, уставился в пол.

«Помилуйте нас, благородные господа, – решился наконец раскрыть рот конюх, – Мы делали то, что нам было приказано делать... делали, как могли...»

«Мы, правда, старались... – пугливым голосом вторил его товарищ, – мы хотели как лучше... но мы ведь не знаем грамоте...»

Книга тем временем оказалась в руках Гурагона – тот, в отличие от графа и старшины шорников, принялся рассматривать ее довольно внимательно, временами шевеля губами и даже усмехаясь чему-то. Однако и он, в конце концов, захлопнув, отодвинул ее от себя прочь.

«В сущности, не нужно уметь читать, чтобы выполнить данное поручение... всякий же видит – эта книга состоит из множества бумажных страниц... бумажных страниц, заключенных в деревянный переплет, явно – весьма недавней работы... та же, за которой посылали вас... – голос Гурагона зазвучал теперь звонко и одновременно вкрадчиво, как если бы он разговаривал с ребенком, – та, что нужна нам, для выяснения важных для дела обстоятельств... есть книга старинная и дорогая... а, следовательно, писалась на пергаменте... будучи при этом переплетена в кожу... и не понять этой разницы могли лишь такие, как вы, – ленивые и невнимательные слуги!..»

Он кончил говорить и перевел взгляд на графа. Тот, казалось, испытывал замешательство:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.